

ВЫПУСК 9 / 2024

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АЛЬМАНАХ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

EX LIBRIS

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В КАЖДОМ НОМЕРЕ

УДК 02:002.2

ББК 78.3

E97

Издатель:

Омская государственная областная
научная библиотека им. А. С. Пушкина

Редакционный совет:

А. В. Ремизов,
председатель редакционного совета,
директор ОГОНБ им. А. С. Пушкина,
кандидат исторических наук

И. Б. Гладкова,
главный редактор, заведующая
отделом по связям с общественностью и
редакционно-издательской деятельности,
кандидат филологических наук

О. П. Леонович,
заведующая информационно-
библиографическим отделом
ОГОНБ им. А. С. Пушкина

А. П. Сорокин,
заместитель директора ОГОНБ
им. А. С. Пушкина

Л. Г. Пономарёва,
заведующая отделом «Центр книжных
памятников» ОГОНБ им. А. С. Пушкина,
кандидат филологических наук

Дизайн и вёрстка
А. О. Деркач

Наш адрес:

644099 г. Омск, ул. Красный Путь, 11

E-mail: omsk.lib@yandex.ru

Сайт: www.omsklib.ru

Подписано в печать 30.03.2024.

Формат 60x84/16.

Отпечатано в типографии «Золотой тираж»

(ООО «Омскбланкиздат»)

644007 г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34

www.omskblankizdat.ru

ISBN 978-5-8042-0675-9

СОДЕРЖАНИЕ

Специальный гость..... 6

Весь этот мир творит учитель. Интервью с И. И. Кроттом..... 7

Вчера-сегодня..... 14

Лосунов А. Из жизни настоятеля Омского Воскресенского военного собора отца протоиерея Дмитрия Пономарёва..... 14

Преловшек А. Переводы Достоевского на словенский язык..... 18

Ямчукова И. «Душа библиографии – поиск...»..... 22

Лапина Л. Место эвакуации – Омск. Место работы – Омская областная библиотека имени А. С. Пушкина..... 28

В (эпи)центре краеведения..... 40

Сорокин А. Генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадьевич Казнаков: осмысление личности..... 41

Гладкова И. «По праву памяти» (о книге С. И. Манякина «Сибирь далёкая и близкая»)..... 51

Шевченко О. В. И. Матющенко: «То, что я пережил...»..... 59

Перспектив культуры..... 68

Панасенков В. Пётр Ершов – поэт и педагог..... 70

Веретенникова С. ПОЭТ НИКТО: подняться над плесенью действительности..... 77

Пономарёва Л. Книжный мир поэта и педагога Иннокентия Анненского..... 83

Киричук Е. Ф. П. Шиллер в истории отечественного литературоведения..... 87

Тихонов А. Эпоха «Таёжных зорь»..... 92

Каткова Е. Художники Пушкинской библиотеки 1950–1970-е годы..... 99

Давыденко С. Филокартическая коллекция Омской Пушкинки..... 106

Книжная полка..... 110

Нагибин Ю. «Сирень» (фрагмент рассказа)..... 111

Акелькина Е. «Иду вперёд силой веры своей в лучшее...»..... 115

Абросимова А. «Страницы воспоминаний...»..... 120

Физиков В. Читая рассказы Галины Кудрявской..... 133

ПРОЕКТ PLUS..... 142

Федотова Ю. Книги специального формата звучат голосами волонтеров..... 143

Глушкова И. «Библионочь-2023». Читаем вместе..... 146

Авторы Альманаха..... 152

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках девятый выпуск нашего альманаха «Ex libris», большинство публикаций которого посвящено выдающимся людям, чья жизнь и судьба связаны с педагогической деятельностью. Как известно, 2023 год Указом Президента РФ был объявлен Годом педагога и наставника. Это знак признания высокого статуса педагогической профессии и особая дань уважения ко всем, кто осуществляет преподавательскую и наставническую деятельность.

Талантливый педагог, опытный наставник – за этими словами скрывается большая и очень ответственная работа, благодаря которой происходит передача подрастающему поколению самых главных человеческих ценностей. Важную миссию в деле просвещения и воспитания граждан нашей страны выполняют библиотеки. Обладая бесценным запасом многовековой книжной культуры, Омская областная научная библиотека имени А. С. Пушкина с первых лет своего существования являлась центром притяжения прогрессивно мыслящих, творческих личностей, центром просвещения. В рубрике «Вчера–сегодня» собраны эксклюзивные материалы, связанные с деятельностью Пушкинской библиотеки в 1920–1940 гг. В частности, статья «Место эвакуации – Омск. Место работы – Омская областная библиотека имени А. С. Пушкина» посвящена малоизвестным страницам из жизни сотрудников Омской Пушкинки, эвакуированных в наш город в годы Великой Отечественной войны. Высокообразованные работники библиотек Москвы и Ленинграда, оказавшись в это время в Омске, внесли значительный вклад в деятельность по просвещению и воспитанию наших земляков. Каждое имя – особая страница в истории библиотеки.

В течение 2023 года, стремясь сделать свою работу полезной и разнообразной, Пушкинская библиотека раскрывала образ педагога и наставника посредством организации публичных просветительских лекций, тематических вечеров, творческих встреч, книжных выставок, отражающих уникальное наследие отечественных и зарубежных учёных, преподавателей, исследователей. О том, какое значение имеют книги в жизни человека и о важности профессии учителя и просветителя, поделился своими мыслями с юными читателями библиотеки министр образования Омской области Иван Иванович Кротт. Интервью с ним представлено в рубрике «Специальный гость», открывающей наш альманах.

Героями этого номера стали выдающиеся педагоги, духовные наставники, учёные и просветители, судьбы многих из них связаны с Омском. Среди героев публикаций: настоятель Омского Воскресенского собора и

духовный пастырь Ф. М. Достоевского отец протоиерей Дмитрий Пономарёв; поэт и педагог, автор знаменитого «Конька Горбунка» Пётр Ершов; наш земляк, поэт Серебряного века, возглавлявший Императорскую Царскосельскую гимназию, Иннокентий Анненский; историк, основатель томской и омской школ археологии Владимир Иванович Матющенко. С информацией о жизни и деятельности этих людей можно познакомиться в публикациях А. Лосунова «Настоятель Омского Воскресенского собора отец протоиерей Дмитрий Пономарёв», А. Преловшек «Достоевский – близкий и понятный», В. Панасенкова «Пётр Ершов – поэт и педагог», С. Веретениковой «Поэт Никто: подняться над плесенью действительности», Л. Пономарёвой «Последний из Царскосельских лебедей: книжный мир Иннокентия Анненского», О. Шевченко «То, что я пережил...».

Отдельные страницы альманаха посвящены нашим великим соотечественникам – юбилярам 2023 года, чей вклад в историю омского края трудно переоценить. Особое место в перечне славных имён занимают такие выдающиеся государственные деятели, как генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадьевич Казнаков (1823–1885) и Первый секретарь Омского обкома партии Сергей Иосифович Манякин (1923–2010). В публикациях рубрики «В (эпи)центре краеведения» «Генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков: осмысление личности», «По праву памяти» мы представляем малоизвестные страницы биографии этих легендарных личностей. Благодаря большому вкладу этих людей в развитие нашего края, их имена вписаны отдельной строкой в летопись Омской области и сохраняются в памяти многих поколений омичей.

Рубрики «Перспектив культуры» и «Книжная полка» знакомят с исследованиями, посвящёнными юбилярам года – писателям Михаилу Пришвину, Владимиру Набокову, композитору Сергею Рахманинову, исследователю зарубежной литературы и педагогу Францу Шиллеру. Последнему посвящена статья Е. Киричук «Франц Петрович Шиллер: удивительная судьба учителя, учёного, творца».

Традиционно мы знакомим наших читателей с проектной деятельностью Пушкинской библиотеки. В рубрику «Проект PLUS» вошёл фоторепортаж о том, как проходила культурно-просветительская акция «Библионочь–2023» «Читаем вместе в культурном месте», а также публикация о том, как филиал специализированной библиотеки для незрячих и слабовидящих реализует проект «Звуковая дорожка».

Надеемся, что все материалы, которые мы представляем вашему вниманию, будут интересны и познавательны, и у вас в процессе чтения возникнет желание больше узнать об авторах и героях наших публикаций и ближе познакомиться с уникальным книжным фондом библиотеки. Мы всегда рады встрече с вами, дорогие наши читатели, на страницах альманаха и в стенах Омской Пушкинки!

Весь этот мир творит УЧИТЕЛЬ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ

Специальный гость номера – заместитель Председателя Правительства Омской области, министр образования Омской области, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ОмГПУ, председатель Омских региональных отделений России: общества «Знание», Русского географического и Российского исторического обществ, член Союза краеведов России и постоянный член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев Иван Иванович Кротт.

Добрый день, Иван Иванович! Наша встреча проходит накануне общероссийского праздника – Дня учителя. Это событие приобретает особое значение в год, объявленный Президентом РФ Годом педагога и наставника. Примите наши поздравления! Расскажите, пожалуйста, о наиболее ярких событиях в Вашей жизни и о том, какую роль в них сыграли учителя и наставники?

Первым ярким событием в моей жизни была начальная школа. У каждого человека был первый учитель. Моя первая учительница Татьяна Николаевна Гегелева заложила в нас, деревенских ребятах, те важные основы, благодаря которым мы сформировались как личности. Несмотря на то, что в нашей начальной школе в классе было 32 человека, она умела очень мягко и корректно находить подход к каждому ученику.

Второе событие связано с моей учёбой в средней школе № 2 города Называевска. В ней работал молодой учитель биологии Александр Николаевич Кокоткин, он же вёл при школе секцию баскетбола. Посещение секции и общение с этим удивительным человеком оставило яркий след в моей памяти. Именно он прививал нам чувство коллективизма, ответственности за команду.

Следующее яркое событие моей жизни – это учёба на историческом факультете Омского педагогического университета. Нас обучали выдающиеся преподаватели – легенды омского образования, специалисты высочайшего класса. Они заложили основы постижения научной мысли. Особо хочу отметить семинарские занятия, специализи-

рованные обсуждения тем наших курсовых работ. Волею судьбы я оказался в группе студентов под руководством тогда кандидата, а ныне доктора исторических наук Александра Георгиевича Киселёва. В ходе обсуждения у нас формировались те важнейшие системные знания, которые в дальнейшем повели вперёд, в науку.

В декабре 2018 года я был назначен руководителем родного вуза. Для меня это был своеобразный вызов, ведь эта должность предполагала наличие опыта управленческой деятельности.

Надо сказать, что именно в это время педагогический университет находился накануне аккредитации. Кроме того, у педагогического вуза особая и очень ответственная миссия – учить учителей, которые, обучая и воспитывая подрастающее поколение, формируют будущее страны. Для нас было важно, чтобы наши студенты в полной мере осознавали ту меру ответственности, которая на них возлагается.

Мне как ректору приходилось решать очень серьёзные задачи, предполагавшие другой ритм работы, иные подходы к формированию единого образовательного пространства школа–вуз. Это потребовало от меня объединить и вдохновить новыми идеями команду единомышленников. Опыт работы в таких форс-мажорных обстоятельствах потребовал высокой мотивации как с моей стороны, так и со стороны участников реализуемого проекта «Учитель будущего поколения России». Мы являлись инициаторами создания на базе вуза Технопарка универсальных педагогических компетенций, который был, в том числе, инициирован Министерством просвещения РФ по поручению Президента страны. Одновременно в университете шла работа по созданию максимально комфортных условий, направленных на то, чтобы абитуриенты отдавали предпочтение именно нашему вузу. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность моим коллегам, которые работали со мной в одной команде. Специфика такого крупного учреждения как университет такова, что без поддержки и заинтересованного участия, без понимания значимости тех вопросов, которые перед

нами стоят, невозможно достичь желаемых результатов. Важно отметить, что со стороны государственных органов власти педагогические вузы сегодня получают значительную материальную поддержку, что позволяет успешно решать поставленные перед ними сложные задачи. И, конечно же, в череде ярких событий не менее важным для меня стало рождение детей. Ведь воспитание в семье – это тоже очень ответственное дело.

Как известно, о будущей профессии ребёнок начинает мечтать с детства. Многие закладываются в семье, из книг. Помните ли свои первые книги?

Моё детство прошло в деревне Батареевка Называевского района. Воспитывала меня бабушка, которая говорила на немецком языке, причём на особом диалекте. Она передала мне и моим старшим братьям навыки работы по хозяйству, преподавала нам уроки жизни. Но читать по-русски и писать я научился только в школе благодаря первой учительнице. Мои первые книги – это стихи Самуила Маршака, Сергея Михалкова, Агнии Барто. До сих пор помню иллюстрации на страницах букваря. Уважение к книге и интерес к чтению мне привил родной дядя Александр Фёдорович, который тогда работал учителем математики, а затем директором сельской школы. В старших классах я начал особо усердно учиться, готовясь к поступлению в вуз.

Почему по окончании школы Вы выбрали именно исторический факультет педагогического университета?

В среднюю школу № 2 города Называевска, где я учился, приехал по окончании исторического факультета молодой учитель Александр Алексеевич Лоханский. Будучи нашим классным руководителем, он привил нам не только интерес к исторической науке, но воспитал в нас ответственность, трудолюбие, коллективизм и взаимовыручку. Всё это очень пригодились в моей работе и жизни. Благодаря его урокам я принял решение поступать на исторический факультет.

В первый год мне для поступления на истфак не хватило одного балла. Но хорошие баллы по результатам вступительных экзаменов позволяли поступить в аграрный университет. Уверен, что я бы учился там с неменьшим интересом. Однако в тот год по инициативе руководства Азовского немецкого национального района на историческом факультете педагогического университета комплектовалась группа студентов-целевиков, которые должны были в дальнейшем работать в школах Азовского района. С разрешения декана истфака Евгения Михайловича Данченко я был зачислен в эту группу. Очень благодарен моим преподавателям. Это выдающиеся учёные: историки, археологи, краеведы.

С первых лет учёбы на историческом факультете нам – будущим педагогам – прививали важные установки, определяющие идеологию и философию нашей будущей профессии: «Историю нужно преподавать так, чтобы через десять и через двадцать лет вам не было стыдно за сказанное вашим ученикам», «не должность красит человека, а человек должность».

Сегодня я нисколько не сожалею, что судьба привела меня именно в Омский педагогический. Однако аграрная тематика осталась у меня в сердце и определила направление дальнейших научных исследований. Сферой моих научных интересов стала история аграрного предпринимательства в Сибири в конце XIX – начале XX веков.

По окончании вуза Вы начали работать в Омском областном историко-краеведческом музее. С чем был связан для Вас этот выбор?

Весной 1994 года нас направили для прохождения музейной практики в историко-краеведческий музей, директор которого Пётр Петрович Вибе вместе со своими коллегами завершал работу над историко-краеведческим словарём. Кроме этого, музей реализовывал целый ряд проектов. Нас привлекли к работе с документами в Историческом архиве Омской области. Эта работа была очень интересной. Надо сказать, что в тот период времени Пётр Петрович был по совместительству доцентом одной из кафедр на истфаке и читал нам лекции по историческому краеведению. Петра Петровича я считаю своим главным наставником в профессиональном плане. В 1998 г. мы с моим товарищем Сергеем Баахом начали работать младшими научными сотрудниками в экспозиционно-выставочном отделе краеведческого музея. В те годы научным сотрудником работал Алексей Петрович Сорокин, ныне – заместитель директора Пушкинской библиотеки. Руководителем отдела была Ольга Анатольевна Пьянова, заместителем директора – Татьяна Михайловна Назарцева. Я с благодарностью вспоминаю этот этап своей жизни, меня увлекла научная работа, определившая решение поступать в аспирантуру.

Какую роль в вашей жизни сыграла библиотека?

Книга и чтение занимает важнейшее место в моей жизни. Во время учёбы на первом курсе университета я был постоянным читателем библиотек Дома учителя и

педагогического университета. Пушкинская библиотека в связи с переездом в новое здание тогда была ещё закрыта. Старшекурсники нам часто рассказывали об особой особой ауре, которая была в старой Пушкинке. Когда в 1995 году библиотека распахнула свои двери для читателей, бывало, что мы допоздна засиживались в её прекрасных оборудованных залах, читали научные статьи вслух, а затем обсуждали прочитанное.

Хочу отметить, что сотрудники нам никогда не напоминали о том, что библиотека заканчивает работу. В годы учёбы в аспирантуре мы приходили в Пушкинку как на работу, только здесь можно было найти необходимые нам книги. Это было очень интересное время. Так что моя давняя любовь к чтению вполне объяснима.

Сегодня, находясь в должности министра образования Омской области, каким Вы видите образ современного учителя?

Прежде всего, важно помнить, что педагог, учитель – это не профессия, это – призвание. Современные дети ведь не лучше и не хуже тех, что были раньше, они – другие как по состоянию здоровья, так и своему интеллектуальному развитию. В современный информационный век очень важно, говоря научным языком, формировать верифицированный контент для каждого ученика. То есть учитель должен помогать ребятам осуществлять навигацию в глобальном информационном пространстве. Но при этом важно помнить – как бы активно не развивались современные информационные технологии, ничто не может заменить живое слово учителя.

Встречаясь со студентами – будущими педагогами, я всякий раз провожу мысль о том, что профессия учителя является одной из самых важных. Учитель продолжает в своём ученике. В диалоге формируется мировоззрение школьников, в диалоге выстраиваются их взаимоотношения с родителями. В этом высокая миссия учителя и наставника. Не следует забывать и об отношении современных родителей к школе, функционалу и обязанностям учителя. С родительским сообществом также важно выстраивать партнёрские отношения. Поэтому в каждом отдельном случае необходим дифференцированный подход, компромиссный вариант решения вопросов.

Иван Иванович, Вы являетесь автором более 200 научных и учебно-методических трудов и публикаций, посвящённых методологическим проблемам исторического познания, экономической и социальной истории России и Сибири конца XIX начала XX вв., историческому краеведению. Среди них две авторские монографии, 10 монографий, выполненных в соавторстве, 8 учебно-методических работ. Кроме того, у Вас богатый опыт педагогической деятельности. Чтобы Вы хотели пожелать нынешним и будущим учителям?

На учителя, наставнике лежит большая ответственность за будущее нашей страны. Именно он закладывает основы основ для дальнейшей жизни тех, кого учит и кого воспитывает. Это требует каждодневной работы по самосовершенствованию и развитию. Одна из важных задач – сделать всё возможное, чтобы педагоги чувствовали постоянную поддержку со стороны органов власти. Правительством Омской области принимаются дополнительные меры материального стимулирования молодых педагогов, создаются условия, необходимые для их профессионального развития, в том числе в вопросах преемственности передового педагогического опыта. В мае 2023 года при нашем министерстве создан региональный координационный совет по наставничеству, состоялись масштабные профориентационные акции «Открывая новый мир», «День с педагогом и наставником», фестивали, состоялись открытые уроки и мастер-классы.

Мы провели двадцатый по счёту Областной педагогический марафон. Ведётся работа по обобщению инновационных проектов в сфере образования. В результате в этом году в нашей области был

установлен рекорд: на работу в учебные заведения устроились более 900 молодых педагогов, свыше 90 % из них пользуются мерами поддержки. Нам отраднo осознавать, что в учреждениях омского образования 24 % кадрового корпуса – это молодые специалисты.

В канун профессионального праздника желаю всем педагогам интересных, продуктивных идей и возможностей для их воплощения, бодрости духа и отличного настроения! Счастья, добра и благополучия вам и вашим близким!

Большое спасибо, Иван Иванович!

ВЧЕРА-СЕГОДНЯ

ИЗ ЖИЗНИ НАСТОЯТЕЛЯ ОМСКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО ВОЕННОГО СОБОРА ОТЦА ПРОТОИЕРЕЯ ДИМИТРИЯ ПОНОМАРЁВА

Александр Лосунов

Протоиерей Омского Воскресенского собора отец Дмитрий Пономарёв являлся ярчайшим представителем как западносибирского, так и омского духовенства. Его биография в сопоставлении с жизнеописанием других представителей духовного сословия (в частности, с «Житием» омских протоиереев в лице С. Я. Знаменского и А. И. Сулоцкого) позволяет выделить черты, которые были присущи лицам, носящим духовный сан в первой половине XIX века и служившим на территории Западной Сибири.

Об омском протоиерее Димитрии Пономарёве как о человеке известно немного. О его личностных и пастырских достоинствах можно узнать из труда, принадлежащего перу известного сибирского церковного историка, протоиерея Александра Ивановича Сулоцкого (1812–1884). В оригинале он носит весьма длинное и безличное название: «Опасности и огорчения, каким подвергаются священнослужители иных Сибирских не только сел, но и городов, при исполнении ими треб и других своих обязанностей». Этот труд был опубликован в журнальных номерах «Прибавлений к Иркутским епархиальным ведомостям» 1879 г. (№ 15 от 14 апреля и № 16 от 21 апреля).

Протоиерей Сулоцкий.
Из фондов ТИАМЗ

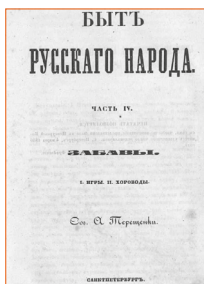
Настоятель омского Воскресенского собора протоиерей Димитрий Семёнович Пономарёв (1796–1853) родился в семье священника, окончил духовную семинарию в Тобольске. Служение Богу молодой отец Дмитрий начал в Тобольске, продолжил в Петропавловске. В 1836 году он был переведён в Омск и назначен настоятелем Воскресенского собора. Помимо этого, в период с 1836 по 1853 гг. он являлся бессменным законоучителем в Омском батальоне военных кантонистов. Именно благодаря его ненавязчивым, полным душевности и православного мироощущения урокам, часть кантонистов, евреев по происхождению, приняла православие. Известный историк Сибирской церкви, протоиерей А. И. Сулоцкий, лично знавший отца Димитрия, вспоминал о нём как о человеке «умном, добром, ласковым, бескорыстным», умевшем «наставлять непонимающего, вразумлять заблудившегося и учить добру согрешающего». Много его сил и энергии потребовало открытие в Омске, в 1838 году, духовного училища. Здесь на протяжении целого ряда лет он являлся бессменным смотрителем. Служа в Омске с 1836 по 1843 гг., отец Дмитрий помимо прямых обязанностей настоятеля одного из городских храмов нес церковное послушание в качестве благочинного трёх городских и девяти окружающих церквей, а также служил в качестве первоприсутствующего в Духовном Правлении. Однако исправление им этих многочисленных обязанностей никаким образом отрицательно не отразилось на жизни Воскресенского прихода, духовно им окормляемого. За восемь лет (с 1840 по 1848 гг.) численность прихожан увеличилась на 72 человека. Не следует также забывать, что именно его трудами было положено начало созданию соборной библиотеки. В течение ряда лет либо по его благословлению, либо непосредственно им самим в ответ на запросы Тобольской Духовной Консистории составлялись и посылались многочисленные заказы на вновь вышедшие книжные новинки. Следует учитывать, что книги тогда были весьма дорогим удовольствием, поэтому многие из действующих в то время омских церквей от выписки их, как правило, отказывались, однако с Воскресенской

Сведения о службе
протоиерея Пономарёва.
Из фондов ГИАОО

крепостной церковью это случалось крайне редко. Приобретение книг, помимо их дороговизны, нередко сопровождалось невыполнением заказа. Дело в том, что столичные книготорговцы в этом отношении были не всегда добросовестными. Такая нелюбезная ситуация произошла и с протоиереем Пономарёвым. В июле 1852 г. он доносил Епархиальному начальству, что ещё в феврале 1850 г. заказал книгу А. Терещенко «Быт русского народа» (СПб., 1847–1848), послал деньги, но так и не получил «ни денег, ни товару». Отчасти его пастырские обязанности, в том числе увлечение им сбором книг и чтением, свели его с находящимися на каторжных работах двумя очень известными людьми.

В пастырские обязанности отца Дмитрия входило посещение арестантов Омского каторжного острога. Вот почему именно ему в числе первых довелось общаться с ссыльными литераторами Фёдором Михайловичем Достоевским и Сергеем Фёдоровичем Дуровым в период их омского заточения. Более того, Фёдор Михайлович в одной из бесед просил отца протоиерея, являвшегося для многих каторжан их духовным отцом, достать ему для прочтения «Историю и Древности Иудейские» Иосифа Флавия. Вслед за А. И. Сулоцким, мы склонны также полагать, что протоиерей Дмитрий Пономарёв был духовником Ф. М. Достоевского во время пребывания писателя в Омском остроге. Кстати, частым гостем в доме отца протоиерея был печально известный омский плац-майор В. Г. Кривцов. Злые языки того времени утверждали, что вместе с хозяином начальствующий гость чуть ли не каждый день выпивал не по одному ведру сивухи. Визиты эти и возлияния имели для В. Г. Кривцова особую цель: плац-майор сватался к дочери священника Анне. В 1852 г. ей было 27 лет. Она умела читать и писать. В отличие от своих двух братьев Александра и Петра, которые в то время обучались в Тобольской Духовной Семинарии, она жила вместе с родителями в казённом доме, находящемся на территории второй Омской крепости. Некоторые краеведы склонны считать, что это сохранившееся поныне здание по ул. Спартаковской № 7. Однако это не совсем так. Действительно, здание нынешнего Омского гарнизонного военного суда в XIX в. занимали протоиерей и Духовное Правление, но оно было построено в период

Быт русского народа

История и древности Иудейские

Вид на территорию крепости с Воскресенского собора

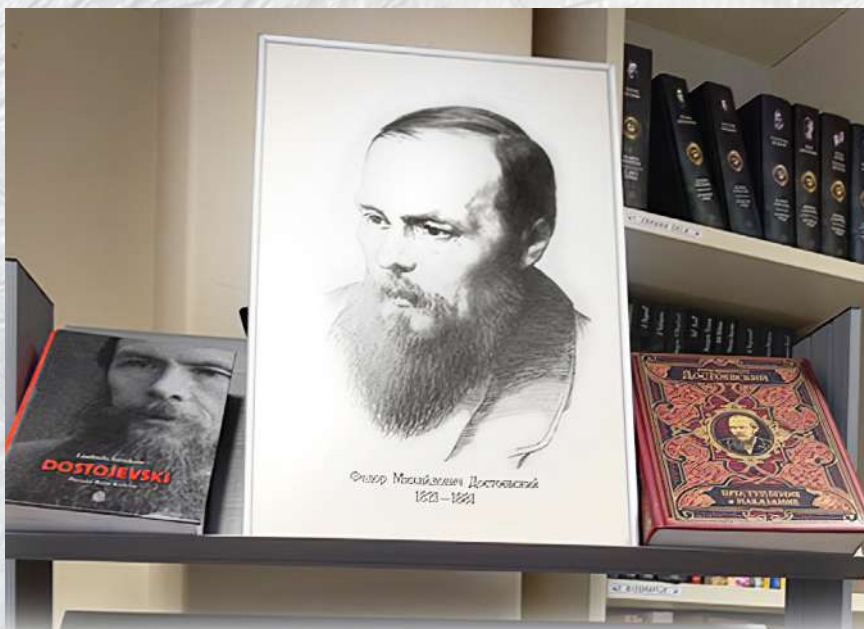
с 1855 по 1857 гг., то есть уже после кончины отца Дмитрия Пономарёва. Первым, кто обосновался здесь, был его преемник, протоиерей С. Я. Знаменский. Работа с картографическими материалами середины XIX века позволяет нам предположить, что семья настоятеля Воскресенского собора занимала другой дом, который находился ближе к Собору и до настоящего времени не сохранился. Сама поладья Анастасия Кузьминична была младше своего супруга на два года. Вместе со своей дочерью, засидевшейся в девках, занималась домоводством. А все заботы и хлопоты по содержанию семейства тяжким бременем легли на плечи Протоиерея. Жалованье он получал посредственное: с 1840 по 1848 гг. 300 руб. ассигнациями в год, а с 1848 по 1852 гг. 85 руб. 71 коп. серебром. Забегая немного вперёд, отметим, что после кончины протоиерея Дмитрия Пономарёва его семье выплачивалась пенсия в размере 26 руб. 36 ¼ коп. Деньги получал его сын – Александр Пономарёв, поскольку вдова умершего была неграмотна и не могла расписаться в соответствующей Ведомости. А в 1876 г. Анна, сиротствующая к тому времени дочь протоиерея Дмитрия Пономарёва, была на попечении своего брата Петра, который служил в градо-омской Никольской казачьей церкви.

За беспорочное и усердное служение Богу отец Дмитрий был удостоен следующих наград: набедренника (17.12.1830), фиолетовой скуфьи (14.04.1836), фиолетовой камилавки (26.04.1841), ордена Св. Анны 3-й степени (21.04.1853).

Казалось бы, ничего не предвещало скорого конца. Болезнь подкралась быстро и незаметно летом 1853 года. 23 октября на 57 году жизни протоиерей Дмитрий Пономарёв завершил свой земной путь. Причиной смерти явилась тифозная горячка. Отходившего в мир иной священнослужителя исповедовал и причащал настоятель Пророко-Ильинской церкви, благочинный омских церквей, протоиерей Платон Неводчиков. Отпевали почившего в градо-омском Крепостном Воскресенском храме, возле которого, скорее всего (точное место его захоронения на сегодняшний день выяснить не удалось), отца Дмитрия и погребли 26 октября. Эпитафия на его памятнике гласила:

Сей памятник тебе поставлен здесь
Твоей духовною и кровных чад семьею.
Дай Бог в обители небес,
Достойной встречи им с тобою.

P.S.: Известный публицист и омский краевед Пётр Алексеевич Золотов в одной из своих корреспонденций написал следующее: «Наш город издавна privilege видеть в настоятелях своего Собора как бы викариев Тобольской Епархии. На этом месте преемственно являлись лица, вполне достойные своего назначения... Глубоко чтя их память, мы должны засвидетельствовать, что каждый из них совершил своё служение вполне достойно своего звания. Равно почтенные и уважаемые иерархами и паствой, они были доблестными представителями православного священства: честная подвижническая жизнь, мудрая беседа, благой совет, теплейшее человеколюбие, отрадное слово и бескорыстное – вот девиз, с которым они совершали своё земное поприще».

ПЕРЕВОДЫ ДОСТОЕВСКОГО НА СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

Аниета Преловшек

Русские классики в Словении очень популярны. Судя по количеству переводов, любимым русским писателем словенцев является Ф. М. Достоевский. Из-за огромного интереса читателей многие переводы распроданы; также в библиотеках к ним большой интерес. В словенскую школьную программу в вузах входит роман «Преступление и наказание», который неоднократно был включён в программу обязательного чтения для выпускных экзаменов.

Первое упоминание о некоторых романах Достоевского (в том числе и о «Преступлении и наказании») в словенской публицистике появилось в 1881 г., когда центральный литературный журнал «Люблянский колокол» напечатал некролог Достоевскому [1].

В конце XIX века словенцы могли читать произведения Достоевского только в немецких переводах. Читателями Достоевского на немецком языке были и словенские классики, среди них писатели-реалисты Янко Керсник и Иосип Юрчич, поэт Антон Ашкерц и на рубеже XIX–XX вв. , писатель и поэт Иван Цанкар. В некоторых ранних произведениях Цанкара, например, в повести «Сосед Лука», где протагонист разрабатывал план убийства, литературоведы отмечали влияние Достоевского, особенно «Преступления и наказания» [2], переведённого на словенский язык ещё при жизни писателя.

Бюст писателя Ивана Цанкара на фоне вида на Люблян

Можно говорить о трёх волнах переводов Достоевского на словенский язык. Первые переводы появились в начале XX века. Вторая волна переводов произошла в течение 50-х и 60-х гг. XX века, а с 90-х гг. идёт третья волна. Самый первый перевод Достоевского на словенский язык вышел в 1907 г. – это был роман «Униженные и оскорблённые». В 1908 г. вышел перевод «Преступления и наказания», а в 1909 г. был опубликован словенский перевод «Игрока». Автором большинства первых переводов являлся словенский переводчик, писатель и поэт Владимир Левстик (1886–1957). Кроме произведений Достоевского, Левстик перевёл романы и повести многих других русских писателей, среди них – «Анну Каренину», «Воскресение», «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя; произведения Горького и А. С. Пушкина. Переводческая работа Левстика была очень плодотворной и обширной – он переводил даже из французского и английского языков [3].

Однако уже по прошествии нескольких десятилетий первые переводы стали слишком архаичными и начали нуждаться в осовременивании. Таким образом, перевод «Братьев Карамазовых», сделанный в 1929 г., переделали и в 1979 г. включили в собрание сочинений Ф. М. Достоевского в десяти томах. Но даже исправленный вариант романа, который отличался от первоначального только более современным языком, быстро устарел. Заметим, что переводчик не менял содержание самого перевода, хотя это и было бы необходимо [4].

Как утверждает современный переводчик Борут Крашевец, важнейшее значение имеет возможность сравнить предыдущие переводы и даже «одолжить» что-нибудь из них в новом переводе [4]. Так, например, в «Братьях Карамазовых» Б. Кра-

шевец использовал переводы первого переводчика этого романа В. Левстика, который сам был писателем.

Левстик работал быстро, поэтому в его переводах обнаруживаются ошибки и даже пропуски целых предложений. По мнению Крашевца, пропущенных предложений более ста. С его точки зрения, такой казус может случиться у каждого профессионального переводчика, когда в тексте появляются рядом два предложения, заканчивающиеся одинаковыми словами. Таким образом, их несложно просмотреть и опустить часть текста [4].

Борут Крашевец (1973) – ведущий словенский переводчик с русского языка, специализирующийся на переводах русской классической и современной литературы. За свой перевод романа Виктора Пелевина «Священная книга оборотня» он был награждён Обществом словенских литературных переводчиков за лучший литературный перевод года. Он перевёл романы Достоевского «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорблённые», «Записки из Мёртвого дома», публицистическую часть «Дневника писателя» и биографию Достоевского Л. Сараскиной. Среди его переводов есть и произведения Толстого, Чехова, Маканина и Прилепина. Переводчик сам предлагает редакторам, что переводить, и они потом вместе выбирают. Приоритет отдаётся тем произведениям, которые получают поддержку словенского и русского государства и для которых можно рассчитывать на субсидии[5]. Интересно, что ведущий словенский переводчик начал изучать русский язык самостоятельно, университет он не закончил. По его признанию, в русском языке его очаровал «звук, который определённым образом гармонирует с моими душевными струнами» [6]. Крашевец сам писатель, его первый роман «Агни» награждён как лучший роман года.

Три издания «Преступления и наказания» на словенском языке

Произведения Достоевского в Словении обрабатывали для театра и радио: например «Бесы» – в виде театральной драмы (1980-е гг.), «Бобок» – короткой радио-игры в 1990-е гг., «Братья Карамазовы» – театральной пьесы (2004 г.). В 2003 г. на Словенском национальном телевидении был показан сериал «Идиот» В. Бортко.

Первый переводчик Достоевского В. Левстик написал книгу «Мои встречи с Достоевским», а к 200-летию писателя вышла книга «Достоевский и я», в которой избранные эксперты делятся своими взглядами на творчество писателя.

В XXI веке словенцы получили уже третий перевод «Преступления и наказания» (2005 г.), «Братьев Карамазовых» (2010 г.), «Идиота» (2013 г.), «Записок из Мёртвого дома» (2018 г.) и «Подростка» (2021 г.). Первый перевод «Скверного анекдота» сделан только в 2007 году. В 2021 году вышло также переиздание «Дневника писателя». В 2022 году вышли «Зимние записки о летних впечатлениях», а в 2023 году – современный перевод «Бесов». Чего из произведений Достоевского на словенском языке ещё не хватает? Всего «Дневника писателя» (переведены только некоторые отрывки) и всех писем писателя.

Основные источники

1. Anonimus. Ljubljanski zvon. Fedor Mihajlovič Dostojevski. (1881) 1. год, н. 4. – С. 258–259. – Текст : электронный. – URL: <http://www.dlib.si/stream/URN:NBN:SI:DOC-6SZS4OS3/4ccb576-97f2-4b0b-a478-5d83782171fb/PDF> (дата обращения: 13.04.2022).
2. Смолей Тоне. (02.09.2018) Раскольников и словенская литература. Блог Иллы Винштейна. – Текст : электронный. – URL: <https://www.winstein.org/publ/25-1-0-1562> (дата обращения: 15.04.2022).
3. Cobiss. Dostojevski. – Текст : электронный. – URL: <https://plus.si.cobiss.net/opac7/bib/search/advanced?ax=Dostojevski&ti&kw&db=cobib&sort=pyd&mat=allmaterials&laf=slv> (дата обращения: 15.04.2022).
4. Крашевец Борут. (2011) »A se ti ne zdi, da jih je treba na novo prevesti?« Pogledi, н. 4, 09.02.2011.
5. McDaniel. (22.06.2020) Борут Крашевец: я не перевожу детективы, живу по Льву Толстому, а мои дети читают наизусть Блока и Гумилёва. – Текст : электронный. – URL: <https://slavjanskijbulvar.si/borut-krashevec-ja-ne-perevozhu-detektivy-zhivu-po-lvu-tolstomu-a-moi-deti-chitajut-naizust-bloka-i-gumiljova/> (дата обращения: 18.04.2022).
6. Текавец Ваня. (26.10.2018) Звук русского языка гармонирует с моими душевными струнами. – Текст : электронный. – URL: <https://www.slo-mag.si/8940478/> (дата обращения: 17.04.2022).

«ДУША БИБЛИОГРАФИИ – ПОИСК...»

Ирина Ямчукова

Процесс библиографического поиска –
это каждый раз небольшое открытие

С. Г. Матлина

В работу библиографа, как известно, входит поиск, отбор, систематизация и сохранение различной информации. Порой не связанные между собой библиографические изыскания оказываются звеньями одной цепи. Начатое одним библиографом исследование может подтолкнуть другого к дальнейшим поискам и, как результат, – к неожиданным открытиям.

В 2020 г. журнал «Библиотека» отметил своё 110-летие. К этой дате была подготовлена книжно-иллюстративная выставка «Омская Пушкинка на страницах журнала «Библиотека». В ходе её подготовки главный библиограф Н. А. Абанина исследовала уникальные архивные рукописи библиотеки 1920-х гг., свидетельствующие о том, как активно использовался журнал в библиотечной работе в тот период. Профессиональное издание помогало, в частности, в подготовке анкет, вопросников и дневников наблюдений за читателями.

Стоит отметить, что в 1920-е гг. в библиотеке работал кружок по изучению читателя и наблюдений за ним. В него входило 13 библиотекарей: 6 работников из Центральной (Пушкинской), 6 – из районных и 1 – из библиотеки Омской школы милиции [1]. В музейной экспозиции, посвящённой истории Пушкинской библиотеки, демонстрируется «Дневник наблюдений за работницами суконной фабрики». В отчёте «О работе Омского библиотечного объединения за 3-ю квартиру 25/26 гг.» приводятся «Инструкция по составлению характеристик читателей на основе днев-

ников наблюдений», а также созданный по ней «Образец характеристики читателя Кудрейко» [2] – о читательских предпочтениях комсомольца, рабочего музыкального техникума Александра Ильича Кудрейко.

При библиографировании статьи Н. Абаниной «Не гаснет верной дружбы свет» [3] для краеведческого каталога возник вопрос о целесообразности включения данных упомянутого А. И. Кудрейко в категорию «Лица». Представляет ли он интерес для библиографических запросов? Будет ли востребован исследователями родного края? Казалось бы, личность непримечательная, один из многих читателей в более чем вековой истории библиотеки, но библиографический интерес взял верх. Как тут не процитировать И. Г. Моргенштерна и Б. Т. Уткина: «Душа библиографии – поиск, неперенный спутник и инструмент человеческой любознательности, вечного стремления к познанию» [4]. И начались разыскания...

Александр Ильич Кудрейко

На сайте «Память народа» были обнаружены сведения о капитане Александре Ильиче Кудрейко, 1906 года рождения [5]. По возрасту он совпадал с нашим читателем, которому на момент начала наблюдений (25 сентября 1925 г.) было 19 лет. Смутило лишь место рождения – Белорусская ССР, Минская область, Копыльский район, д. Нисковичи, и ещё больше – место призыва на воинскую службу – Усть-Удинский РВК, Усть-Удинского района Иркутской области. Дальнейшие поиски привели на сайт Усть-Удинского краеведческого музея [6]. В 2015 г. его сотрудники издали второй том книги «Минувших лет святая память», посвящённый устьудиинцам в годы Великой Отечественной войны. Один из очерков под названием «Кадровый офицер» как раз описывал судьбу А. И. Кудрейко [7]. Подробно освещался период его жизни с конца 1930-х гг. До этого времени фигурировала лишь дата рождения 13 сентября 1906 г., время призыва на воинскую службу – 6 ноября 1928 г., а также год окончания Томского артиллерийского училища – 1930. И никаких упоминаний об Омске! Сами составители в своём очерке отмечали: «...как и каким образом судьба занесла его в наш сибирский край [Усть-Удинский район], никому не известно» [8].

Предположение о том, что уважаемый земляк устьудиинцев и характеризуемый читатель Пушкинской библиотеки 1920-х гг. – одно и то же лицо, подтвердилось после того, как в Книге Памяти Омской области были найдены сведения о погибшем в 1942 г. капитане Иосифе Ильиче Кудрейко, 1909 г. р. [9], чьё место рождения совпадало с местом рождения А. И. Кудрейко – д. Нисковичи Минской области [10]. С большой долей вероятности можно было утверждать, что речь идёт о родных братьях. В телефонном справочнике абонентов г. Омска за 1995 г. были найдены сведения о Кларисе Иосифовне Кудрейко [11], отчество которой указывало на то, что она могла быть дочерью И. И. Кудрейко. Последующие поиски привели к документу, посвящённому 55-летию информационно-библиографического отдела

Научной библиотеки Омского педагогического университета [12]. Из него следовало, что Клариса Иосифовна Кудрейко с 1977 по 1995 гг. трудилась здесь главным библиографом. Так поиски одного библиографа привели к другому.

Связавшись с коллегами из Научной библиотеки ОмГПУ, нам удалось подтвердить факт родства Кудрейко с тем самым читателем Пушкинки середины 1920-х гг.: главный библиограф приходилась ему родной племянницей! При посредничестве Усть-Удинского краеведческого музея через социальные сети состоялось знакомство с родной внучкой Александра Ильича – Людмилой Иосифовной Соколовой, которая, к слову сказать, возглавляет районную Думу и очень трепетно относится к истории своей семьи. Она неоднократно обращалась в различные органы с запросами относительно своего деда. Так, из ответа на один из них она впервые узнала о своих белорусских корнях. Однако омский период жизни А. И. Кудрейко оказался белым пятном в семейной летописи. О существовании младшего брата Александра Ильича и его возможных потомков устьудинские родственники не догадывались. Необходимо было восполнить недостающие страницы жизни Кудрейко в Омске. С этой целью был отправлен запрос в Омское музыкальное училище им. В. Я. Шебалина, музей Томского артиллерийского училища и в Исторический архив Омской области.

Собрав и сопоставив все обнаруженные сведения, удалось проследить судьбу читателя нашей библиотеки из далёких 1920-х годов: Александр Ильич Кудрейко родился 13 сентября 1906 г. в д. Нисковичи (ныне Низковичи) Копыльской района Минской области в крестьянской семье, которая, предположительно, во времена столыпинских реформ переселилась на юг Западной Сибири. В Омске Александр окончил начальную школу, с 1919 по 1922 гг. был помощником завхоза губернского комитета РКП(б), затем трудился в Омском городском театре, состоял в Союзе работников искусств и в ячейке Дворца молодой гвардии. В декабре 1924 г. принят в штат технического персонала Омского музыкального техникума, располагавшегося в здании по ул. Рабфаковская, 5 (бывшая гостиница «Коммерческие номера»). Проживал по адресу Солдатский переулок, 8 (ныне ул. Сазонова) [13]. В Пушкинскую библиотеку записался 15 июля 1925 г. и посещал её почти еженедельно.

С 29 сентября 1925 г. по 2 апреля 1926 г. библиотекари вели дневник наблюдений его читательских предпочтений. За это время Александр посетил библиотеку 22 раза и прочитал по одним сведениям 39, по другим – 43 книги преимущественно развлекательного характера дореволюционных лет издания. Среди прочитанных им книг: Г. Сенкевич «Огнём и мечом», Ф. Шпильгаген «Скелет в доме», Н. Карпов «Лучи смерти», Г. Доминик «Лучи смерти». Сотрудники библиотеки отмечали его доброжелательность и «доверчивость в выборе книг», но сетовали на то, что он мало читает книг советских писателей. Остаётся только догадываться – принимал ли юный Александр Кудрейко участие в проводимом библиотекой в этот период конкурсе «на лучшего читателя по истории революции 1905 г.» [14].

Портрет К. И. Кудрейко, племянницы А. И. Кудрейко. Фото из архива Научной библиотеки ОмГПУ

Здание музыкального техникума (бывшая гостиница «Коммерческие номера», район современной площади Ленина), в котором служил А. И. Кудрейко

С ноября 1928 г. Кудрейко служил в Красной армии. В 1930 г. окончил Томское артиллерийское училище. После службы судьба забросила Александра Ильича в Усть-Удинский район Иркутской области – на родину писателя Валентина Распутина. Здесь Кудрейко несколько лет работал на участке леспромхоза, обзавёлся семьёй (женился на молоденькой девушке Матроне Слободчиковой, учил её грамоте, воспитывал сына). Примечательно, что родной дядя супруги А. И. Кудрейко – Иван Егорович Слободчиков жил по соседству с писателем В. Г. Распутиным и стал прототипом двух его произведений: Ивана Петровича Егорова из повести «Пожар» и дяди Вани из рассказа «Уроки французского» [15]. Другой родственник – Диамид Иванович Слободчиков был другом детства В. Г. Распутина, ему писатель посвятил рассказ «Друг мой Димка».

Но вернёмся к судьбе А. И. Кудрейко. В 1939–1940 гг. он работал в Усть-Удинском райкомхозе, с 1940 г. – учителем в местной школе, преподавал военное дело. С началом Великой Отечественной войны был отправлен на фронт. Служил заместителем командира батареи 94-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа. В 1942 г. три месяца проходил обучение в Высшей офицерской артиллерийской школе в г. Семёнове Горьковской (ныне Нижегородской) области. В это же время в далёком Омске по адресу ул. Красных Орлов д. 4, кв. 2 Таисия Ананьевна Кудрейко рыдала над похоронкой, пришедшей по случаю гибели в бою в Калининской области её супруга Иосифа Ильича Кудрейко, младшего брата нашего героя. Судя по тому, что в 1936 г. Александр Ильич назвал его именем своего старшего сына, братьев связывали тёплые отношения.

В декабре 1942 г. А. И. Кудрейко был назначен командиром батареи в 1429-й артополк 16-й артиллерийской дивизии резерва Верховного главнокомандования. Служил на Северо-Западном, Брянском, Степном и Втором Украинском фронтах. Особо отличился 21 августа 1944 г., когда после артподготовки его батарея, двигаясь в боевых порядках пехоты, обеспечила взятие населённых пунктов Ла-Руст

и Вайнешты. На подступах к селу Ла-Руст капитан Кудрейко под пулемётным огнём противника развернул батарею в боевой порядок и уничтожил три пулемётных точки противника и одно орудие. В бою за село Вайнешты батарея капитана Кудрейко уничтожила до взвода пехоты, две пулемётных точки и три автомашины противника. За этот бой Александр Ильич был удостоен ордена Отечественной войны I степени. Участвовал в Советско-Японской войне. Демобилизовавшись в январе 1946 г., А. И. Кудрейко работал заместителем райуполномоченного министерства заготовок Усть-Удинского района.

Пережив войну, в мирное время Александр Ильич трагически погиб. Это случилось в ноябре 1947 г. в командировке на Илим, когда он, выполняя просьбу пилота прокрутить винт самолёта, «был зарублен» этим винтом. Ему тогда исполнился 41 год. Осиротели трое его детей. Вот так трагично закончилась история жизни одного из читателей нашей библиотеки.

Устьудинцы вспоминают Александра Ильича как человека грамотного и даже «высокообразованного». Без сомнения, в этом есть заслуга и библиотекарей омской Пушкинки, во многом они открыли ему путь к просвещению. У Юрия Визбора в стихотворении «Военные фотографии» присутствуют такие строчки: «Кто-нибудь потом взглянет в наши судьбы, наши лица...». С фотографии на странице книги Усть-Удинского краеведческого музея на нас смотрит зрелый мужчина, опытный офицер, за плечами которого жизнь, богатая на события: многочисленные переезды, военная служба, боевые подвиги, педагогическая работа, воспитание собственных детей, соседство с прототипами распутинских произведений. Невольно сравниваешь его образ с описанием того 19-летнего юноши, которого характеризовали омские библиотекари: «худой, бледный, продолговатое лицо, серые глаза, немного красные веки, светлые ресницы». Если бы они могли знать, какой путь предстоит пройти их молодому читателю – короткий, но такой достойный путь! Прошло без малого сто лет, и их нынешние коллеги-библиографы не только разглядели среди потускневших архивных строк имя Александра Ильича Кудрейко, но и собрали воедино ранее неизвестные для его родственников и земляков страницы жизни, что тоже немаловажно! Ведь «Иногда, восстанавливая историю библиотеки, забывают о главном действующем лице – читателе, для которого, собственно, библиотека и создавалась» [16].

Внучка А. И. Кудрейко Л. И. Соколова у Стены памяти с портретом деда в п. Усть-Уда

Литература

1. Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина: хроника событий. – Омск, 2018. – С. 61.
2. Характеристика читателя Кудрейко // Отчёт о работе Омского библиотечного объединения за 3-ю кварту 25/26 г. – Омск, 1925. – С. [21–24]. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
3. Абанина Н. А. Не гаснет верной дружбы свет, С журналом – целый век: библиографический обзор // Библиотека. – 2020. – № 11. – С. 48–50: ил.
4. Моргенштерн И. Г. Занимательная библиография / И. Г. Моргенштерн, Б. Т. Уткин. – Москва, 1978. – С. 210.
5. Кудрейко Александр Ильич. – Текст: электронный // Память народа: сайт. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/awards/cards/1370114103> (дата обращения: 10.02.2021).
6. Усть-Удинский краеведческий музей: сайт. – URL: <https://u-uda-muzey.ru/> (дата обращения: 29.06.2021).
7. Кадровый офицер // Минувших лет святая память: Устьудинцы в Великой Отечественной войне 1941–1945. – Усть-Уда, 2015. – Т. 2. – С. 63–64: портр., ил.
8. Там же. – С. 63.
9. Кудрейко Иосиф Ильич // Книга памяти. – Омск, 1995. – Т. 2. – С. 381.
10. Кудрейко Иосиф Ильич. – Текст: электронный // Дороги памяти: сайт. – URL: <https://1418museum.ru/heroes/42259692/> (дата обращения: 29.06.2023).
11. Кудрейко К. И. // Телефонный справочник квартирный г. Омск. – Омск, 1995. – Т. 1. – С. 544.
12. Лоцманы книжных морей: к 55-летию информационно-библиографического (справочно-библиографического) отдела научной библиотеки ОмГПУ / сост. Т. В. Воргодяева. – Омск, 2018. – 56 с. – Текст: электронный. – URL: <http://library.omgpu.ru/sites/default/files/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%98%D0%91%D0%9E.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
13. ГИАОО Ф. Р- 216. Оп. 1. Д. 170. Л. 106–107.
14. Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина: хроника событий. – Омск, 2018. – С. 60.
15. Распутин В. Г. Откуда есть-пошли мои книги // Избранные произведения: в 2 т. / В. Г. Распутин. – Москва, 1997. – Т. 1. – С. 5.
16. Картоножкина О. С. Станьте летописцами! // Омская библиотечная панорама. – Омск, 2002. – Вып. 3. – С. 57.

МЕСТО ЭВАКУАЦИИ – ОМСК. МЕСТО РАБОТЫ – ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Людмила Лапина

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Омской областной библиотеке имени А. С. Пушкина работали сотрудники библиотек Москвы и Ленинграда, чьи имена в библиотечной сфере уже были известны или стали таковыми в последующие годы.

Волынская Рахиль Львовна (1902–1967)

В Омской областной библиотеке имени А. С. Пушкина Рахиль Львовна Волынская проработала 1 год и 3 месяца.

Из приказа № 69 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 14 октября 1941 г.:

«Назначить т. Волынскую Рахиль Львовну заведующей методическим кабинетом при Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина с 13 октября 1941 года, с месячным испытательным стажем, с окладом 450 руб. Основание: Приказ по Омскому облоно № 525 от 11 октября 1941 г. Врид. дир. Нецветаева».

Назначение Р. Л. Волынской на должность заведующей методическим кабинетом было несчастливым: до приезда в Омск она возглавляла методический кабинет Центральной научно-технической библиотеки Наркомата легкой промышленности СССР и уже имела значительный опыт библиотечной работы.

Родилась Рахиль Львовна в уездном городе Мариуполе Екатеринославской губернии (современный Мариуполь – один из крупнейших городов Донецкой Народной Республики) в многодетной семье сапожника-кустаря. После окончания гимназии давала частные уроки, занималась репетиторством. В 1920–1923 гг. обучалась в социально-экономическом институте в г. Симферополе. С апреля 1921 г. и до января 1931 г. работала в Центральной областной библиотеке Крыма. По ликвидации социально-экономического института решила избрать профессию библиотечного работника и прошла обучение в библиотечном секторе техникума

Главполитпросвета Крыма. Кроме того, совмещала работу в библиотеке с учёбой на курсах иностранных языков (январь 1929 – декабрь 1930). С января 1931 г. начала работать в библиотеке научно-исследовательского совхозного института в г. Москве (старший библиотекарь, библиограф и зав. отделом обслуживания). С октября 1933 г. совмещала работу с учёбой на высших библиографических курсах при Всесоюзной книжной палате, которые окончила в мае 1935 г. По ликвидации совхозного института с декабря 1936 г. работала в Центральной научно-технической библиотеке Наркомлегпрома СССР в качестве инструктора-методиста технических библиотек, с мая 1939 г. – зав. метод. каб.

Уже через 11 дней после поступления в Омскую областную библиотеку им. А. С. Пушкина Р. Л. Волынская командирована в Азовский, Русско-Полянский, Одесский и Павлоградский районы «по проверке работы библиотек и оказанию им методической помощи». В дальнейшем заведующей методическим кабинетом Волынской не раз приходилось выезжать в библиотеки районов области. Кроме того, помимо основной методической деятельности Рахиль Львовна наряду с другими сотрудниками выполняла работу не свойственную библиотечной в мирное время. Например, проходила обязательное сельхозобучение, участвовала в практических занятиях ПВО, в заготовке дров, в сборе средств в Фонд обороны, тёплых вещей для бойцов Красной армии... И с надеждой смотрела вперёд, строила дальнейшие планы по получению высшего библиотечного образования.

Из заявления Волынской директору библиотеки от 19 января 1943 г.:

«Прошу увольнения по работе в библиотеке с 19 янв. 43 г. в виду возвращения на постоянное место работы – Центр. Научно-Техн. Б-ка Наркомлегпрома СССР (гор. Москва). Вследствие невозможности передать фонд методической лит-ры из-за отсутствия отопления в областной библиотеке – доверяю передачу его тов. Шеиной, Н.А. В случае недостачи нескольких экз. лит-ры в фонде – поручаю удержать стоимость этих книг из следующей мне зарплаты».

Из приказа № 2 по Омской областной библиотеке им. А.С. Пушкина от 20 января 1943 г.:

«Освободить от работы с 20/1 с/г Волынскую Р. Л. в связи с отзывом её Наркомпросом РСФСР к прежнему месту работы. Директор Хребтова».

После возвращения в Москву Рахиль Львовна продолжила работать методистом в ЦНТБ. В сентябре 1943 г. поступила и с отличием окончила в ноябре 1947 г. факультет библиографии заочного отделения Московского государственного библиотечного института им. В. М. Молотова. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (08.03.1946). С 1 сентября 1959 г. и до конца своей жизни работала в научно-методическом отделе (старший редактор, главный библиотекарь) Государственной публичной научно-технической библиотеки СССР. Волынская Рахиль (Рита) Львовна неоднократно публиковалась в профессиональных сборниках и журналах «Технические библиотеки СССР»

Волынская Р. Л.
(Источник: Государственная публичная научно-техническая библиотека России, г. Москва)

и «Научно-техническая информация», являлась автором, составителем, редактором ряда методических инструктивных материалов и пособий, получивших широкое распространение и признание со стороны работников технических и специальных библиотек, органов научно-технической информации страны:

Техника выдачи литературы на абонементе и в читальном зале : (Инструкция для техн. и спец. библиотек) / М-во пром. товаров широкого потребления СССР. Техн. упр. Центр. науч.-техн. б-ка. Орг.-метод. отд. ; составитель Р. Л. Волинская. – М., 1955. – 26 с.

Волинская, Рита Львовна. Легкая промышленность в семилетнем плане развития народного хозяйства СССР / Р. Л. Волинская, Л. И. Калинин, С. И. Сидорова. – [Москва], [1959]. – 97 с. – (Технические б-ки - в помощь семилетке. Серия методических пособий / Гос. науч.-техн. ком-т Совета Министров СССР. Гос. публ. науч.-техн. б-ка СССР. Центр. науч.-техн. б-ка легкой пром.-сти; Вып. 8).

Волинская, Р. Л. Советы технических библиотек : метод. пособие / Р. Л. Волинская. – Москва : ГПНТБ СССР, 1961 – 40 с. : табл. – (В помощь работникам технических библиотек / Гос. ком. Совета Министров СССР по координации науч.-исслед. работ, Гос. публич. науч.-техн. б-ка СССР).

Постоянно действующие методические семинары работников технических библиотек / Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Гос. публич. науч.-техн. б-ка СССР; составитель Р. Л. Волинская. – Москва : ГПНТБ СССР, 1961. – 16 с. – (Инструктивно-методическое письмо).

Межбиблиотечный абонемент : методическое пособие / Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР, Гос. публич. науч.-техн. б-ка СССР; составитель Б. Н. Бачалдин; редактор Р. Л. Волинская. – Москва : ГПНТБ СССР, 1963. – 123, [1] с. : ил. – (В помощь работникам технических библиотек).

Совершенствование работы постоянно действующих методических семинаров работников технических библиотек / Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР, Гос. публич. науч.-техн. б-ка СССР; составитель Р. Л. Волинская. – Москва : ГПНТБ СССР, 1963. – 29 с. (Инструктивно-методическое письмо).

Организация кооперированного обслуживания работников предприятия технической литературы : методическое пособие / Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Гос. публич. науч.-техн. б-ка СССР; составитель Р. Л. Волинская; редактор П. Г. Гершензон. – Москва : ГПНТБ СССР, 1966. – 39, [1] с. : ил. – (В помощь работникам технических библиотек).

Длуголенская Перла Абрамовна (1906–1992)

Из заявления П. А. Длуголенской директору библиотеки Е. Г. Хребтовой от 5 мая 1942 г.:

«Прошу предоставить мне работу во вверенной Вам библиотеке в качестве библиотекаря. Имею практические знания библиотечного дела, так как работала в крупных библиотеках гор. Ленинграда в течение нескольких лет. Имею высшее образование и хорошо знаю английский и французский языки и слабо немецкий и итальянский, которые, возможно, мне удастся применить в Вашей библиотеке».

Из автобиографии Перлы Абрамовны Длуголенской, «проживающей в городе Омске по Комиссаровской ул, д. 24, кв. 14»:

«Родилась я в 1906 году 11 августа в гор. Городецк. обл. в семье ремесленника-жестяника. По окончании средней школы в 1924 году я уехала в Ленинград и поступила в Фонетический Институт иностран. яз. на французское отд. и закончила его в 1929 году. В 1931 году поступила на Высшие Гос. курсы Иностран. яз. на английское отд. и закончила его в 1934 г. В 1937 году я сдала государственные экзамены при факультете иностран. яз. Педагогического Инст. им. Герцена в Ленинграде и получила диплом на звание преподавателя английского языка. Начиная с 1930 года, учебу я совмещала с работой. Работала библиотекарем в Комитете по делам изобретений с августа 1930 г. по июнь 1932 г. С сентября 1932 г. по декабрь 1934 г. работала завед. научн. технич. библиот. и переводчицей в Абразивно-Тигельном тресте. С апреля 1935 года по октябрь 1938 г. работала в качестве преподавателя англ. и фран. яз. в Лен. Военно-электротехн. училище им. Баранова. С октября 1938 года по август 1939 г. преподавала англ. яз. в средней школе. С декабря 1939 г. по август 1940 г. преподавала франц. яз. в Лен. Воен. Инженер. учи-ще им. Жданова. В 1941 году в июле месяце в связи с войной была эвакуирована из Ленинграда с 5-летним сыном и матерью в гор. Челябинск, где до отъезда в г. Омск работала библиотекарем в Центр. Научно-Исследоват. лаборатории Абразивов и Шлифования. В октябре месяце переехала в г. Омск по месту работы мужа. Здесь с ноября 1941 г. по март 1942 г. работала старш. переводчиком в Гидрографическом управлении В.М.Ф. Уволена в связи с приездом из Ленинграда штатных работников <...> Муж мой, Длуголенский Ной Моисеевич, работает в Нижне-Иртышском речном пароходстве в качестве помощ. капитана на п/х «Коммунист». Брат мой, Герш Меер Абрамович, работает художественным руководителем Челябинского област. драм. театра».

Длуголенская П. А.
(Источник – Анна Яковлевна Длуголенская, г. Шарлотт, США)

Через много лет сын Яков Ноевич Длуголенский (1936–2019) станет известным писателем, автором художественных и познавательных книг для детей и юношества, драматургом, краеведом, шахматным аналитиком. Одной из лучших его исторических работ является двухтомное издание: Век Достоевского / Я. Н. Длуголенский. –

Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского фонда, 2005 – 2007. – (Былой Петербург. Панорама столичной жизни ; Т. 3).

Брат Перлы Абрамовны – народный артист РСФСР (1960) Меер Абрамович Гершт (1908–1989) в начале 1950-х гг. поставил в Омском драматическом театре несколько спектаклей – «Отелло» В. Шекспира, «С любовью не шутят» П. Кальдерона, «Калиновая роща» А. Корнейчука.

Территория Омской области в границах 1934–1944 гг. простиралась от казахстанских степей до Северного Ледовитого океана. Муж Перлы Абрамовны работал помощником капитана товарно-пассажирского парохода «Коммунист», который курсировал в то время на севере области и обеспечивал доставку эвакуированных ленинградских детских домов из южных районов Омской области до посёлков, расположенных по Оби. Моряк торгового флота, капитан дальнего плавания Н. М. Длуголенский являлся составителем нескольких лоций: Океанское побережье островов Баранова и Чичагова от мыса Оммяней до пролива Кросс : Порт Ситка и проливы Кросс и Перил / Сост. штурман дальнего плавания Н. М. Длуголенский. – [Москва] : изд-во и тип. изд-ва Гидрогр. упр. ВМС, 1946. – 96 с., 1 л. карт. : ил., карт. – (Материалы по лоции Северной части Тихого океана - залив Аляска. Вып. 8); Проливы Диксон, Сомнер и океанское побережье между ними / Сост. Н. М. Длуголенским. – [Москва] : изд-во и тип. изд-ва Гидрогр. упр. ВМС, 1947. – 124 с., 1 карт. : ил., карт. – (Материалы по лоции Северной части Тихого океана – залив Аляска. Вып. 10); Лоция Балтийского моря. Ч. 1. Финский и Рижский заливы и пролив Мухувэйн / Гидрогр. упр. Воен.-Мор. сил [Сост.: кап. 1-го ранга Л. Г. Коновалов, кап. дальнего плавания Н. М. Длуголенский и др.]. – [Москва] : тип. Гидрогр. упр. ВМС, 1948. – [10], 486 с., 7 л. ил., карт. : ил., карт.; Лоция Английского канала. Ч. 1. Южный берег Англии от мыса Норт-Форленд до мыса Пендин и острова Силли / Сост. Н. М. Длуголенский ; Гидрогр. упр. воен.-мор. сил. – [Ленинград] : Изд-во и тип. Гидрогр. упр. ВМС, 1949. – [8], 556 с., 2 л. карт. : ил., карт.

Библиотекарь читального зала с окладом в 250 руб. Перла Абрамовна Длуголенская проработала в Омской Пушкинке немногим более трёх месяцев – с 8 мая по 24 августа 1942 г.

Из приказа № 42 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 24 августа 1942 г.:

«Уволить библиотекаря Длуголенскую П. А. с 25 августа 42 г. согласно приказа облоно за № 271 от 12/VIII 42 г. ввиду перевода ее на работу в школу».

Перла Абрамовна Длуголенская прожила долгую жизнь, некоторое время работала в ленинградских библиотеках, впоследствии занималась литературными переводами с английского и французского языков. Произведения в переводах Длуголенской публиковались в различных журналах (Смена, 1967, № 9; Искорки, 1968, № 8; 1983, № 5; 1984, № 10; Аврора, 1974, № 10; и др.), выходили отдельными изданиями (Галльский петух рассказывает : Сб. фр. фольклора : Для сред. возраста / Пересказал для детей В. Суслов; пер. с фр. П. Длуголенской ; Рис. Б. Калаушина. – Ленинград : Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1978. – 287 с. : цв. ил.; То же. – Санкт-Петербург; Москва: Речь, 2017. – 287 с. : цв. ил. – (Дар Речи); Были и небылицы дядюшки Джонатана: Фольклор народов США / Перевод, пересказ, сост. и коммент. П. Длуголенской, Я. Длуголенского. – Ленинград : Дет. лит. Ленингр. отд-ние, 1987. – 189 с., [2] : ил.).

Особой популярностью у детворы и их родителей пользовались цветные диафильмы с французскими сказками и рассказами, переводчиком и сценаристом которых являлась П. А. Длуголенская (Зёрнышко. – Москва: Диафильм, 1979 г.; Умные виноделы. – Москва: Диафильм, 1964 г.; Святой Крамэр. – Москва: Диафильм, 1962 г.).

Боброва Елизавета Ивановна (1898—1976)

В 1932 г. поступила на работу в БАН. До 1934 г. заведовала библиотекой Геологической ассоциации. В последующие годы исполняла обязанности заместителя заведующего библиотекой Института русской литературы (Пушкинский Дом). 25 июня 1942 г. была уволена в связи с выездом в эвакуацию.

Сотрудники, работавшие в Библиотеке Академии наук в период Великой Отечественной войны

http://www.ras.ru/library/sotrudniki_ban_uchastniki_vov.php

Омск не был знакомцем для Елизаветы Ивановны.

В Омске в 1900–1915 гг. служил её отец Иван Михайлович Бобров – 1868 г. р.; получил агрономическое образование в Красноуфимском промышленном училище; помощник управляющего сельскохозяйственными складами Переселенческого управления в г. Омске; член правления Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, в 1910 – июль 1912 гг. казначей, а затем до ноября 1913 г. заведующий бюро отдела; сотрудничал с журналом «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства»; личный почетный гражданин.

В городе, расположенном на слиянии рек Иртыша и Оми, Елизавета Ивановна провела свои гимназические годы: в 1908–1915 гг. училась в Омской III-й женской гимназии, окончила полный курс учения (7 классов, без 8-го специального педагогического), награждена за успехи серебряной медалью. В 1916 г. окончила 8-й класс I-ой Омской женской гимназии.

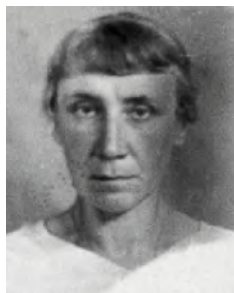
В 1919 г. здесь же, в Белой столице России, волею судеб оказался и внучатый племянник Ф. М. Достоевского Юрий Алексеевич Иванов, поэт, историк, ставший впоследствии на непродолжительное время мужем Е. И. Бобровой.

Омский адрес Е. И. Бобровой на весь эвакуационный период – улица Банная, 115 (ныне улица Косарева).

Из заявления Е. И. Бобровой в ОблОНО от 20 августа 1942 г.:

«Прошу предоставить мне работу в Пушкинской Областн. библиотеке гор. Омска в качестве зав. читальн. залом. При сем прилагаю: 1) Трудовую книжку. 2) Отношение Библиотеки Акад. Наук СССР. 3) Список печатных работ. 4) Автобиографию. P.S. Знаю французский, немецкий, английский, итальянский, испанский языки. Состою членом Секции Научн. Работн. с 1923 года».

В автобиографии Боброва указала, что родилась она 26 ноября 1898 г. в г. Бирске, зиму 1916–1917 г. провела в Петрограде, где училась на курсах иностранных языков. Весной 1917 г. переехала в Саратов и осенью того же года поступила

Боброва Е. И.
(Источник: Беляев Н. С.
История библиотеки
Пушкинского дома,
1906–2016. СПб., 2019)

в Саратовский государственный университет, который окончила по отделу романо-германской филологии в 1923 г. В период обучения работала с 1919 г. по 1921 г. сотрудницей при фундаментальной библиотеке университета и научной сотрудницей при кафедре западноевропейской литературы. В 1921 г. была командирована в Ленинградский университет для завершения занятий по специальности. Одновременно состояла научным сотрудником словесного разряда Института истории искусств и преподавала французский язык на рабфаке Ленинградского горного института. С 1923 г. работала в кабинетской библиотеке лингвистического отделения педагогического факультета Саратовского университета. В августе 1930 г. переехала в Ленинград, где работала в технических библиотеках Союзлеспрома, НИИ бумаги архивариусом, библиотекарем, переводчиком. С марта 1932 г. и до эвакуации работала в библиотеке Академии наук СССР.

В списке научных работ Е.И. Боброва перечислила 14 опубликованных статей и 3 работы, сданные для публикации. Открывает перечень материал 1929 г. (Клеман Маро как переводчик Петрарки // Учёные записки Саратовского государственного университета им. Чернышевского. Т. 7. Вып. 3. Педагогический факультет). Далее значатся публикации 1936 г. (1 запись), 1937 г. (8), 1938 г. (1), 1939 г. (2), 1940 г. (1).

Из приказа № 43 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 26 августа 1942 г.:

«§1. Принять на временную работу по разбору книг иностранного отдела Боброву Елизавету Ивановну с оплатой 225 руб. в месяц с 24 августа с.г. <...> Директор Хребтова».

Из приказа № 48 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 15 сентября 1942 г.:

«Назначить заведующей читальным залом Боброву Елизавету Ивановну с 16 сентября с.г. Директор Хребтова».

Этим же приказом была утверждена комиссия по проверке и передаче книжного фонда читального зала в составе трех человек, включая Е. И. Боброву.

С июля 1942 г. библиотека перешла на прерывную неделю с одним выходным днём (вторник) в виду того, «что 20 человек из коллектива, т. е. 50 %, работали на с/х работах в течение четырёх месяцев». Мобилизация сотрудников «на спасение хлеба» последовала и в ноябре 1942 г.

Из приказа № 59 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 25 ноября 1942 г.:

«Обязываю заведующую читальным залом т. Боброву обеспечить нормальное обслуживание читателей с остающимся наличием работников. Директор Хребтова».

Из приказа № 60 по Омской областной библиотеке им. А.С. Пушкина от 25 ноября 1942 г.:

«Предлагаю зав. чит. залом т. Бобровой <...> составить списки на периодическую печать, необходимую для их отделов на 1943 г. и представить мне на рассмотрение не позднее 28/XI с.г. Директор Хребтова».

В декабре 1942 г. руководство библиотеки обращает внимание вышестоящих органов, что с наступлением морозов «подвезённого топлива в запасе нет. Гортоп не отпускает угля, заменяя его дровами, торфом или коксом. Часть труб отопительной системы из-за недосмотра разморожена». Кроме того, в конце декабря специальная комиссия активировала, что перекрытие в лестничной клетке главного входа сгнило, в связи с этим был закрыт ход для посетителей библиотеки на 2-й этаж, соответственно закрыты были возглавляемые Е. И. Бобровой оба читальных зала как размещающиеся на данном этаже.

Из приказа № 69 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 28 декабря 1942 г.:

«Заведующей читальным залом т. Бобровой использовать работников читального зала на внутренней работе <...> Заведующим отделами составить годовые отчеты о работе отделов и предоставить мне 4/1 1943 года Одновременно представить план работы отделов на 1943 год и месячный план на январь 1943 года Директор Хребтова».

На 1 января 1943 г. в Пушкинке работало 14 библиотечных работников (вместе с директором) вместо 28 по штату. И весь год библиотека работала с неполным штатом. В связи с недостатком топлива в здании библиотеки было выключено центральное отопление. В вечернее время помещения библиотеки, в том числе и читальные залы, часто оставались без света по вине электростанции. Это привело к неприятным последствиям.

Приказ № 5 по Омской областной библиотеке им. А. С. Пушкина от 2 февраля 1943 г.:

«1/II с.г. после ухода с работы сотрудников читального зала дверь во 2-е хранилище оказалась не закрытой на ключ и не опечатанной, свет в хранилище не выключен. За халатное отношение к хранению книжных фондов зав. читальным залом т. Бобровой ставлю на вид. Обязываю всех зав. отделами усилить контроль за сохранностью книжных фондов. Дежурным по библиотеке обязательно производить опечатывание хранилищ в присутствии ответственного работника отдела. Зав. хозяйством обеспечить дежурных материалами для опечатывания (сургуш, спички). О всех выявленных фактах, говорящих о безответственном отношении к хранению книжных фондов, дежурный обязан доложить мне немедленно. Директор Хребтова».

Несмотря на все трудности военного времени, сотрудники читального зала под руководством Е. И. Бобровой (ставка 300 руб. в месяц) обеспечивали библиотечное обслуживание: организовывали книжные выставки, проводили литературные конференции, в том числе с участием артистов Московского театра им. Е. Вахтангова, громкие читки из художественной литературы, в том числе на призывных пунктах и в госпиталях.

Из заявления Е. И. Бобровой от 28 июня 1943 г.:

«Прошу освободить меня с 5-го июля 1943 года от работы в качестве зав. чит. залом в Библиотеке им. А. С. Пушкина для отъезда в Казань, согласно вызова Института литературы Акад. Наук СССР. 30-го апреля 1943 г. я утверждена Президиумом Акад. Наук СССР аспирантом по истории итальянской литературы и должна, по приезде в Казань, приступить к написанию диссертации по своей специальности для подготовки к профессорскому званию».

Приказ № 296 по Омскому ОблОНО от 3 июля 1943 г.:

«Зав. читальным залом библиотеки им. Пушкина Боброву Е. И. от работы освободить в связи с вызовом в Академию Наук. Основание: Выписка из приказа № 31 от 1/VII-43 г. по библиотеке им. Пушкина».

Последний документ в личном деле: *«Документы получила. 28.VII.43. Боброва».*

С 1944 по 1946 г. Е. И. Боброва проходила аспирантуру в Институте литературы АН СССР, после её окончания была оставлена работать в институте. В 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Лирика Микельанджело: из истории итальянской поэзии XVI в.». В 1950 г. перешла на работу в Библиотеку Академии наук СССР, сначала заведующей Отделом иностранного комплектования, а с 1952 г. старшим научным сотрудником Отдела рукописной и редкой книги, где она и проработала 10 лет, до своего ухода на пенсию в 1962 г. Елизавета Ивановна была удостоена двух правительственных наград: медалей «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Елизавета Ивановна Боброва – филолог-романист, книговед, библиограф с большим опытом, в совершенстве знала многие европейские языки. Автор более 40 научных работ (опубликованных и неопубликованных). В 1963 г. вышел из печати составленный ею каталог инкунабулов Библиотеки Академии наук СССР (Каталог инкунабулов / Акад. наук СССР, Б-ка; сост. Е. И. Боброва; вступ. ст. В. С. Люблинского, Е. И. Бобровой. – Москва; Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1963. – 208 с. : ил.). В 1978 г. уже после смерти Е. И. Бобровой увидел свет справочник-указатель библиотеки Петра Первого, над которым она работала много лет: Боброва, Елизавета Ивановна. Библиотека Петра I : указ.-справ. / под ред. Д. С. Лихачева ; Б-ка АН СССР. – Ленинград : БАН, 1978. – 214 с.

Основные источники

Волынская Р. Л.:

1. ОГОНБ имени А. С. Пушкина. Фонд по личному составу. Д. 5. ЛЛ. 89–91; Д. 13. ЛЛ. 3, 5 об., 14, 17, 22 об., 25; Д. 15. ЛЛ. 36–38, 40.
2. Информация из архивных документов ГПНТБ России.
3. Каратыгина Т. Ф. Фрезы о Музее национальной научно-технической библиотеки России // Научные и технические библиотеки 1998. № 9. – С. 49–68.

Длуголенская П. А.:

1. ОГОНБ имени А. С. Пушкина. Фонд по личному составу. Д. 13. ЛЛ. 10, 14, 15–15 об.; Д. 15. ЛЛ. 49–53.
2. Блокада Ленинграда. Эвакуация : сайт. – URL: <https://evacuation.spbarchives.ru> (дата обращения: 18.06.2023). – Текст : электронный.
3. На север из блокадного Ленинграда / Записала С. Макулова // Централизованная библиотечная система Ханты-Мансийского района. – URL: http://cbs.hmrn.ru/novosti.php?ELEMENT_ID=24639 (дата обращения: 18.06.2023). – Текст : электронный.
4. «Параллельным курсом» : Документальный фильм / Реж. Анна Тронева. – URL: https://vk.com/video-205703370_456239019 (дата обращения: 18.06.2023). – Текст : электронный.
5. Переводы П. Длуголенской // Лаборатории Фантастики. – URL: <https://fantlab.ru/translator12134> (дата обращения: 18.06.2023). – Текст : электронный.
6. ПроДетЛит : Всероссийская энциклопедия детской литературы. – URL: <https://prodetlit.ru> (дата обращения: 18.06.2023). – Текст : электронный.

Боброва Е. И.:

1. ОГОНБ имени А. С. Пушкина. Фонд по личному составу. Д. 13. ЛЛ. 16, 117об., 20–22, 24, 26, 29 об., 35; Д. 15. ЛЛ. 13–20.
2. ИАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 93. Л. 13; Ф. 62. Оп. 1. Д. 45; Ф. 78. Оп. 2. Д. 6. Л. 193; Д. 8. ЛЛ. 45, 172; Д. 11. Т. 2. Л. 265; Д. 18. ЛЛ. 1–2; Ф. 119. Оп. 2. Д. 3. Л. 3; Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 25.
3. Отчеты о деятельности Омского Отдела Московского Общества Сельского Хозяйства 1910–1915 гг. и Первой Западно-Сибирской Выставки 1911 года. – Омск, 1916. – 151 с.
4. Беляев Н. С. История библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016 / Н. С. Беляев; Б-ка РАН; ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). – Санкт-Петербург. : Реноме, 2019. – 688 с., [32] с. ил. – Боброва Е. И. см. с.: 200, 214, 215, 225, 226, 306, 321, 387, 388, 492–496, 557, 592, 609, 651.
5. Лебедева И. Н. Памяти Елизаветы Ивановны Бобровой // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. – Ленинград, 1978. С. 349–350.
6. Каган М. Д. Боброва Елизавета Ивановна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1: А – В / Рос. Акад. Наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. С. 126–127.
7. Лебедева И. Н. К 50-летию восстановления библиотеки Петра I // Библиотечное дело. 2005. № 6. С. 29–30.

8. Библиотека императора Петра I // Библиотека Петра I / Президентская б-ка имени Б. Н. Ельцина; Б-ка Академии наук. – Санкт-Петербург., 2022.– URL: https://static.prilib.ru/biblioteka_petra_i/01.html (дата обращения: 18.06.2023). – Текст : электронный.

9. Боброва Елизавета Ивановна // Великая Россия : Российская биографическая энциклопедия. Т. 13: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской Академии наук. Кн. 1. – Санкт-Петербург. 2014. С. 83: порт.

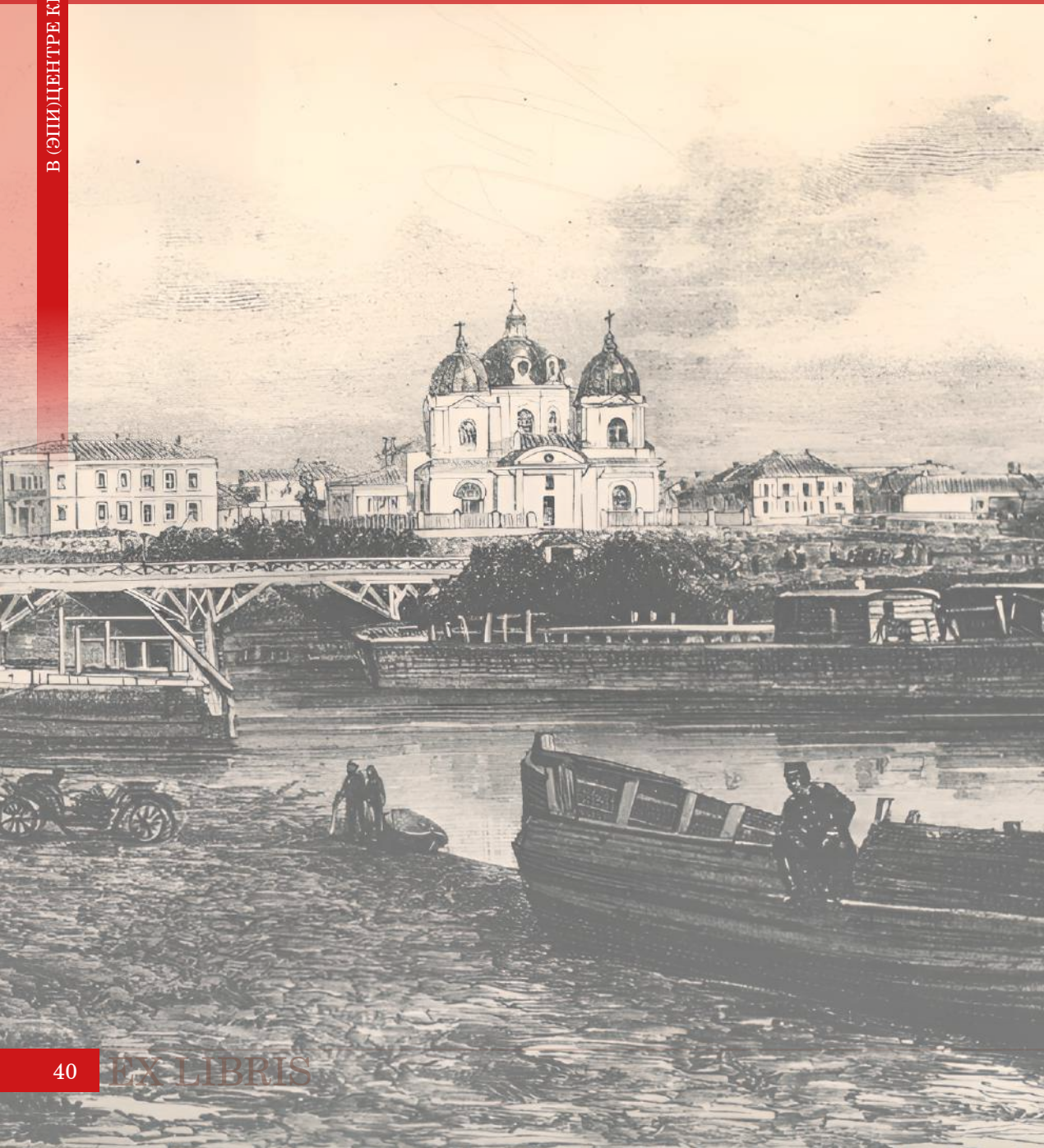
10. Сотрудники Отдела рукописей БАН: биобиблиографический указатель (1900–2017 гг.) / сост.: Бубнов, И. А. Вознесенская, при участии А. Н. Анфертьевой; под науч. ред. Н. Ю. Бубнова. – Санкт-Петербург: БАН, 2019. – 261 с., 24 с. ил. – Боброва Е. И. см. с.: 264, 271–275, 297–300, 309, 318, 319, 326, 335, 371, 400, 457, 552, 568, 847.

11. Бекжанова Н. В., Балакина А. А. Сотрудники БАН в эвакуации во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 2. – Санкт-Петербург: БАН, 2021. – С. 191–206: карт.

12. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина (рук. проекта). Родные и близкие : историко-биографические очерки / Игорь Волгин. – Москва : Фонд Достоевского, 2013. – 1222, [1]с. : ил., портр.

В (ЭПИ)ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ КАЗНАКОВ: ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Алексей Сорокин

Savoir pour prévoir, prévoir pour agir *
Auguste Comte. Cours de Philosophie Positive.
Deuxième Leçon (1826)

Работать, чтобы изучать, а изученное – использовать для работы

В год 200-летнего юбилея вновь пришло время вспомнить добрым словом просвещённого генерал-губернатора Западной Сибири, инициатора создания и члена-учредителя Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) Николая Геннадиевича Казнакова.

Представляем читателю набросок к портрету офицера-дворянина, «просвещённого покровителя образования и науки в крае» через историю его семьи, служебную карьеру, его портрет и в меру восторженные (хотя и не всегда) отзывы современников.

Омский историк и археолог А. В. Жук на основании послужных списков из фондов РГВИА утверждает, что год рождения Казнакова – 1823. Изученные им документы Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в которой учился Казнаков, указывают на дату его рождения – 8 декабря 1823 г. (соответственно, по новому стилю – 20 декабря). Обратим внимание также и на святцы: 6 (18) декабря (ныне 19) – «Никола Зимний». Копия послужного списка в Историческом архиве Омской области в фонде 3 (Главного управления Западной Сибири) за 1876 г., к сожалению, не содержит точной даты. Однако омский историк, аспирант доцента И. Г. Суворовой Е. И. Михайленко на основании изучения документов личного фонда Казнаковых, хранящихся в РГИА, утверждает, что верна прежняя дата, попавшая в энциклопедии, – 8 декабря 1824 г. Биобиблиографический справочник РНБ, составленный Д. Н. Шиловым, также указывает на

Ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи
Н. Г. Казнаковъ.

*(фр.) «Умей предсказывать, планируй действовать». Заголовок вольно перевёл Г. Е. Катанаев, найдя его в мемуарах И. Ф. Бабкова. Мой вариант перевода: «Знать, чтобы предусмотреть – предусмотреть, чтобы действовать» (А. С.).

дату 8 декабря и называет место рождения Николая Геннадиевича – существующее и поныне село Наровчат, Пензенской губернии*. Существовавший в начале XX века в Александро-Невской Лавре семейный некрополь Казнаковых (по некоторым данным уничтоженный при реконструкции кладбища) зафиксирован в справочниках «Весь Петербург» и указывает опять же на 1824 год.

История дворянского рода Казнаковых уходит корнями в седую древность. Родоначальник Василий Кознакович выехал из Золотой орды в XV в. Род Казнаковых был внесен в VI часть родословной книги Тверской и Ярославской губерний.

Николай Геннадиевич родился в семье генерал-майора Геннадия Ивановича Казнакова (1792–1851), детство провёл в имениях в Тверской губернии. Четырнадцать лет отроду был определён в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров**. После четырёх лет обучения в ней вступил в службу корнетом в лейб-гвардейский Гродненский гусарский полк. Прослужив три года, в 1845 г. поступил в Императорскую Военную Академию***. После двухлетнего обучения закончил академический курс с серебряной медалью и был произведён в Генерального Штаба ротмистры. С 1850 по 1853 гг. преподавал тактику в Академии.

С 1853 по 1861 гг. состоял при Великом Князе Владимире Александровиче, в 1854–1856 гг. обучая его и его старших братьев – сыновей Царя-Освободителя Александра II военным наукам. В архивном фонде Казнаковых сохранились детские рисунки и «рапорты» «подопечных» Николая Геннадиевича – великих князей Николая, Александра (III) и Владимира Александровичей. Нам удалось обнаружить упоминание «полковника Казнакова» в обширной биографии Императора Александра II, написанной в 1902 г. историком С. С. Татищевым, как «воспитателя молодых великих князей». Как администратор Казнаков был весьма гибким и иной раз достаточно либеральным, но к своим ученикам был беспощадно строг, возможно, именно поэтому он сохранил с ними тёплые дружеские отношения до конца своей жизни.

С 1858 г. генерал-майор Казнаков был зачислен в Свиту Его Величества. С 1867 г. – генерал-адъютант. Он выполнял ряд деликатных представительских поручений Императора, служил в должности Киевского и Волынского военного губернатора, где им был приобретён немалый опыт административной службы.

Русское дворянство, пусть и нетитулованное, неизбежно состояло в близких родственных связях между собой. Мать Казнакова – Надежда Васильевна (1800–1853) в девичестве Куломзина, что породнило Казнакова, с одной стороны, с Гасфордом (по третьей жене), с другой стороны, – со строителем Транссибирской железной дороги статс-секретарём А. Н. Куломзиным (1838–1923), который с 1865 г. был женат на племяннице Николая Геннадьевича Екатерине Дмитриевне Замятниной, дочери

Герб рода дворян Казнаковых

его свояченицы – сестры его жены Елизаветы Сергеевны Неклюдовой (1828–1906), с которой Казнаков состоял в законном браке с февраля 1853 г.

Елизавета Сергеевна была воистину «добрым гением» Николая Геннадиевича. Как «первая леди» Омска, она возглавляла в 1875–1881 гг. Омское благотворительное общество, на её руках 12 февраля 1885 года Николай Геннадиевич скончался после продолжительной болезни*.

Старший сын Казнаковых – Николай Николаевич (1856–1929)** – участник Русско-турецкой (1877–1878) и Первой мировой войн, генерал от кавалерии (1917). Значительных успехов на службе Отечеству добились также двое младших сыновей генерал-губернатора. Сергей Николаевич Казнаков (1863–1930), известный искусствовед, автор работ по генеалогии, в 1919–1921 гг. – ассистент историко-художественного отдела Эрмитажа; и Александр Николаевич Казнаков (1871–1933) – участник Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1899–1901), с 1903 г. – директор Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки. Все сыновья Казнакова впоследствии оказались на чужбине и умерли в эмиграции во Франции. Род Казнаковых имел собственный герб (полумесяц над серебряной башней). В Государственном Русском музее сохранилось два великолепных парных портрета маслом работы художника Ивана Кузьмича Макарова, написанных около 1861 г. и переданных музеем сыном Николая Геннадиевича Сергеем.

Елизавета Сергеевна Казнакова

Николай Геннадьевич Казнаков

С 1875 по 1881 гг. Н. Г. Казнаков являлся генерал-губернатором Западной Сибири, командующим войсками Западно-Сибирского военного округа и Войсковым Наказным атаманом Сибирского казачьего войска. В период управления Казнакова в Западной Сибири был проведён целый ряд прогрессивных мероприятий в области образования, науки, управления и путей сообщения. Об этом периоде, с одной стороны, наиболее известно, а с другой, так и не осмысленном до конца, в фондах Омской Пушкинской библиотеки представлен ряд воспоминаний и биографических очерков от современников, дающих нам представление о многогранности его личности.

Сразу же по назначении на должность генерал-губернатора Западной Сибири, ещё находясь в Петербурге, Казнаков в течение четырёх месяцев (по свидетельству Н. М. Ядринцева)

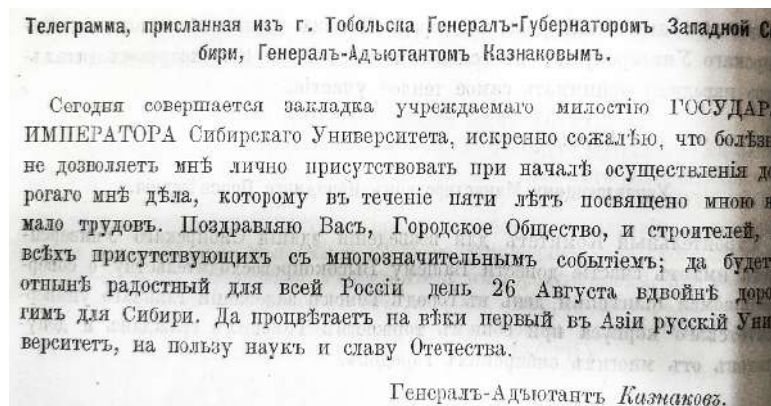
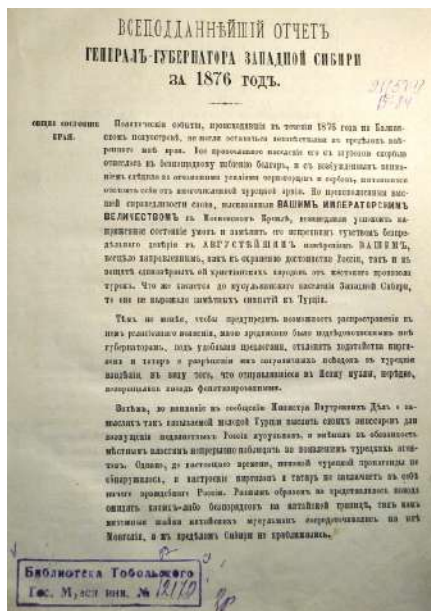
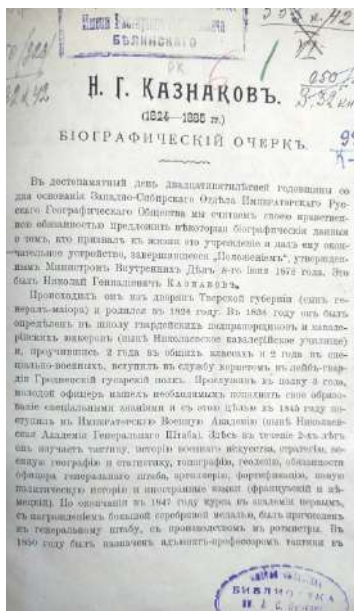
*Во времена Казнаковых, с 1780 г. до 1926 г. – город, родина писателя А. И. Kupрина.

**Позднее была преобразована в Николаевское кавалерийское училище.

*** Вошла в историю как Николаевская Академия Генерального Штаба.

*Об этом в архиве сохранились её собственноручные записки.

**«Ника», как сослуживцы отца называли его в Омске.

с требованиями времени Казнаков сначала открыл в 1876 г. Омскую мужскую гимназию. Одновременно 30 июня 1877 г. он добился у Императорского Русского Географического общества открытия в Омске «учёного общества» – ЗСО ИРГО, устав которого был утверждён 10 июня 1878 г. Эта дата считается днём основания Музея ЗСО ИРГО – родоначальника всех омских музеев.

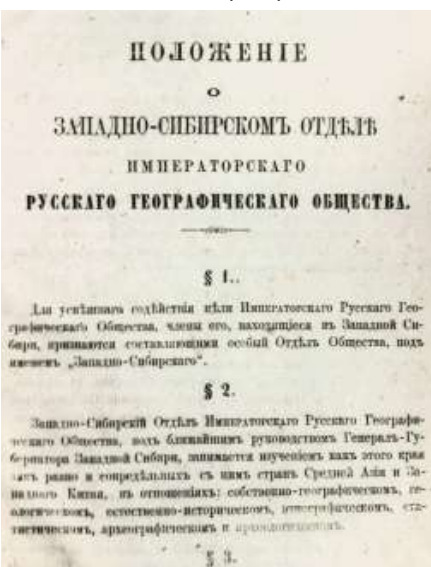
Созданную научно-образовательную инфраструктуру генерал-губернаторской столицы закономерно должен был увенчать Сибирский университет. Казнаков ходатайствовал перед правительством о создании Сибирского университета именно в Омске. Три года этот документ блуждал по петербургским канцеляриям. Тем не менее, 16 мая 1878 г. появился Указ «Об учреждении Императорского Сибирского Университета». Однако университет был заложен в Томске в 1880 г., а открыт в 1888, уже после безвременной смерти Казнакова.

При Николае Геннадиевиче также были открыты для всех сословий мужская гимназия в Омске (1876), реальные училища в Томске (1876), Барнауле, Тюмени (1879); женская прогимназия в Омске (1877) и Бийске (1879). В 1880 г. Омская городская Дума исходатайствовала Н. Г. Казнакову звание Почётного гражданина Омска. Омское почётное гражданство, как известно, стало для Н. Г. Казнакова авторитетом по счёту. В бытность Киевским генерал-губернатором он был удостоен по ходатайству Бердичевского городского общества звания почётного гражданина вышеозначенного города «за оказанное этому городу попечение во время эпидемии холеры».

Как администратор генерал Казнаков отличался выдающимися профессиональными и человеческими качествами. По широте административного кругозора, энергии Казнакова справедливо сравнивали со Сперанским. Строгая законность гармонически сочеталась в нём с удивительной мягкостью и корректностью. Изящный слог собственноручно написанных «всеподданнейших докладов» Государю Императору, глубоко научный подход к организации управления краем, стремление собрать и сблечь вокруг себя талантливых и добросовестных управленцев – всё это делает эпоху и личность Казнакова образцом и для руководителей и управленцев нашего времени. Пробыв в Сибири всего пять лет, Казнаков сумел сделать многое, а задумать ещё больше. Талантливый администратор, сумел окружить себя способными и во всех отношениях порядочными людьми. В этом, по-видимому, заключается суть его человеческого и профессионального таланта, вызывавшего спустя многие годы столь восторженные и глубокие отзывы современников.

прорабатывал всю литературу того времени, составляя подробные выписки о нуждах «вверенного его управлению» края. Как писали современники, Казнаков всегда следовал правилу: «Работать, чтобы изучать, а изученное использовать для работы».

Результаты его деятельности не оставались «вещью в себе». Они становились необходимым инструментом в руках талантливого администратора. В соответствии

СОВРЕМЕННОКИ О КАЗНАКОВЕ:

Вспоминает начальник штаба Западно-Сибирского военного округа
И. Ф. Бабков:

Казнаков всегда следовал правилу, которое, в сущности, было его формулой действий. Это «savoir pour prévoir et prévoir pour agir», а потому всякое дело, представляемое к докладу на его разрешение, должно быть предварительно разработано во всей подробности, во всех его частях, элементах и деталях. Отсюда прямое следствие – необходимость статистических данных. Все исправники обязаны были иметь при себе свод статистических данных о вверенных им округах (уездах), относящихся до состава населения, его движения, состояния образования, народного продовольствия, промышленности, торговли, земледелия, скотоводства и т. д.

Казнаков был человек большого ума и безусловно честных стремлений. Это был человек, обладавший возвышенным образом мыслей, редким тактом и умением окружать себя талантливыми сотрудниками. Замечательным ясным умом, которым обладал Казнаков, его редкие дарования, приятные манеры, быстрота соображений, находчивость, такт и знание света давали ему возможность скоро ориентироваться в самых разнообразных сферах деятельности.

Светлый ум, большая начитанность, превосходная память, сдержанность и такт, приобретенные постоянным обращением в высшем обществе, изящные манеры, постоянная приветливость и деликатность в общении были отличительными качествами Казнакова. Если же к этому присоединить красивую и симпатичную наружность, то про него можно было сказать, что Прометей вылепил его из самой лучшей глины. Обладая блестящими способностями и занимая важные административные должности как по военной, так и по гражданской части, Казнаков вступил в управление войсками и краем, будучи вполне определенным государственным человеком, имевшим за собой опыт, знание дела, ясно определенную систему действий.

1900 г.

Из воспоминаний войскового старшины, историка Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаева:

С первых же дней приезда Н. Г. Казнакова в Омск для местного чиновничества от Обдорска до Верного началась «страдная пора». Желая поближе познакомиться с лицами, которые должны были стать более или менее видными его сотрудниками в деле управления обширным краем, Николай Геннадиевич, по старой привычке профессора Академии Российского генштаба, произвел им письменный экзамен. Заданы были «сочинения»: на темы по делам и поручениям, «наищще» встречающимся по службе при прежнем генерал-губернаторе Хрущеве, требовалось также описать кратко вверенные им уезды края с приложением карт этих уездов.

... Как общий результат этих письменных экзаменов, было появление во всех уездных управлениях, тем или иным путем составленных, воистину энциклопедических справочников...

Из всех ген.-губ. Зап. Сибири Казнаков более других понимал, что правительственное воздействие на эту страну только тогда может быть плодотворным, когда она будет хорошо исследована и изучена и когда представители правительственной власти будут иметь под рукой все необходимые материалы для полного ознакомления с Сибирью и ее обитателями. Казнаков умел окружить себя способными и во всех отношениях порядочными людьми.

Доклады, которые мы имели у Казнакова, были для всех нас в высшей степени поучительны. Во время этих докладов приобретался навек и усваивался правильный и закономерный взгляд на процедуру рассмотрения и решения дел. Этому много способствовало умение Казнакова сосредоточиваться на известном предмете, угадывать главный темп, центр тяжести всего дела и способность дать такой оборот и решение, которое, как нельзя более соответствовало обстоятельствам дела. Наконец, умение находить такие стороны и оттенки в деле, которые освещают его всесторонним образом и дают надлежащую окраску. Все это в совокупности много содействовало правильному и справедливому решению дел. Работая без устали, Казнаков увлекал и других своим примером.

Казнаков и встреча нового года

На одном из вечерних докладов Москов обратил внимание ген[ерал]-губернатора на приближение нового 1876 года и при этом как старшина клуба спросил – угодно ли будет Ег[о] В[ысоко]прев[осходительству] встретить Нов[ый] год по обыкновению предшественников – в клубе.

Генерал спросил: – А разве это нужно?

– До сих пор, В[аше] В[ысоко]прев[осходительство], это обыкновенно делалось, –

Георгий Ефремович Катанаев

отвечает Москов, – тем более, что в эти дни генер[ал]-губернаторы направляли приветственные телеграммы на имя Госуд[аря] Императора.

– Да... в таком случае нужно быть... Только до сих пор я всегда встречал этот день в своей семье... нельзя ли это как-нибудь устроить?.. Да, Вы вот что сделайте... (и генерал прошелся раза два по кабинету), Вы переведите клубные часы так на четверть часа вперед. Я у себя перевожу на четверть назад, тогда в полчаса я успею встретить Новый год и там. И здесь.

Все, конечно, исполнилось так, как было сказано, и Ник[олай] Ген[надьевич] убил двух зайцев: в клубе осчастливил своим присутствием омское общество, а дома угодил желанию жены, не нарушив давнишних семейных традиций.

1914 г.

Из очерка путешественника Г. Н. Потанина:

Омск, третий по величине город в Сибири, до настоящего времени, которое можно назвать эпохой преобразования городской жизни в Сибири, уступал городам Томску и Иркутску как в просвещении, так и в богатстве. Он не имел тех счастливых условий, в каких жили другие два города. Список омских генерал-губернаторов не блещет именами; из администраторов наибольшую память о себе оставил Капцевич; нездоровая традиция о нем прожила с двадцатых годов до шестидесятых и в шестидесятых еще живо чувствовалась в Омске <...> Хорошее воспоминание оставил только генерал-губернатор Казнаков, которому Сибирь обязана открытием Томского университета; эта заслуга делает его имя симпатичнее сибирякам, чем имя Муравьева-Амурского. У неблестящих администраторов и свита их была неблестящая; поэтому омское население осталось без тех благодетельных воздействий, какие выпали надолго Иркутска. Да если бы и были в Омске интеллигентные генерал-губернаторские свиты, они не нашли бы здесь восприимчивой почвы.

Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург, 1908 г. – С.250.

Из записок зоолога и путешественника доктора Отто Финша

После генерала Хрушова, место генерал-губернатора занял, три года тому назад, генерал-адъютант Казнаков. Уже в Петербурге мы удостоились чести быть ему представленными. Посланным им заблаговременно приказаниям, мы по преимуществу обязаны тем, что как до сих пор, так и еще более впоследствии, нас везде принимали самым лучшим образом. В короткое время своей деятельности, генерал Казнаков, при объезде подведомственных ему губерний и путем различных распоряжений, сделал более для процветания западной Сибири, чем кто-либо из

Дворцовая улица в Омске. Начало XX в.

его предшественников, и притом по всем отраслям управления. Заботясь столько же об улучшении суда и полиции, сколько о поднятии торговли и улучшении путей сообщения, он обратил также внимание на дело народного образования. Повсюду стали возникать гимназии, высшие женские училища, начальные школы, а также особые школы для киргиз и остяков. Особенным предметом его попечений сделалось приготовление хороших народных учителей в Омской учительской семинарии, а самой любимой идеей – основание первого сибирского университета. Насколько важно для Сибири улучшение и распространение народного просвещения, будет понятно каждому, кто вспомнит громадное протяжение этой страны. Как христиане, так и магометане и язычники, отзываясь с похвалой об его беспристрастии и справедливости. Он строго преследует превышения власти и противозаконные поступки. Даже лес, обращающий на себя столь малое внимание русских властей, и тот нашел в нем своего охранителя. Западная Сибирь должна, по справедливости, желать своему нынешнему губернатору полного успеха в его деятельности, ибо при высоком организаторском таланте генерала, едва ли кто более Казнакова призван к тому, чтобы не только наметить путь для развития и благосостояния страны, но и действительно повести дело этим путем, с неслыханной до сего времени энергией. Так как

Экслибрис библиотеки Казнаковых Из фондов Смоленской областной библиотеки

г. генерал-губернатор был в отсутствии, то мы поспешили явиться к Её Превосходительству, чтобы просить засвидетельствовать перед ее супругом глубочайшую нашу признательность, за оказанное внимание. Г-жа губернаторша была столь любезна, что пригласила нас к обеду и на замечание с нашей стороны, что мы принуждены будем явиться в походном костюме, ответила, что «Норденшильд тоже не мог явиться во фраке».

1880 г.

Из описания города Омска в Путеводителе по Сибирской Великой железной дороге А. И. Дмитриева-Мамонова, бывшего Тобольского губернатора, историка-любителя.

Большинство гражданских учебных заведений, как мужская классическая гимназия, учительская школа, центральная фельдшерская школа, техническое училище, обязаны своим возникновением просвещенной деятельности, бывшего в 1875-1880 годах генерал-губернатором Западной Сибири, генерал-адъютанта Н. Г. Казнакова.

<...> Из числа благотворительных обществ по своей деятельности и организации выделяется состоящее под покровительством государыни императрицы (сущ. с 1861 г.), имеющее в ведении своем убежище для бедных детей с первоначальною ремесленно грамотною школой и столовую. Основа материального обеспечения этих благотворительных заведений положена была супругою бывшего генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Казнакова, Елизаветою Сергеевною Казнаковою, имя которой навсегда тесно связано с исторической судьбою и с жизнью этих заведений и всего благотворительного общества. По своему благоустройству и развитию ручного труда заслуживает внимания детский сиротский приют, основанный супругою губернатора Акмолинской области Е. А. Санниковою. Среди ученых обществ первенствующее место занимает Западно-Сибирский отдел Императорского русского общества, труды которого по исследованию Западной Сибири и сопредельных с нею стран в географическом, естественно-историческом, археологическом, этнографическом, статистическом и др. отношениях, печатаются в издаваемых им периодически с 1879 г. «Записках».

1900 г.

Основные источники

1. Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг. – Санкт-Петербург / 1912. // Антология омского краеведения / ОГИК музей; авт.-сост.: П. П. Вибе, О. В. Блинова – Омск, 2020. – Т. 3: Омск в публикациях XVIII – начала XX вв. – С. 602–603, 701,771–772.
2. Катанаев Г. Е. Очерки былого / Г. Е. Катанаев. – Омск: ГИАОО-Омскбланкиздат, 2012. – С. 116–178, 178–229, 233–249.
3. Финш О. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма / О. Финш. – Москва, 1882. – С. 56–64, 701.
4. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – Санкт-Петербург, 1908. – С. 250.
5. Путеводитель по Сибирской Великой железной дороге / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова и А. Ф. Здырского. – Санкт-Петербург, 1900. – С. 218–221, 771–772.

«ПО ПРАВУ ПАМЯТИ»

о книге С. И. Манякина «Сибирь далекая и близкая»

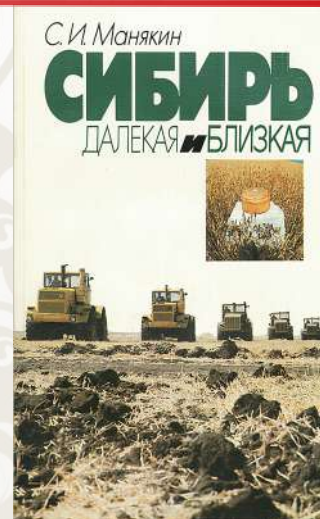
Ирина Gladkova

«В деловых поездках по стране или за рубежом часто приходится слышать сдержанно-уважительное: «О, Сибирь — край неограниченных возможностей», «сказочная земля». Сказочной ее сделали люди, их труд, энергия, талант. Сбывается предвидение М. В. Ломоносова о том, что российское могущество прирастать будет Сибирью...»

С. И. Манякин

«Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни»

В. Г. Распутин

«По праву памяти живой» – это строка одного из стихотворений Александра Твардовского приходит на память, когда обращаешься к ставшим уже историей годам руководства Омской областью первого секретаря Обкома КПСС Сергея Иосифовича Манякина.

Сергей Иосифович Манякин (1923–2010) – Герой Социалистического Труда. Руководил Омской областью с 1961 по 1987 годы. Благодаря его управленческому таланту Омская область стала промышленным центром страны и заняла четвертое место в СССР по объему агропромышленного производства. За заслуги перед государством С. И. Манякин награжден пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР. В 1983 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1993 году – звание почётного гражданина города Омска.

Книга воспоминаний С. И. Манякина «Сибирь далёкая и близкая» интересна и важна как ценный опыт руководства хозяйственной деятельностью и как удивительные по своей искренности и правдивости размышления о времени и о тех людях, с которыми автору пришлось вместе жить и работать. Это доверительный рассказ человека и гражданина неповторимой судьбы, в нём главный посыл будущим поколениям – как, сохранив уникальный опыт поколений и внедряя передовые технологии, личным трудом упрочить могущество своей Родины.

«Раздумья приводят меня к началу 1960-х годов. И память, не напрягаясь... восстанавливает картины прошлого».

Всё, о чём говорит автор, основано на большом профессиональном опыте и глубоком осмыслении жизни. Героями книги являются талантливые руководители хозяйств, директора колхозов, совхозов, трестов и управлений Омской области и простые люди – труженики, хорошо знающие свою работу.

Сибирская земля, сами сибиряки автору – уроженцу Ставропольского края – открывались не сразу. В очерке «С чего начать?» главы «Омские контрасты» он откровенно делится своими воспоминаниями о первых днях пребывания на омской земле: «...Только вот как встретят меня на этой земле? Не покажусь ли я омичам молодым, недостаточно опытным? Приняли меня хорошо. Была середина августа. Пленум обкома

Сергей Иосифович Манякин

готовился обсудить вопрос «О ходе уборки урожая и продаже хлеба государству в колхозах и совхозах области». Без долгих предисловий представили меня участникам пленума. Биография уложилась в две минуты: фронт, сельхозинститут, работа. «Будут ли вопросы?», – спросил председательствующий. Из зала раздался веселый голос: «Ставропольцев вызовем на соревнование». Я понял, что стал сибиряком».

Очеркист Леонид Иванов в книге «Притягательная сила» так описывал приезд Манякина в область: «В областной газете была дана его краткая биография: участник войны, агроном, работал директором МТС, а затем, в звании традцатитысячника избран председателем колхоза на Ставрополье. И бурный взлёт по служебной лестнице: завсельхозотделом крайкома партии. Председатель крайисполкома, инспектор ЦК КПСС... А лет ему всего 38 – самый молодой секретарь обкома России. Естественно, что омичи с интересом ждали, как поведёт себя новый секретарь... Я же, по понятным причинам, ждал развития событий на сельском фронте...».

«Корпус директорский»

«Нигде, кроме Сибири, я не встречал столько людей со своей особой, независимой от установки «сверху», точкой зрения. Сибиряки никогда не брали «под козырёк», встречая очередное нововведение. Они согласовывали его со здравым смыслом, собственным опытом и совестью...»

Осваивая масштабы Омской области, С. И. Манякин проехал её с севера до юга, побывал во всех районах, лично познакомился с директорами колхозов и совхозов. Он понимал, что без хорошо обученных специалистов трудно решать стоящие перед ним серьёзные задачи. Сразу выявилась острая нехватка профессиональных кадров на селе. Высшее образование имели лишь 5 % председателей колхозов и 23 % директоров совхозов. Но это были люди военного поколения, ответственные за свою работу. Пришло решение – «именно из них сложится и в дальнейшем пополнится высококвалифицированными специалистами тот самый «директорский корпус», о котором напишет книгу очеркист Л. И. Иванов. Наиболее ярким представителям директорского корпуса Манякин посвятил отдельные страницы своей книги.

Из воспоминаний писателя-очеркиста Л. Иванова: «Моя первая личная встреча оказалась случайной. Когда вылетал из Москвы, то увидел Манякина... В самолёте мало пассажиров, и возле Манякина два свободных места. Набрался нахальства, представился, присел рядом... Первый его вопрос ко мне: «Что же вы критикуете свою родную область?» Пришлось возразить: «Я написал полтора десятка книг о лучших совхозах области». «Разве? – удивился Манякин. – Таких я не видел, а в очерках вы критикуете... Особенно в таких, как «Когда сеять?» или «В поход на сорняки»... Мне говорили, что вы агроном, работали в совхозах. Я тоже агроном. Давайте поговорим как агрономы: почему в области снижаются урожаи?». Это моя тема! И я мог бы ответить просто: коль вы читали мои очерки, то из высказываний их героев могли понять причину низких урожаев... И подумал: не рассказать ли Манякину, что Нижнеиртышский совхоз, где директором Хорошун, давно освоил мальцевскую систему обработки почвы, и в последние годы там самые высокие урожаи. Но чистые пары скрывает... В моих очерках директор совхоза Хорошун тоже скрывал чистые пары... И всё же я решил продолжить рассказ о Хорошуне...».

«Школа Хорошуна»

Имя Кирилла Александровича Хорошуна не раз упоминается в книге «Сибирь далёкая и близкая». Из очерка «Энтузиасты «Нижнеиртышского»:

«В «Нижнеиртышском» стеной стояли овсы. «Вот вам и культура, отнесённая в разряд бесперспективных», – подумалось мне. Золотом отливала под неброским осенним солнцем пшеница. Радовали поля многолетних трав, огромные скирды сена, хорошо уложенные, гладко очёсанные по бокам. А вот вид парового поля вызвал недоумение: повсюду торчат клочья соломы. Не такие пары были у нас на Ставрополье. Глубоко вспаханные, выровненные, действительно чёрные! А здесь какие-то серые на вид, комковатые.. Тогда я ещё не имел представления о мальцевской безотвальной обработке...»

Выйдя из машины, я невольно залюбовался центральной улицей посёлка – широкой, хорошо застроенной, в щедрой зелени деревьев. Кто-то сообщил Хорошуну о моём приезде. Пожимая руку, он негромко произнёс: «К нам обычно заезжают с парадного крыльца. А вы нарушаете...». Глаза из-под кустистых, начавших седеть бровей глядят пристально, изучающе. Держится спокойно, с достоинством...

В разговоре прямота и честность Хорошуна меня подкупали. «Судите нас сразу за все прегрешения», – Хорошун решительно тряхнул головой... Директору при-

шлась по душе мальцевская агротехника. Он решил внедрить её на полях совхоза. Но вот загвоздка: эта система приемлема при одном обязательном условии – наличии чистого пара в севообороте. А пары в те годы были под запретом. «Мы всё-таки решили внедрить мальцевскую систему, – продолжал он. – Попробовали внести в профинплан свою структуру посевов, а значит, и чистые пары.... Пошли на риск: ввели в севооборот полное поле чистого пара. В сводках, правда, пришлось показать, что засеяно оно зерновыми культурами. Об этом я уже узнал из разговора с писателем.

Вспомнив вид парового поля на въезде в село, я не удержался от упрёка: «Занять-то вы пары заняли, а вот обработаны они у вас из рук вон плохо». Он возразил: «Если вы говорите про то поле, что вдоль дороги на Тамбовку, то я вчера там был, хорошо всё сделано». «Как же хорошо, если всюду стерня видна?». Хорошун улыбнулся. «Как раз хорошо, что видна... По мальцевской системе пары мы обрабатываем безотвальными плугами, не глубоко. Вид их, конечно, не очень привлекателен, зато надёжно для урожая».

Часто вспоминаю тот разговор в «Нижнеиртышском». У Хорошуна я получил наглядный урок того, как надо решать дела с учётом конкретной обстановки. Много позже я скажу себе: да, первым моим учителем в Сибири был именно Хорошун – прекрасный руководитель, честный человек... У него и фамилия такая – Хорошун!..

Да, школа Хорошуна оказалась надёжной. Да только ли Хорошуна? Омская земля оказалась щедрой на людей ярких, трудолюбивых, беззаветно влюблённых в свой суровый край».

Полёты над областью

В главе книги «Резервы сибирского поля» автор вновь обращается к уникальной технологии обработки земли, разработанной Т. С. Мальцевым. Цитирует его книгу «Думы об урожае», ставшую настольной: «Велика наша Родина. Поля её обширны. На все случаи, для всех зон одинаковых рецептов нет и быть не может. Одно бесспорно: гектар тому щедрее платит, кто трезво, критически мыслит, у кого к земле творческий подход. Техника, удобрение – большая сила...».

О том, как в области велась работа по обработке земли и подкормке зерновых и по сохранности лесных угодий вспоминает лётчик 1 класса, а ныне – почётный пенсионер Омского аэропорта, Фёдор Степанович Агафонов.

Кирилл Александрович Хорошун

Из интервью с Ф. С. Агафоновым:

«Сергей Иосифович Манякин запомнился мне как большой знаток сельского хозяйства. Принципиальный, строгий, требовательный к себе и к людям, очень не любил фальшь и лицемерие. С первого года его приезда в Омск всем стало ясно – в область пришёл ХОЗЯИН. Ни разу не слышал, чтобы Манякин на кого-то кричал, но с каждого руководителя он спрашивал строго, требовал дисциплины и порядка. Про него говорили – человек с железным характером. При этом в области его очень уважали, потому что видели, какими темпами шло развитие области, как активно во всех районах велось строительство, прокладывались дороги, развивалось сельское хозяйство.

Мои первые полёты с Сергеем Иосифовичем Манякиным начались весной 1962 г. Сначала мы облетали южные районы. Каждый полёт длился примерно два с половиной – три часа. В АН-2 всего девять мест, но больше двух-трёх человек Манякин никогда с собой не брал. Сначала хотели взять на борт стюардессу, но Сергей Иосифович жёстко оборвал: «Убрать!».

Он делал особую ставку на центральные и южные районы области. Здесь решался главный вопрос – урожай пшеницы. Помню случай, когда мы летели на кустовое совещание в Одесском, где собрались представители южных районов области. Перед полётом получаю от Сергея Иосифовича задание – показать поля Одесского. Я ему отвечаю: «С Вами ведь мне нельзя низко летать». А он в ответ: «А ты выполняй под мою ответственность!».

Пролетаем над полями совхоза «Комсомольский». Слышу, как он строгим голосом спрашивает: «Это чьи поля? Почему грязные?» Я отвечаю, что самолёт туда отправляли, но председатель совхоза отказал, сказав, что поздно поля обрабатывать,

Фёдор Степанович Агафонов

пшеница в трубку пошла. Садимся в Желанном. Выходим. Нас встречают члены правления совхоза. Манякин обращается ко мне: «Садись рядом». Чувствую себя неловко, отвечаю: «Нельзя мне, Сергей Иосифович, садиться с Вами рядом, ведь Вы – член ЦК». В ответ слышу вновь: «Под мою ответственность, ты должен сидеть рядом!». Срочно дал команду собрать всех руководителей района, включая секретаря райкома партии. Когда все собрались, он их в круг поставил и долго с ними разговаривал, что-то объяснял. Всем дал поручения, а когда секретарь райкома провожал Манякина к самолёту, то я услышал строгий голос, обращённый к райкомовскому начальнику: «А с Вами разберёмся лично на бюро обкома!».

В тот же день в Русскополянском районе, куда мы должны были лететь, уже знали об этом случае. Проведя совещание с аграриями, Манякин обратился ко мне: «Летите в Омск без меня. Я поеду на машине, чтобы лично поля осмотреть».

Не раз летали мы в северные, западные и восточные районы области. По его указанию каждую весну наш АН-2 активно вносил удобрения в почву, опрыскивал поля до 12 тысяч гектар! Чтобы работа велась системно, мы с эскадрилей заранее составляли план вылетов, чтобы по прибытию экипажа всё было подготовлено к работе.

Работали много, результаты нашего труда были оценены по-достоинству. Наша эскадрилья заняла 1 место в социалистическом соревновании СССР, а меня в 1976 г. наградили орденом Ленина».

«Зажечь свет в сердцах людей...» или «Школьный аспект» аграрной науки

В очерке «Совхоз начинается... со школы» изложена авторская концепция преемственности поколений: важно «по-новому, серьёзно и вдумчиво, с экономической приглядкой посмотреть на школу. Чтобы она превратилась... в кузницу кадров, в тот самый школьный цех, или цех № 1, как сейчас говорят хозяйственники...». Действительно за годы руководства областью С. И. Манякина был накоплен значительный опыт по профессиональному обучению и закреплению молодёжи на селе. В результате все районы Омской области значительно помолодели. За основу был взят опыт совхоза «Еремеевский» Полтавского района.

Во всех районах строились школы, работали библиотеки и краеведческие музеи. Сельские школы становились своеобразными центрами подготовки кадров для аграрного производства. Создавались координационные советы, занимающиеся вопросами трудового воспитания и профессиональной ориентации учащихся, закреплению ведущих специалистов хозяйств за школьным курсом производственного обучения, созданием школьных мастерских.

Сергей Иосифович в недавнем прошлом сам работал учителем, знал и ценил труд педагога. Не менее важную роль он отводил строительству культурных и спортивных объектов в городе и на селе. Делал всё возможное, чтобы молодёжь знала и любила родной край и связывала с ним свою будущую жизнь.

«Главное, что сделал Сергей Иосифович – он возвращал кадры в село. Надо было пройти все производственные ступени, прежде чем встать во главе предприятия. Часто на руководящие должности ставили довольно молодых людей, но их не бросали, за ними присматривали, им помогали, их формировали. Из них вырастали крепкие, хорошие хозяйственники, высококвалифицированные специалисты. Он был убежден, что главный секрет успеха – это профессиональные кадры...».

Литературные предпочтения

Вспоминая годы совместной работы с Сергеем Иосифовичем, И. К. Викторов в очерке «Грани Манякина», писал: «Он и сам был профессионалом в самом прямом смысле этого слова. Но никогда не упускал возможность узнать больше. Интересовался литературой, любил книги».

Приведём фрагмент радиопередачи из цикла «Парад планет», записанной на омском радио, посвящённый памяти С. И. Манякина, с участием И. К. Викторова: «У него на столе всегда лежало много разной литературы. В одну из наших встреч Сергей Иосифович поделился со мной заинтересовавшей его фразой «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Затем рассказал о том, что совсем недавно взял томик Гоголя и с интересом прочитал про Акакия Акакиевича Башмачкина. Начал читать «Вечера на хуторе близ Диканьки». У своего друга, полтавчанина Фёдора Трофимовича Моргуна спросил как ему творчество Гоголя? Тот потом целый вечер рассказывал про Гоголя и других выходцев из Полтавы: художнике Ярошенко, академике Вернадском».

После прочтения «Левши» Лескова сделал для себя вывод: поздно мы хватились бороться с пьянством. Если бы начали ещё в те времена, то Левша остался бы жив. Когда прочитал другие произведения Лескова, то понял, что это писатель, необыкновенно тонко чувствующий красоту русского языка.

Признавался Сергей Иосифович и в увлечении Чеховым. Прочитав его рассказы из двенадцатитомного собрания сочинений, многое узнал, особенно из комментариев к каждому тому: «Такая открылась картина культурной жизни в России! Жаль, что всего этого я не почерпнул с молодости. Тогда и читать-то мне было некогда. Помогал отцу в кузнице, матери по домашнему хозяйству. Потом война, потом учёба и работа, работа, работа...».

Как-то в квартире Манякина в Москве собрались так называемые «бывшие» омичи. Жена Прасковья Петровна накрыла стол, и полились заздравные речи. Я, чтобы не повторяться, спросил разрешения почитать стихи об охоте. Начал с «Графа Нулина», постепенно перешёл к творчеству моего любимого омского поэта Геннадия Шмакова:

Я за оружие берусь,
 Душа горит, я жажду мести.
 За Оконешниково гусь
 Овса склевал гектаров двести.
 У нас и так страна в беде,
 Хоть рай политики пророчат.
 А те или на воде,
 То на хлебах опять гогочут,
 Клюют российское зерно,
 Не соблюдая даже нормы.
 И этим гусям всё равно,
 Что мы страдаем за реформы.

Слушая эти строки, Манякин оживился, задорно засмеялся, вспоминая свою гусиную охоту на крестинских полях...».

Книги для Сергея Иосифовича И. К. Викторова зачастую брал в Пушкинской библиотеке, читателем которой являлся долгие годы. Сегодня в краеведческом фонде библиотеки существует отдельный раздел публикаций о жизни и деятельности С.И. Манякина, представлены книги и документы, раскрывающие его огромный вклад в историю омского края. В 2023 г. к 100-летию со дня рождения была открыта выставка «Первый секретарь».

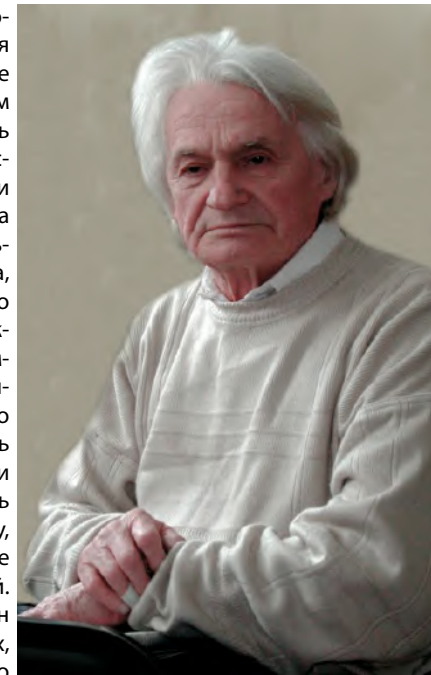
Невозможно в одной публикации раскрыть все знаковые для нашей области события и назвать все имена выдающихся тружеников – героев повествования. Но есть надежда, что всё изложенное автором книги «Сибирь далёкая и близкая», сегодня вновь обретёт интерес и послужит отправной точкой для дальнейшего развития родной для нас Омской области.

Свою книгу Манякин завершил такими словами: «Эта книга – результат долгих, может быть, не всегда бесспорных раздумий о будущем нашего огромного региона. Какие бы преобразования ни происходили, дальнейшее продвижение вперёд немыслимо без комплексного, высокоэффективного хозяйского использования ресурсов Сибири... Освоение сибирских богатств должно быть направлено на достижение главной цели – сделать нашу Родину ещё богаче и могущественнее, а людей – счастливее и зажиточнее. Я попытался, насколько мог, приоткрыть читателю дверь в удивительный, суровый и гостеприимный край, где живут добрые, щедрые, трудолюбивые люди. Если мне хоть в какой-то мере удалось представить далёкую и в то же время близкую Сибирь, я буду считать свою задачу выполненной».

Навстречу жданной нашей доле
 Рвались мы в путь не наугад, —
 Она в согласье с нашей волей
 Звала отведать хлеба-соли.
 Давно ли?
 Жизнь тому назад...
 (А. Твардовский «Перед отлётом»)

В. И. МАТЮЩЕНКО: «ТО, ЧТО Я ПЕРЕЖИЛ...»

В данном выпуске альманаха мы вспоминаем имена учёных и педагогов, чья увлечённость работой и неоценимые человеческие качества позволили им стать выдающимися людьми и оказать большое влияние на выбор профессии нескольких поколений учеников и студентов. Имя Владимира Ивановича Матющенко (1928–2005) – замечательного российского историка, археолога, профессора Омского государственного университета имени Достоевского, доктора исторических наук, основателя томской и омской школ археологии – занимает в этом ряду особое место. Ему, его коллегам и ученикам удалось открыть качественно новую страницу в изучении Западно-Сибирского региона и заложить фундаментальную источниковую базу, благодаря которой шло последующее изучение западносибирских древностей. Вклад в развитие археологии отражён в его многочисленных научных трудах, учебных пособиях, а также в работах его последователей. О таких людях говорят как об учёных высокой пробы, получивших блестящее образование и отдавших многие годы жизни любимому делу. Неслучайно с большой благодарностью отзываются о своём учителе его ученики.

В семейном архиве бережно хранятся несколько дневниковых тетрадей Владимира Ивановича, написанных им в юные годы. Это было трудное для страны послевоенное время. Семья Матющенко тогда жила на Дальнем Востоке. Там, в далёком Комсомольске-на-Амуре Владимир закончил школу, оттуда начал своё путешествие по Сибири сначала в Томск, где за время учёбы в Томском государственном университете сформировались его научные интересы, началась его преподавательская и научно-исследовательская работа, а затем в Омск.

Как многие целеустремленные молодые люди того времени, школьник, а затем студент Владимир Матющенко вёл дневник, где фиксировал собственные наблюдения и размышления о том, что его волновало, о чём мечталось. О своих литературных предпочтениях, о планах на будущее, а также о том, какое влияние на становление личности и выбор будущей профессии оказали книги, можно узнать, листая страницы его дневниковых записей. Собранные вместе, они дают представление о том, как с юных лет формировалось мировоззрение крупного учёного, археолога и выдающегося педагога. Предлагаем вашему вниманию фрагменты дневников.

Дневник

В. Катценко

Январь 1946 года

*Здесь всё, что я пережил, что
прочувствовал, что душил и что
живёт. Здесь жизнь моя от января
1946 года. Маша*

*На страницах этой книги
Я раскрою жизнь свою.
Что я чувствовал и видел,
Здесь пером я опишу.*

Из дневниковых записей

9 января 1946 года

Как свободно и чисто бывает на душе, когда сознаёшь, что ты всё сделал, что мог и что от тебя зависело. Но как тяжело, когда видишь, что перед тобой уйма начатых дел, и что они слабо выполняются. За эти одиннадцать дней от 30 декабря и по сегодня у меня не было ни одной свободной минуты. И вот сегодня 9-е число, послезавтра идти в школу, а у меня еще не готова лекция на тему о Грибоедове и его комедии «Горе от ума». Здесь нужно подготовить выступление к слёту пионеров, там составить статью... То нужно идти в школу по какому-либо делу. И так весь день. Но ведь нельзя же оставить и химию с анатомией. Их тоже нужно проработать. Но ведь нельзя же и не почитать. Нельзя же и не написать чего-нибудь. И вот весь день то в школе, то с пером, то с книгой. Но ничего, крепиться надо! не падать духом! «Всё на земле – к хорошему средство», – как сказал Жуковский. И этому нужно верить.

12 января 1946 года

...Сегодня я кончил читать роман Тургенева «Рудин». Этот роман мне понравился. Я сочувствую печальной судьбе Дмитрия Николаевича Рудина и догадываюсь, что и в наше время такие люди есть. Их везде встречают трудности. И уже казавшийся близкий успех их падает. Они остаются ни с чем. В начале романа я не мог понять отношение Александры Павловны Липиной к Мих. Мих. Лежнёву. И лишь только в конце, вернее перед концом, понял истинное отношение её к Мих. Мих. Мне не понравился также и Пандалевский, этот лицемер, самоуничтожающий человек и шпион. Как это противно! Не понравился мне и Африкан Сем. Пигасов со своими взглядами на жизнь. Честно признаюсь, я не понял роли Дарьи Мих. Ласунской. Правда, я понял, что гордилась своей знатностью в московском обществе. А больше я ничего хорошего не нашёл в её характере...

17 января 1946 года

За эти дни ничего особенного не произошло. Всё также учу уроки и всё также полно у меня дел. Недавно прочёл роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». Он мне понравился. Но удивительно, почему Тургенев пишет так, когда нужно сказать, что «он согласился», он пишет, что «он возразил»...

14 апреля 1946 года

...На каникулах прочитал «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова и «Кандид, или Оптимизм» Вольтера...

6 мая 1946 года

Сегодня я кончил читать книгу «Пылающий остров», автор Ал. Казанцев. Вообще книга увлекательна, но мне нельзя сказать, чтобы понравилась.

8 мая 1946 года

...Вчера я прочитал III том «Былого и дум» Герцена. Я выписал особенные места, трогательные, душевные: «Кто раз на своих руках держал младенца и чувствовал, как он холодел, тяжелел, становился каменным; кто слышал последний стон, которым тщедушный организм умоляет о пощаде, о спасении, просится остаться на свете; кто видел на своём столе красивый гробик, обитый розовым атласом, и беленькое платьице с кружевами, так отличающееся от жёлтого личика, – тот при каждой детской болезни будет думать: отчего же не быть и другому гробику вот на этом столе». А если вот эти слова, обращённые к сироте: «...Не знать тебе материнской ласки, материнской любви – их ничто не заменит. У тебя будет пробел в сердце, ты не испытаешь лучшей, чистейшей, единой бескорыстной привязанности в свете. Ты её, может, будешь иметь, но к тебе её никто не будет иметь. Что же любовь отца в сравнении с материнской болью любви».

19 июля 1946 года

...Часто мне приходит в голову путь моего образования. Недаром говорить, что путь к науке – это каменная извилистая тропинка. И это действительно так. Ухабистая дорога у меня началась с 5 класса. Из-за причины, от меня независимой, мне пришлось учиться дважды в 5 классе. В 6 классе я тоже потратил 2 года. Сравнительно спокойно я проучился 7-й и 8-й классы... я решил идти в техникум. В техникуме я получу специальность и любой ценой постараюсь сдать за десятилетку и получить аттестат зрелости. Тогда у меня будет широкая жизненная дорога.

23 июля 1946 года

Писать дневник есть время... Хотя мне приходится топить печь, смотреть за козой и свиньёй, но днём и вечером у меня достаточно времени, чтобы и почитать, и написать что-нибудь и... побездельничать. В эти дни решил всё-таки написать одну повесть (попытаю ещё счастья). Хочу назвать её «Одна семья». В основу этой повести хочу вложить жизнь нашей семьи. Идеей повести ставлю: мужество советского народа. Несмотря ни на какие трудности во всех отношениях (и материальные, и бытовые, духовные трудности) народ в политическом отношении не теряет духа. Конечно, я хочу исполнить давнишнюю свою мечту: показать тяжёлое положение рабочих и вскрыть всю тёмную работу дельцов-бюрократов, их воровство и их обман народа. Не знаю, выполню я поставленную перед собой задачу или нет и, если выполню, то как: плохо или хорошо? Вот на это я затрудняюсь ответить. Ведь у меня есть уже два прозаических произведения: «Пять» и «Последняя жертва». Первое я признаю паршивым и не обработанным, второе сносным, но не обработанным и не отшлифованным. Я вот почему-то как только берусь что-нибудь написать, так сразу же теряюсь: с чего начать, что поставить первым, что последним? Так много иной раз стоит в памяти, что, кажется, всё невозможно изобразить. А вот как только я возьмусь писать (правда, у меня ещё ерундовский «писательский» опыт), так сразу же всё забываю, всё уходит из головы...

30 октября 1946 года

...Сейчас я забыл записывать то, что прочёл. Придётся перечислить всё. Начну. «Детство. Отрочество. Юность» Л. Толстого, «Казачьи» Л. Толстого, «Семья Опенгейм» Л. Фейхтвангер, Самуниев «Простые люди», «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Генрих IV», «Ричард III» и «Юлий Цезарь» Шекспира, «Сорока-воровка» Герцена, «Дальнее плавание» Фраермана и несколько рассказов Чехова. Вот и всё. Начал читать первый том «Анны Карениной» Л. Толстого.

21 ноября 1946 года

...В отношении успеваемости пока не плохо: за этот месяц получил только одну «четвёрку» по дарвинизму. По остальным же предметам только «пять». ...Сейчас я уже докладчик райкома ВЛКСМ. Подготовил уже лекцию «Герои Краснодарона». Скоро должен буду её читать.

9 января 1947 года

Кончаются каникулы. А за эти дни я и в руки не брал учебника, хотя до каникул думал сделать многое... Вообще каникулы прошли неплохо. Кое-что прочитал: «Путешествия» Миклухо-Маклая, «Степан Кольчугин» (кн. 2) В. Гроссмана, «Анну Каренину» (т. 2) Л. Толстого, и теперь я читаю «Навои» Айбека.

18 января 1947 года

Дела идут прекрасно. Неделю отанимался после каникул. В школе всё хорошо. Получил две «пятёрки». И что самое хорошее для меня – это мои успехи в литературе. Борис Максимович почитал мой рассказ «Возвращение». Для него понравился и пообещал, что продвинет его в «Сталинский Комсомольск». Я же решил бить выше – в «Дальний Восток». Не знаю, выйдет что-нибудь или нет. Конечно, похвала Бориса Максимовича меня воодушевила. Постараюсь что-нибудь ещё нацарапать...

26 мая 1947 года

Литература сдана. Позавчера писали сочинение, а сегодня – устно. Сочинения писали на три темы: «Идейный смысл и его раскрытие в поэме Н. В. Гоголя», «Образ Веры Павловны и его значение в романе Н. Чернышевского «Что делать?» и третья (до словно не помню) «Всё, что есть прекрасного, нужно отдать во имя освобождения человечества» (взяты слова Н. Островского). Я взял последнюю. Писал без черновика и написал 11 страниц. Начали писать с 9 часов утра и закончил в 15 минут двенадцатого... Сегодня слышал от Ревекки Исааковны хорошие отзывы о сочинении.

30 мая 1947 года

...2-го числа сдаю историю. В основном я уже готов. Если бы мне понадобилось сейчас отвечать, то со спокойной душой пошёл бы. Я решил готовиться таким методом. Сейчас у меня свободного времени много будет. Сегодня начал читать В. Каверина «Два капитана». В 43-м году я читал её без конца и без начала на Падальях. Теперь же я решил перечитать её заново. Хорошая книга!

10 июня 1947 года

Испытания закончены. Вчера сдали дарвинизм.

Из школы собирается группа для путешествия. Пётр Петрович хочет во что бы то ни стало заставить меня войти в эту группу. Я с удовольствием бы пошёл, но нет денег, а поэтому скромно отказываюсь

14 июня 1947 года

Беззаботное время идёт. Но я стал более предусмотрителен, чем в прошлом году. Я уже успел за эти дни написать сочинение в 13 листов «Чехов – мастер новеллы». Прочитал несколько книг. Начал читать Маркса. Словом, начало неплохое.

13 августа 1947 года

Уже давно меня занимают мысли о моём будущем. Сколько радужных надежд, различных мечтаний ни побывало в моей голове! Но всегда они рушились при реальном обдумывании всего. Конечно, я после 10-го класса хочу пойти в университет. Но... на чём я буду существовать? Ждать помощи от родителей? Нет, конечно. Да и при том ведь не мне одному: на таких же правах будет и Лёва. Приходится заключить, что жить придется только на стипендии. А что значат в это время 200–250 рублей? В хорошее время это было бы богатство. Но а теперь... Но я думаю, что

вытерплю на зло всему. 200 р.? – пусть будет так! Но учиться буду! Буду! На одном хлебе и чае, но не оставлю учёныя... Долгое время у меня было безнадежное состояние. Всё казалось плохо, учёба казалась невозможной. Но вот сегодня я прочитал книгу Эрнста Сетона-Томпсона «Моя жизнь» – и всё стало по-другому. Бодрые мысли, наполняющие эти книги, наполнили и меня. Теперь я уверен, что нельзя только терять присутствие духа – а остальное можно добыть. И это меня успокоило. Теперь я иначе буду смотреть на жизнь во время моего студенчества.

19 августа 1947 года

Дни текут однообразно... Одно удовольствие – книги. Благо – я не чувствую недостатка в них. Только они утешают меня. Как хорошо с ними! Что за прелесть читать хорошую книгу! Они уносят в другой мир. В это время забываешь об окружающей тебя обстановке...

27 декабря 1947 года

Подходит Новый год... Сейчас читаю книгу Панферова «Борьба за мир». Мне она очень нравится своими мыслями. Люди в ней какие-то знакомые, похожие на большинство окружающих. И как-то радостно читать такую книгу.

1 января 1948 года

Сегодня кончил роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». Как он потряс меня своей драматичностью! Как захотелось мне быть честным! Но как поступаю я? Сознаюсь, что многое я делаю неверно, несправедливо. Часто поступки прошлого меня очень тяготят, мне приходится краснеть за себя. Отныне я решил, что никогда не огорчу никого какой-нибудь несправедливостью... Может быть, это только слова? Не знаю. Но мне не хотелось бы, чтобы это было так. Буду стараться...

10 января 1948 года

Вот и каникулы прошли... Очень хочется в школу, окунуться в тот замечательный мир! За каникулы... почти ничем серьёзным не занимался, даже немецким языком. Читал, спал. Но об этом не жалею. Это мне на пользу, зато с завтрашнего дня я дам полную нагрузку моей голове. Пусть хоть треснет. Дело в том, что мне и трём другим из нашего класса пророчат золотую медаль. Но если сдать без боя и не бороться, то это будет огромным позором для меня. Мне нужно получить медаль. Иначе мне будет стыдно... Я решаюсь сразу взяться и поставить цель – получить медаль.

15 марта 1948 года

Начал готовиться к экзаменам серьёзно, как следует. Уплотнил свой день и стал заниматься. Всё идет хорошо. Часто в классе идут у нас споры по всевозможным вопросам жизни, о наших поступках, и выясняется, что мы ещё очень мало, слишком мало знаем жизнь. Уже сейчас фантазируем о том, как закончим 10 класс и уедем. Такими хорошими и счастливыми кажутся нам эти дни... Ехать уже решил: в Москву. И если только с медалью, то обязательно в Московский государственный университет им. Ломоносова. Как бы это было хорошо! Как замечательно! Нужно постараться в отношении медали.

26 марта 1948 года

А всё-таки я, наверное, буду учителем. Как это ни странно, а это так. Меня просто зно берёт, что наши учителя таковы, что слишком много нужно сделать, чтобы всё в школах было более-менее в порядке. Сколько работы в школах! Непочатый край! Но до чего хорошо было бы, чтобы я не был таким учителем, как в нашей школе. А таким я не должен быть и не буду.

31 марта 1948 года

Наш город Комсомольск занял 1 место в крае на спортивных соревнованиях в Хабаровске. Н. Хлынов привёз мне оттуда 2-й том «Хождения по мукам» на немецком языке. Сама по себе книга хорошая: по оформлению и по качеству. Пробовал читать: сравнительно легко читается. Я не ожидал этого.

26 апреля 1948 года

Итак, я буду педагогом. В этом я убедился и твёрдо поставил себе цель: быть педагогом в нашей 8-й школе... Но что удивительно, это то, что никто и не думает жить здесь, в Комсомольске. Все только и ждут времени, чтобы смыться из этого города... Я решил ехать учиться в Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина...

24 мая 1948 года

Литературу сдали! Весь класс выдержал... Как будто мне наклёвывается «5» за сочинение... Сегодня отвечали устно литературу. Выдержали все... Учителя радуются изумительно.

31 мая 1948 года

Всё идёт хорошо. Четыре экзамена уже кончили, осталось 7, а затем будет 6, 5, 4... и, наконец, ни одного! И вот я отвечу самым последним и скажу – конец!

5 июня 1948 года

Читаю книгу Н. Пинегина «Георгий Седов». Хорошая вещь. Не знаю, как с литературной точки зрения, а по содержанию хорошая книга. Недавно кончил читать Андроникова «Загадка Н. Ф. И.» и «Портрет». Писатель Андроников – биограф Лермонтова. Поэтому и в этих рассказах повествуется о поисках и работе его в этом отношении. Прочёл «Над арабскими рукописями» акад. Крачковского. В этой небольшой книжке рассказывается о тех поисках, которые пришлось произвести Крачковскому, работая над арабской литературой. Не понравилась повесть Авдеева «Гурты на дорогах». Особенного ничего в ней нет. Не скажу точно что, но что-то в ней фальшиво, надуманно. Это чувствуется и как-то невольно угадывается.

23 июня 1948 года

Где-то я буду через месяц? Интересно знать. Думаю ехать в Москву. Плохо только то, что неизвестно в отношении медали, будет она или нет...

1 июля 1948 года

Хорошо прошли эти дни. Очень хорошо! Лучше я никогда не ожидал. Вчера в школе был вечер. Прошёл замечательно... нам – четверым медалистам аттестатов ещё не выдали. Выдали, правда, некоторые подарки. Мне – отрез шёлка на рубашку.

12 июля 1948 года

Сутки в пути. Следую на Томск... Еду прямо до ст. Тайга, оттуда отправляюсь уже на Томск... Пишу во время хода поезда. Неудобно. Настроение хорошее, но скучно очень. Ведь ещё ехать 5 суток. Что будет со мной в такой скуке...

19 июля 1948 года

Наконец я добрался до места. Это было вчера. С вокзала г. Томска уехал на возчике...Сегодня утром отправился на почту, выслал домой телеграмму. Затем был в университете. В общежитие перейду сегодня.

20 июля 1948 года

Живу помаленьку. Изучаю город... Был в библиотеке университета. Настроение хорошее, но не вполне. Оно будет вполне хорошее, если в пятницу буду принят. Тогда всё будет хорошо.

25 июля 1948 года

Я уже студент университета. Наконец-то исполнилось мое желание! Вчера узнал, что меня зачислили. Теперь остаётся только прожить здесь месяц, и я начну занятия в университете. За эту неделю побывал в музее, записался в библиотеку имени Пушкина.

Владимир Иванович Матющенко. Фото 16 декабря 1949 г.

Публикация О. В. Шевченко

ПРОСПЕКТ КУЛЬТУРЫ

Во все времена люди, чья творческая деятельность была связана с высокой культурой и искусством, являлись духовными просветителями и носителями нравственных ценностей. Многие талантливые литераторы, художники и музыканты прославили отечественную культуру своими творениями. В публикациях рубрики **«Прспект культуры»** мы продолжаем вспоминать имена выдающихся деятелей, чья судьба была связана с Омском. Обращает на себя внимание тот факт, что герои рубрики в большинстве своём являлись педагогами или наставниками.

Из статьи **Владимира Панасенкова «Пётр Ершов – поэт и педагог»** читатели узнают о том, что автор знаменитой сказки «Конёк-Горбунок» Пётр Павлович Ершов, работая учителем, а затем директором Тобольской гимназии, вёл большую просветительскую работу в родной ему Тобольской губернии. Читателям будет интересно узнать как с годами менялось художественное оформление изданий любимого всеми «Конька-Горбунка», как изображали главного героя сказки художники-иллюстраторы.

В статье **Светланы Веретенниковой «Поэт Никто: подняться над плесенью действительности»** раскрывается многогранный талант нашего земляка, поэта и переводчика, критика, учёного-филолога и педагога, одного из основателей русского поэтического модернизма Иннокентия Фёдоровича Анненского.

Для многих омичей стал настоящим открытием вышедший на экраны в 2023 году художественный фильм о судьбе Анненского «Поэт Никто», съёмки которого прошли в Омске, Большеречье, Петербурге и Москве. Название фильма и статьи обусловлено тем, что первый сборник стихотворений поэта «Тихие песни» выпущен под псевдонимом «Ник. Т-о». Обзор книжной выставки «Последний из Царскосельских лебедей. Книжный мир Иннокентия Анненского» Л. Пономарёвой даёт представление о широте литературной и просветительской деятельности поэта.

Статья **Елены Киричук «Франц Петрович Шиллер: удивительная судьба учителя, учёного, творца»** о докторе филологических наук, авторе шестнадцати научных монографий и трёхтомного учебника по истории западноевропейской литературы Франце Петровиче Шиллере посвящена выдающемуся учёному, волею судьбы оказавшемуся на омской земле. Здесь, в сельской школе села Краснаярка, он работал учителем. Как повезло тем, кто имел счастье учиться у такого именитого педагога!

Благодаря статьям **Александра Тихонова «Эпоха Таёжных зорь»** и **Елены Катковой «Художники Омской Пушкинки»** читатели узнают имена поэтов, писателей, художников и краеведов, чьи имена запечатлены в творческих работах: стихах, картинах, журнальных публикациях. Многие факты из их биографии публикуются впервые.

ПЁТР ЕРШОВ — ПОЭТ И ПЕДАГОГ

Владимир Панасенков

В 2024 году исполнится 190 лет с тех пор, как увидел свет шедевр русской детской литературы – сказка «Конёк-Горбунок». Её автор Пётр Ершов уже в студенческие годы был принят в круг петербургских писателей, которые по достоинству оценили его талант. Если литературная деятельность Ершова хорошо известна, то его педагогическая практика и попытка реформирования школьного образования мало знакомы читателям. В Год педагога и наставника, приоткроем малоизвестные страницы его биографии.

Русский поэт и педагог Пётр Павлович Ершов родился 22 февраля (6 марта) 1815 г. в деревне Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии (ныне Тюменская обл.). Он был двенадцатым ребёнком в семье провинциального чиновника Павла Алексеевича Ершова (1784–1833) и купеческой дочери Ефимии Васильевны. Рано выучившись грамоте, отец писателя Павел Ершов уже в 12 лет начал работать копиистом в Тарском уездном казначействе и к 18 годам дослужился до канцеляриста. Затем было назначение губернским секретарём в Ишим, где и родился талантливый сын Пётр. В 1819 г. отец получил должность омского земского исправника и семья с четырёхлетним будущим писателем переехала в Омск. Ершovy сначала жили в крепости, а затем переехали в собственный дом в Кадышевском форштадте. Затем было назначение в Берёзов. Подрастая, талантливый мальчик с интересом вслушивался в рассказы сибирских казаков, народный юмор, песни, сказки и легенды.

М. С. Знаменский. Портрет
П. П. Ершова (1862 г.)

В 1824 г. Петра и его брата Николая отец отправил учиться в тобольскую гимназию под присмотром дяди по материнской линии купца Николая Пиленкова. В те годы директором гимназии был Иван Менделеев, отец известного химика Дмитрия Менделеева, за последнего Пётр Ершов впоследствии выдал замуж свою падчерицу. Учась в гимназии, Пётр начал собирать русские сказки, пословицы и поговорки. Гимназист играл на флейте и, вероятно, на этой почве был знаком с отбывающим ссылку в Тобольске композитором и автором известных романсов Александром Алябьевым. В 1830 г. титулярный советник Павел Ершов с семьёй переехал в Петербург, где сыновья Пётр и Николай продолжили учебу в университете [1].

Пётр жил в скромном деревянном домике на Песках (окраина Петербурга), где его часто навещали писатели, музыканты и художники. Его университетский товарищ литератор Андрей Константинович Ярославцев в своём романе «Любовь музыканта» (1842) вывел молодого Петра Ершова под прозрачным псевдонимом Платон Павлович Е. Впоследствии он же выпустил книгу о Ершове «Пётр Павлович Ершов, автор сказки "Конёк-Горбунок". Биографические воспоминания университетского товарища его А. К. Ярославцева» [2].

Будучи студентом Санкт-Петербургского университета, Ершов в качестве курсовой работы представил первую часть стихотворной сказки «Конёк-Горбунок», в которой нашли отражение детские впечатления и народные сказочные сюжеты («Жар-птица», «Сивка-Бурка», «Иван-дурак»). Работу оценили высоко, и в октябре 1834 г. «Конёк-Горбунок» вышел отдельным изданием. Прочитав сказку, А. С. Пушкин сказал Ершову: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Возможно, это и породило легенду о том, что Александр Сергеевич является автором «Конька-Горбунка». Однако переиздавать поэму запретили, так как цензоры узрели в сказке неуважительное отношение к царской власти. Её переиздали только в 1856 г. после смены царя и то с цензурскими правками.

Сказка о Коньке-Горбунке бытовала и как народное произведение, вызывая множество подражаний и подделок. Так, с конца 1860 года и до начала XX века в Российской империи вышло более 60 изданий, написанных на основе сказки Петра Ершова.

Первое издание
«Конька-Горбунка»
(Омский музей
им. Ф.М. Достоевского)

Учёный и поэт Пётр Драверт об омском издании «Конька-Горбунка»

В Советском Союзе сказка о царе-самодуре и находчивом Иване переиздавалась более 200 раз! В 1941 г. легендарное произведение экранизировали, а затем выпустили два мультипликационных фильма и несколько диафильмов. В 1935 г. сказку тиражом в 20 000 экз. отпечатало Омское областное издательство. На новую книгу обратила внимание газета «Омская правда». В статье «П. Ершов. "Конёк-Горбунок"» от 3 июля 1935 года, скрывшийся за инициалами «П. Д.» автор отметил, что Александр Сергеевич читал «Конька-Горбунка» в рукописи, внёс много редакторских исправлений и, по некоторым свидетельствам, написал начальное четверостишие:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.

Кроме краткой биографии сказочника и истории создания «Конька», автор подверг критике омское издание, а заодно и издательство, которое взяло для перепечатки не первую авторскую публикацию, а более позднюю с редакторскими корректурами, вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в 1933 году. В частности, «П. Д.» отметил:

«В третьей части Месяц Месячович говорит Иванушке о страшном чуде «Чудо-юдо рыбе-ките»:

Если даст он им свободу,
То сниму с него невзгуду.

В рецензируемом издании эти строки удвоились и резко изменились в содержании:

Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгоду.
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит.

Далее автор статьи констатирует: «Подобных примеров смягчения, смазывания социальных намёков в «Коньке-Горбунке» издания Омгиза, замены целых стихотворений и отдельных слов в сравнении с первоначальным текстом — большое количество. Причём все эти изменения обедняют сказку, снижают её общий бодрый тон».

Отметил рецензент и иллюстрации к сказке, выполненные омским графиком и живописцем Евгением Александровичем Крутиковым (1901–1937): «Иллюстрации в книге выглядят опрятно, технически выполнены хорошо. Но на всех десяти литографических и штриховых рисунках Крутикова – Иванушка один и тот же: с разинутым ртом, ничего не понимающий, но, никак не сказочный герой. Текст сказки всё время воспитывает у читателя большую симпатию к Иванушке Петровичу, а художник Крутиков своими рисунками, по существу, – высмеивает его. Это снижает социальную значимость рисунков».

Крутиков Е.А. Главный герой сказки Иван (издание 1935 г.)

Крутиков Е.А. Главный герой сказки Иван (издание 1935 г.)

Следует заметить, что в издании было указано: «Текст печатается с издания ОГИЗ, "Молодая гвардия", Ленинград – Москва 1933 г., в который внесён ряд изменений из петроградского издания 1917 г.». Кроме того, в выходных данных сообщалось о согласовании сказки «для детей младшего и среднего возраста» с цензорами (Обллит № 104, от 22.04.1935).

Судя по глубине проведённого анализа, автор-рецензент «П. Д.» хорошо разбирался в литературе. За этим псевдонимом скрывался известный учёный, исследователь Сибири, автор пяти сборников стихов, профессор Пётр Людовикович Драверт (1879–1945) [3]. Следующие переиздания сказки Омским книжным издательством состоялись в 1959 и в 1985 гг., но уже с иллюстрациями народного художника РСФСР Кондратия Петровича Белова (1900–1988).

Следует заметить, что Иван-дурак в представлении выпускника омского Худпрома

Крутиков Е.А. Главный герой сказки Иван (издание 1935 г.)

работал инспектором, а с 1857 г. – директором гимназии и директором училищ Тобольской губернии. То есть более четверти века своей жизни выдающийся сказочник отдал делу образования и, по отзывам современников, не был просто учителем, в педагогической работе оставался творческим человеком.

Среди учеников Ершова был будущий знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев, который всегда тепло вспоминал об уроках Ершова. Как писал литератор и краевед Виктор Утков (1912–1988), «Ершов стремился улучшать методы преподавания, по мере своих сил боролся с отжившей схоластической системой образования, господствовавшей в училищах того времени, старался расширить круг знаний, проходивших в гимназии, приблизить его к жизни, сделать его возможно полезным для учеников».

Как раз в этот период четырёхклассную гимназию реорганизовали в семиклассную с соответствующим расширением программ. Новый устав предоставлял учителям право участвовать в разработке методов преподавания и совершенствовании программ. Занимаясь с гимназистами, Ершов коренным образом изменил

Крутикова выглядит действительно придурковато. По сравнению с ним, главный сказочный герой работы Кондратия Белова изображён гораздо симпатичнее. А по мысли художника Владимира Милашевского, Иван выглядит, как русский богатырь! Акварели художника украшают «Конька-Горбунка», изданного в Новосибирске в 1989 г. На одном из последних изданий (2019 г.) в серии «Школьная библиотека» художник Геннадий Валентинович Соколов представил Ивана весёлым мальчишкой.

После «Конька-Горбунка» Ершову прочили блистательное будущее, ведь его хвалил сам Пушкин, и в друзьях у него были именитые писатели, издатели и учёные. Но в 1836 г. литератору пришлось уехать из столицы в Тобольск, так как ушли из жизни его отец и брат Николай — талантливый математик. Кроме того, больная мать нуждалась в уходе. Сначала Пётр получил должность преподавателя латинского языка в Тобольской гимназии, но вскоре начал читать логику и русскую словесность в старших гимназических классах. Затем Ершов

Белов К. П. Главный герой сказки Иван (издание 1985 г.)

Белов К. П. Главный герой сказки Иван и царь (издание 1985 г.)

Качурин не поддержал нововведения Ершова, ему даже было запрещено преподавать по университетским запискам. В 1844 г. Ершов посылал свой «Курс словесности» (три тетради записок о новом методе и программе преподавания литературы в гимназии) в Министерство народного образования. В результате трёхлетнего рассмотрения курс был отвергнут, вероятно по причине того, что был «утрачен в канцеляриях департамента министерства» [4].

В 1857 г., после смерти директора гимназии, на эту должность назначили Ершова. Но назначение пришло слишком поздно. Расстроенное здоровье не позволило внедрить задуманное. Ему удалось ввести в курс гимназии изучение естественной науки и поднять на должный уровень учебную часть женской школы в Тобольске. В 1862 г. Пётр Павлович вышел в отставку.

Живя в Тобольске, писатель пытался вернуться в большую литературу. Его баллада «Сибирский казак» (1834), написанная ещё в Петербурге, переработанная и положенная на музыку, в 1840-х годах стала строевой песней 2-го Сибирского Казачьего полка. Сегодня она входит в репертуар российской певицы Надежды Бабкиной. Но, по большому счёту, успеха «Конька-

методы преподавания и стал читать свои предметы по университетским запискам, что выходило далеко за пределы гимназической программы. Своим ученикам он рассказывал о встречах с Пушкиным, Плетнёвым, Жуковским и Бенедиктовым. Уже через год Ершов написал свою программу словесности, которая, в общем, была одобрена гимназическим советом. Но для её внедрения библиотека должна была закупить полные собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Жуковского, Карамзина, Дельвига и других русских писателей.

В его «Мыслях о гимназическом курсе» (сохранились только в виде отрывков) отмечено, что «образование должно иметь целью пользу... и развитие духовных и физических сил юноши к общественному служению». По сравнению с существовавшей в то время системой преподавания, его методика являлась прогрессивной и предвосхищала собой идею реальных училищ, которые были открыты лишь в 1864 г. Однако директор гимназии

Милашевский В. А. Главный герой сказки Иван (издание 1989 г.)

Горбунка» не смогло достичь ни одно из написанных Ершовым произведений. Спустя два десятилетия после издания сказки, в письме друзьям от 14 июня 1856 г. Ершов писал: «Конёк мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливый ему путь! Заслушав, тому уже 22 года, похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнёв, и проскакав в это время во всю долготу и широту русской земли, он очень мало думает о нападках господствующей школы и тешит люд честной, старых и малых, сидней и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе, т. е. до скончания века».

В последние годы жизни Ершов сдружился с художником Михаилом Степановичем Знаменским (1833–1892), сыном священника С. Я. Знаменского, в 1853–1868 гг. служившего настоятелем Омского Воскресенского собора. Михаил Знаменский в 1854–1863 гг. работал учителем рисования в Тобольской семинарии и в 1862 г. создал портрет писателя. Кроме того, до нас дошли два его рисунка (1888), запечатлевших вид острога в Омской крепости и группу каторжан у Тобольских ворот.

Пётр Ершов скончался 18 августа 1869 г. в возрасте 54 лет в Тобольске от водянки (заболевание сердца) и был похоронен на Завальном кладбище. На могильном камне выбита надпись: «Пётр Павлович Ершов, автор народной сказки “Конёк-Горбунок”». В Омском государственном литературном музее им. Ф. М. Достоевского хранятся «Тобольские тетради» – рукописное собрание стихотворных произведений Петра Ершова.

Имя писателя не забыто. Памятники Петру Павловичу Ершову установлены в Тобольске, Ишиме, Нефтеюганске и Тюмени. В 1960 г. его родное село Безруково было переименовано в Ершово. В Тобольске его имя присвоено драматическому театру, детской библиотеке, скверу и улице. А в Новосибирске выведен сорт чеснока «Память Ершова». В Омске имя великого сказочника с 1962 г. носят неприметная улица (бывшая 33-Амурская) и проезд.

В октябре 2022 года на сцене Омского музыкального театра состоялась премьера балета «Конёк-Горбунок» композитора Тихона Хренникова.

КОНЁК-ГОРБУНОК

Художник
Теннакий Соколов

Соколов Г. В. (издание 2019 г.)

Основные источники

1. Литература: memoria – XVIII – XXI вв.: антология / ред.-сост. Ю. П. Перминов. – Омск, Региональный общественный фонд «Духовное наследие», 2019. – С. 36–38.
2. Утков В. Живое и минувшее // Альманах библиофила. – Вып. 19. – Москва, Книга, 1985. – С. 209, 212.
3. Бродский И. Е. Омский псевдоним в лицах / И. Е. Бродский. – Омск, Амфора, 2023. – С. 19.
4. Утков В. П. Ершов – учитель Тобольской гимназии // Омская область. – 1940. – № 1. – С. 62–64.

Ларец Петра Ершова после реставрации (фото В.К. Шель)

ПОЭТ НИКТО: ПОДНЯТЬСЯ НАД ПЛЕСЕНЬЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Светлана Веретенникова

В 2023 году журналист, многократный победитель всероссийских и областных журналистских конкурсов Светлана Веретенникова представила вниманию омских зрителей документально-игровой фильм «Поэт Никто». Фильм снят творческой командой 12 канала. Главный герой – наш земляк, поэт, драматург, переводчик, педагог Иннокентий Анненский. Он родился в Омске 1 сентября 1855 года в семье начальника отделения Главного управления Западной Сибири.

Фильм «Поэт Никто» – это «невыдуманная драма человека, оказавшегося вне времени, рождённого в XIX веке и не вписавшегося в век XX». Выбор названия сделан неслучайно, «Ник. Т-о» – таков литературный псевдоним, который использовал в своих работах Иннокентий Анненский.

О незаурядном таланте этого человека, его удивительной судьбе и времени, когда жил и творил известный поэт, переводчик и педагог Иннокентий Анненский рассказывает создатель фильма Светлана Веретенникова.

«Чужачество или самонадеянность?» – к идее создания художественного фильма об одном из самых загадочных русских поэтов, чьё имя без запинки произносят лишь единицы, можно относиться по-разному. Затея изначально задавала высокую эстетическую планку, не обещая высоких рейтингов. Так или иначе, омская кинолента «Поэт Никто», которую в мае 2023 года при поддержке Президентского фонда культурных инициатив выпустил 12 КАНАЛ (АО «Омские Медиа»), – это результат жгучего желания приблизиться к святыням в алтаре национальной культуры, почувствовать за их незыблемым авторитетом поэтическое и просто человеческое тепло. Главный герой картины даёт такую возможность, связав своей деятельностью Золотой Век с Серебряным, а русскую литературу с европейской классикой. Об этих пространственно-временных мостах, которые Иннокентий Анненский помог увидеть при работе над фильмом, и хочется сказать отдельно в этой статье, своего рода послесловии к «Поэту Никто».

Идеал в слове и живописи

В середине XIX столетия в Омске родились два человека, которым суждено было определить Серебряный век, очередной виток в ренессансе русской культуры. Обоих младенцев крестил в Воскресенском военном соборе протоиерей Стефан Заманский. Они появились на свет с разницей в год, с разницей в год и покинули этот мир: Михаил Врубель и Иннокентий Анненский... Один ушёл невероятно знаменитым, другой – поразительно недооцененным. Незнакомые друг с другом лично, они навсегда встали рядом в сознании людей, впустивших в себя их творчество, – художники, близкие по духу и месту рождения.

Известный факт, с которого начинается история безумия Михаила Врубеля, – в 1902 году на выставку объединения «Мир искусства» в Москве привезли «Демона поверженного». Каждый день в экспозиционный зал приходил автор картины и вносил правки в изображение. Мастер был раздавлен ощущением недостижимости идеала.

*«Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но увьи! Не красота...
Шолько муки идеала,»* –*

Чуть позже, в 1904 году, данный эпиграф открыл стихотворный сборник «Тихие песни», изданный под странным псевдонимом «Ник. Т-о». Читатель того времени книгу обошёл вниманием, однако скромное издание попало в руки 23-летнего Александра Блока. Уже признанный молодой поэт написал небольшую рецензию, где отпустил несколько сдержанных комплиментов «юной музе Ник. Т-о»: «Чувствуется человеческая душа, убитая непосильной тоской, дикая, одинокая и скрытая».

Через несколько лет представление о личности автора «Тихих песен» обернулось реальностью, в которую петербургской литературной богеме было сложно поверить: вместо хрупкой фигуры юного декадента перед ними предстал солидный чиновник Министерства просвещения, бывший директор Николаевской Царско-сельской гимназии и переводчик Еврипида. Иннокентию Фёдоровичу Анненскому было уже более 50 лет, когда его, кабинетного учёного, всю жизнь писавшего стихи в стол, по рекомендации Николая Гумилёва пригласили помочь в создании нового художественного журнала «Аполлон». Меньше года оставалось до скоропостижной смерти поэта на ступеньках Царскосельского вокзала.

Тайна творчества

При чрезвычайной плотности творческих переживаний стихотворное наследие Анненского вызывает недоумение – за всю жизнь две небольшие книжки: «Тихие песни», о которых написано выше, и «Кипарисовый ларец», изданный посмертно.

Воспоминания современников дают основание полагать, что поэтические строки появлялись и ранее, но старший брат Николай, имевший на нашего героя огромное влияние, любил повторять: «До 30 лет и вовсе не стоит публиковаться». После памятника, воздвигнутого Пушкиным, нужно было иметь определённую дерзость, чтобы называть себя поэтом. Дерзости в Анненском не было ни грамма. Кроме того, известно, что родные весьма иронично восприняли Кенечкин перевод романтической французской поэмы «Магали» 1879 года.

Но неужели события отрочества и юности могли заставить человека на долгие годы задушить в себе поэта? Мог ли Анненский все свои стихи написать в такой сжатый срок – несколько последних лет жизни? В этих вопросах хотела разобраться Анна Ахматова. До самой смерти она постоянно возвращалась к тайне человека, которого «учителем считала». Анна Андреевна обвиняла Валентина Кривича (Анненского), сына поэта, в роковой недалёковидности: при публикации стихов Иннокентия Фёдоровича он отказался от датировки. Известно, что многие произведения существовали в нескольких вариантах с многочисленными правками, между корректировками могли пройти годы раздумий:

*Я завожусь на тридцать лет,
Чтоб жить, мучительно дробя
Лучи от призрачных планет
На "да" и "нет", на "ах!" и "бя"...*

Почему для Ахматовой было так важно проследить поэтический путь своего литературного кумира? Слишком многое, порою даже взаимоисключающее, Анненский предвосхитил: в его стихах и Мандельштам, и Пастернак, и Маяковский, и Хлебников. Наш царскосельский затворник шёл несколькими путями сразу, был акмеистом до акмеизма и в чём-то футуристом до футуризма.

Наверняка, ахматовская мысль об Анненском всякий раз наткнулась на идею поэта-пророка. В этой точке сталкиваются самые важные для нас фигуры: Анненский, Достоевский, Врубель и, конечно, Пушкин.

Идея пророчества

Образ поэта-пророка, живо представленный Пушкиным, Серебряный век с его тягой к мистике и фатализму сделал своей главной духовной доминантой. Самопожертвование в искусстве воспринималось как одна из форм святости.

В 1906 году в журнале «Золотое руно» появился этюд головы к картине «Видение пророка Иезекииля». В рисунке легко улавливались автопортретные черты Врубеля, уже одержимого мыслью о раскаянии за напрасно, как ему казалось, потраченный дар. В это же время Анненский издал первую «Книгу отражений», где представил десять критических очерков о Гоголе, Тургеневе, Чехове, Горьком, Бальмонте, Достоевском... Автор не скрывал: его интересовали прежде всего «творцы, хозяева фантазий».

К данному периоду относится и речь Анненского о Достоевском: «...не проповедник и не учитель, всего менее в нём уж, конечно, мессианизма. Это скорее сновидец и мученик, это эпилептик, до которого действительность доходит лишь болезненно-острыми уколами». В своём выступлении директор Царскосельской гимназии описал две теории творчества: эллинскую, где поэт является активной фигурой, посредником между богом и людьми, и библейскую, где пророк – сосуд, через который к людям расходятся их же, только просветлённые и обострённые страдания и сомнения.

К первому типу относится Пушкин, ко второму – Толстой, Гоголь и Достоевский. Жестокий гений Фёдора Михайловича от самой колыбели сопровождал автора «Кипарисового ларца». Семья Анненских жила в Омске как раз в то время, когда писатель отбывал здесь каторгу.

Гений места

Для потомков Иннокентия Анненского день его рождения совпал с Днём знаний — ещё одно стечение обстоятельств, которым отмечена судьба этого человека, умеющего учиться и учить, принимать и отдавать. Анненский чувствовал себя наследником (отражением) уже осмысленного и выстраданного в искусстве. Пушкин, как и Достоевский, был важной частью его мира.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва) среди документов фонда Иннокентия Анненского привлекает внимание огромная книга с выписками из произведений А. С. Пушкина — глубокий творческий анализ продолжался в течение многих лет. Памятник Пушкину-лицейцу в Царском

Селе — ещё одно важное свидетельство этой привязанности. Именно Иннокентий Анненский стал инициатором установки монумента в 1899 году. И здесь вновь не избежать размышлений о предопределённости в линии жизни Поэта Никто, «последнего из царскосельских лебедей» (по определению Николая Гумилёва). Отец Фёдор Николаевич и дядя Николай Николаевич окончили Царскосельский Лицей, причем Фёдор Николаевич вероятно встречался с Пушкиным в 1831 году, когда тот вместе с молодой женой проводил лето и осень в доме Китаевой.

На учительском поприще Анненский во многом пытался продолжать дело пушкинских преподавателей: «письменные упражнения должны быть прежде всего упражнением», «надо давать детям как можно меньше возможностей писать неправильно», «важно строго разграничить эмоцию эстетическую от чувства религиозного и национального», «главное — развивать ум, остальное — балласт», «умение говорить на иностранном языке помогает сознательному отношению к строю речи», «языковое чутьё важнее грамматики»... В педагогических письмах всё то же свойственное Анненскому стремление к недостижимому идеалу — он пишет об «эстетическом» и, главное, «гуманном» образовании. Этой мечте он будет верен даже в разгар студенческих и гимназических волнений 1905 года, за что лишится места директора.

Невозможно

«Я видел днем розу, уже полную тяжелых слез, но еще махровую и обещающую... Но едва я коснулся до ее ветки, как вместе со слезами посыпались и лепестки... Так и с моей невысказанной поэзией, с моими все еще золотыми снами — Альма Тадема не соберет их росистых лепестков на мраморе своего полотна — их завтра выметет эбермановский дворник», — этот фрагмент вырван из письма Иннокентия Анненского, адресованного родственнице и одной из его confidantes Анне Бородиной. «Невозможно», «тоска», «мучительный», «сердечный» — слова, которые по частоте и силе воздействия преобладают в поэзии Анненского. Искусство изматывало на-

шего героя, с одной стороны, с другой, – было главным стержнем и смыслом его жизни. Изучение двухтомника с личной перепиской – погружение в мир грёз, прежде всего творческих. Вместе с новостью о смерти Чехова на Анненского накатили мысли, являвшиеся «в ритмах и богатейших рифмах», – эти впечатления оформились в «Бессонницу», стихотворение в прозе. Цитата из Достоевского, которая однажды проскользнула в послании другой Прекрасной Даме Екатерине Мухиной, позже стала ярким акцентом в критической статье о малоизвестной повести «Господин Прохарчин»: «Целые часы проходили дремотные, ленивые, сонливые, скучные, словно вода, стекавшая звучно и мерно в кухне с залавка в лохань...». Конечно, Анненский и себя видел человеком в футляре, чья поэтическая душа не могла вырваться наружу, отягощённая бытовыми и служебными обязательствами (чиновничье жалованье было единственным источником дохода для большой семьи):

*Шам всё, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звёздами,
Прорвётся, как дерзостный смех...*

Прошение об освобождении от службы Иннокентий Анненский подал в ноябре 1909 года — документ подписали в день, когда разорвалось сердце Поэта и Учителя.

КНИЖНЫЙ МИР ПОЭТА И ПЕДАГОГА ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Лариса Пономарёва

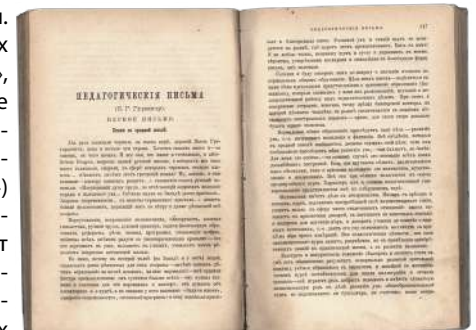

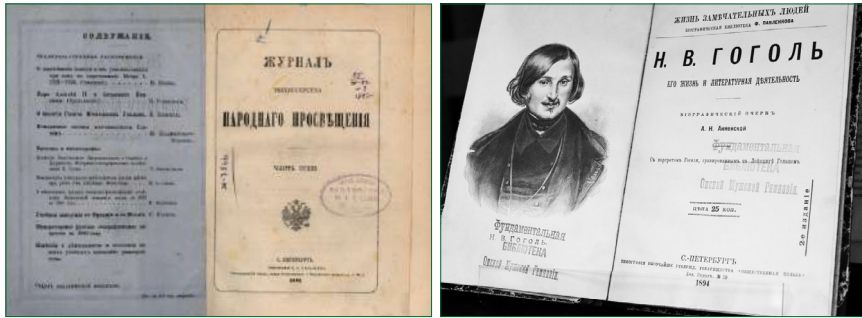
Иннокентий Фёдорович Анненский, родившийся 1 сентября 1855 г. в Омске, занимает особое место в культуре серебряного века. Один из самых образованных людей своего времени, он смог реализовать свои таланты как русский поэт, переводчик и драматург, критик и рецензент, педагог и директор Императорской Николаевской Царскосельской гимназии.

Фонд редкой книги Омской областной библиотеки позволяет представить книжный мир Анненского как явление национальной культуры. Омичи впервые имели возможность увидеть более 30-ти первых публикаций текстов И. Анненского: переводы с древнегреческого и французского, его статьи и книги, рецензии на научные и учебные издания, книги из круга его чтения (1879–1909).

Всего на выставке экспонируется свыше 100 редких и ценных экземпляров с книжными знаками омских библиотек: «Библиотека Омской классической гимназии», «Библиотека Омской женской прогимназии», «Фундаментальная библиотека Омской женской гимназии», «Библиотека Сибирского кадетского корпуса», «Библиотека Омского уездного училища», «Омская городская вторая библиотека», «Библиотека Омского Общественного Собрания», «Омская городская Пушкинская библиотека» и другие.

Омск хранит бесчисленное множество рецензий на учебники по русскому языку и словесности, которые писал Иннокентий Фёдорович Анненский для Учёного комитета Министерства Народного Просвещения (1897–1909). Деятельность Анненского как педагога во многом повлияла на качество преподавания словесности в русской классической гимназии. Его размышления в «Педагогических письмах» («Языки в средней школе», «К вопросу об эстетическом элементе в образовании», «Письменные работы и устное преподавание», «Образовательное значение родного языка») чрезвычайно актуальны для современной России, которой предстоит восстановить лучшие традиции национального гуманитарного образования. На страницах периодических

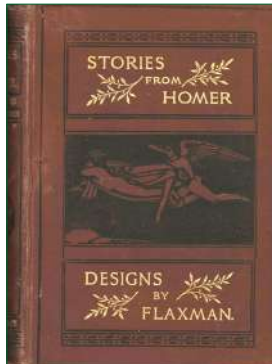

изданий – «Журнала Министерства Народного Просвещения», «Воспитание и обучение», «Русская школа» – Анненский публиковал свои статьи «Сочинения гр. А. К. Толстого как педагогический материал», «О формах фантастического у Гоголя», «Об эстетическом отношении Лермонтова к природе», «Гончаров и его Обломов» и др.

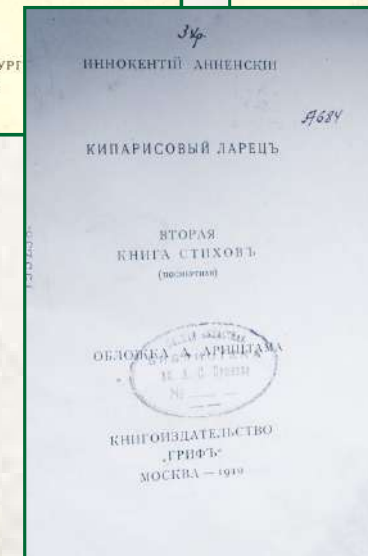
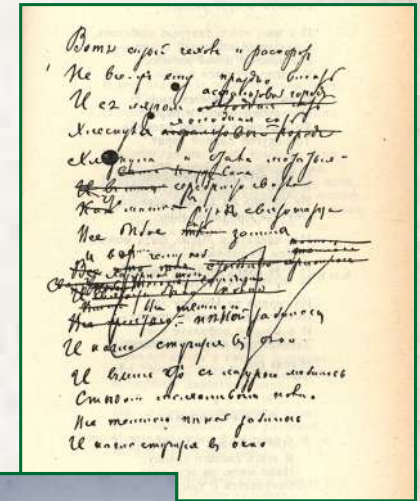
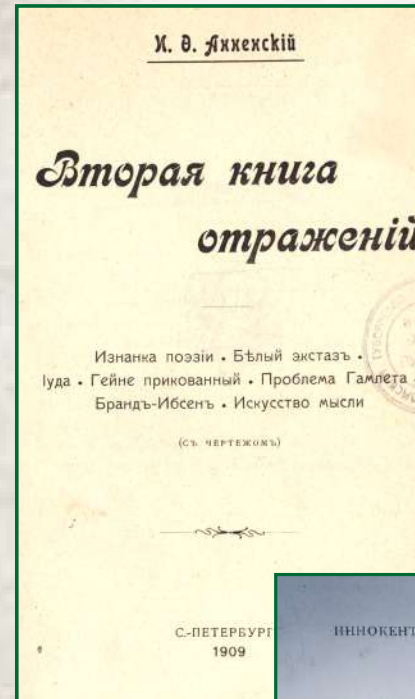
Анненский был лучшим в России знатоком и переводчиком произведений древнегреческого драматурга Еврипида (V в. до н. э.). В его богатой библиотеке литература, связанная с именем Еврипида, занимала несколько книжных шкафов. В экспозиции представлены первые публикации его переводов из Еврипида – «Рес» (1896), «Геракл» (1897), «Финикиянки» (1898), «Электра» (1899), «Орест» (1900), «Алькеста» (1901), «Ипполит» (1902), «Медея» (1903). Анненский почти каждый свой перевод сопровождал статьёй. На выставке можно было увидеть его первые публикации – «Художественная обработка мифа об Оресте, убийце матери в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида» (1900), «Поэтическая концепция «Алькесты» Еврипида» (1901), «Трагическая Медея» (1903). В Омске сохранился второй том книги «Театр Еврипида» (1917), где впервые были опубликованы переводы Анненского пьес «Гераклиды» и «Елена».

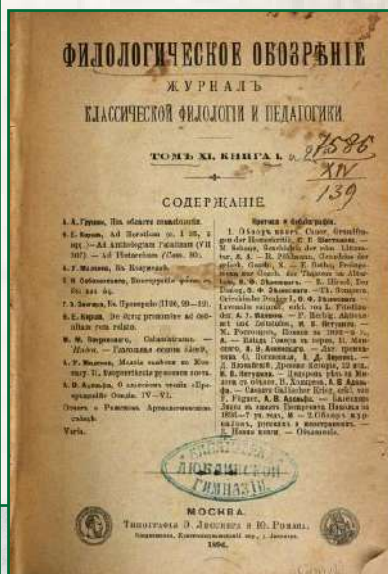
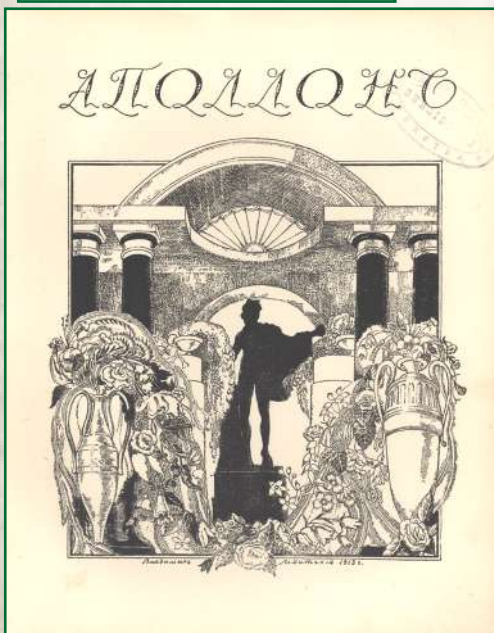
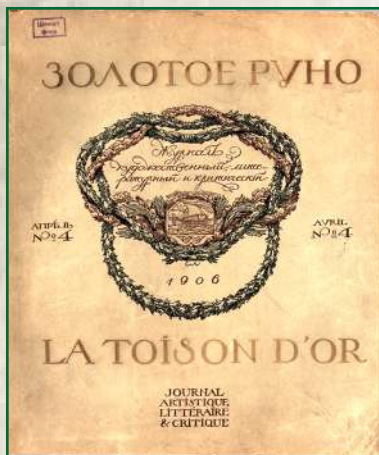
Работая над Еврипидом, И. Ф. Анненский так сжился с ним, что рискнул на воскрешение некоторых его погибших пьес, и по немногим фрагментам написал и опубликовал три самостоятельные пьесы – «Меланиппа-философ», «Царь Иксион», «Лаодамия». В фондах Пушкинки эти издания отсутствуют, но сохранилась развернутая рецензия на эти драматургические опыты поэта Анненского в редком для Западной Сибири журнале классической филологии и педагогики «Филологическое обозрение» (1901).

Поэтическое наследие И. Анненского в экспозиции представлено изданием стихов «Кипарисовый ларец» (1910) с владельческим знаком «Библиотека В.В. Григорьева» и прозаической книгой поэта «Вторая книга отражений» (1909) с книжным ярлыком «Омская Центральная Пушкинская библиотека». Первая книга стихов И. Анненского «Тихие песни» (1904) в фондах областной библиотеки отсутствует, однако сохранилась рецензия на это издание в журнале «Образование» (1904, № 4).

Экспозиция, посвящённая наследию Иннокентия Анненского, излучала «аромат» подлинных вещей серебряного века. Высокое русское книжное искусство рубежа XIX–XX вв. создавало для элитарного читателя яркие образцы единства графического стиля в иллюстрации, в орнаментике, в рисованном шрифте. Обложка книги «Кипарисовый ларец» – это произведение искусства художника А. Арнштама (1880–1969). В создании образа книги главной фигурой становился не художник-полиграфист, а художник-график. Слюбым изданием, представленным в экспозиции, можно поработать в читальном зале сектора редких книг.

олько это доступно при
 й старины, сдѣлался несомнѣн-
 мь и создателемъ лингвистиче-
 П. А—скій.

Ф. П. ШИЛЛЕР В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Елена Киричук

Франц Петрович Шиллер
 (фото из интернет-источников)

Одним из первых отечественных учёных, создающих историю зарубежной литературы для высшей школы в нашей стране, стал Франц Петрович Шиллер (29 октября 1898 – 22 июня 1955). Жизненный путь этого замечательного человека – это путь подвижника и мученика.

Биографию и научную его деятельность изучали представители немецкого землячества в России. «Научные заслуги Шиллера, имя которого долгие десятилетия практически нигде не упоминалось, сегодня уже во многом известны, в первую очередь благодаря авторам книг о нём – Вольдемару Корнеевичу Эккерт (1910–1991) и Виктору Давыдовичу Шмунку (1941–1997).

В крупнейших библиотеках сохранились книги и статьи самого автора. Гораздо меньше читатель знает о Шиллере-человеке» (1), – пишет в послесловии «Жизнь Франца Шиллера и его письма» к книге «Письма из Мёртвого дома» Виктор Дизендорф [1].

Свои научные достижения Ф. П. Шиллер отразил в книге, ставшей учебником для студентов-филологов нашей страны «История западно-европейской литературы Нового времени», которая вышла в свет в трёх томах в 1935–1937 гг. двумя изданиями. Но в 1938 г. Франц Петрович был репрессирован. Несмотря на это, его учебником продолжали пользоваться, преподавая историю зарубежной литературы. Этот удивительный факт (известно, что книги, написанные репрессированными гражданами, изымались из обращения) доказывает то, насколько важен и значителен был его труд по изучению мировой литературы.

Книга о западноевропейской литературе 1935–1937 гг. охватывает период от XVII до рубежа XIX–XX вв. Начиная с глав о французском классицизме до обзора национальных форм натуралистической школы, Ф. П. Шиллер последовательно рассмотрел все явления литературного процесса за более чем три века. В лучших традициях культурно-исторической школы представлены литературные явления в историческом, национальном и культурном аспекте, дан глубокий анализ многих художественных текстов, ставших шедеврами мировой литературы. Фундаментальные знания подлинников позволили ему на основе владения практически всеми европейскими языками представить в полном объёме обзор всех явлений лите-

ратурного процесса от классицизма до символизма и натурализма в западноевропейской литературе. Энциклопедическая осведомлённость автора книги в области философии, культуры и искусства в целом не размывается даже идеологическими характеристиками, которые Ф. П. Шиллер, согласно своим убеждениям марксиста, вносил в оценку значения этапов литературного процесса.

В первом томе учебника Шиллер предлагает студенту знакомство с Классицизмом XVII–XVIII вв., литературой эпохи Просвещения, Романтизмом и революционной литературой середины XIX века – временем двух революций: 1830 и 1848 гг.

Принцип построения глав и частей близок идеям И. Тэна, который упомянут автором в списке литературы к учебнику и напоминает книги о французской литературе Гюстава Лансона (1894) и Фердинанда Брюнетьера (1880), создававшихся в рамках культурно-исторического метода.

Шиллер в каждой главе даёт характеристику исторического этапа развития философских идей и общественной деятельности каждого автора, особенно в контексте исторических потрясений, к которым литература Нового времени достаточно часто обращается. Но идеологические убеждения марксиста не мешают ему видеть полную картину литературного процесса. Так, в главе «Французский романтизм» рядом с «рыцарем в белых одеждах», как называли современники В. Гюго, который всегда прямо высказывал свои требования социальной справедливости, мы видим страницы, посвящённые Ж. де Нервалю и Т. Готье.

Показательно также построение главы, посвящённой литературным течениям Франции рубежа XIX–XX вв. «Импрессионизм, символизм и декаданство во французской литературе» начинается с анализа состояния «fin de siècle», появления понятия декаданства. Его корни Шиллер усматривает в течениях искусства для искусства, иррационалистической философии конца века, которые связаны с распадом натуралистической школы Э. Золя и Г. де Мопассана. Шиллер достоверно, логично выстраивает научно-исследовательский материал, пишет и о К.-Ж. Гюисмансе, во второй половине 1880-х гг. явившем пример утончённого эстетства, который стал создателем «библии декаданса» – романа «Наоборот». Этот роман получает у Шиллера характеристику «психологического импрессионизма». Конечно, автор даёт идеологическую характеристику течению как продукту «вырождения буржуазии её литературы в эпоху империализма» (том 3, с. 15), но при этом передаёт яркий колорит эпохи, цитируя тексты современников, литературные манифесты, теоретические труды писателей. В начале вышеназванной главы он приводит цитату из «Дневника» братьев Гонкур: «Мы были первыми поэтами нервов, чувствительнее и восприимчивее других... Мы всегда умели обнаружить тончайшую и сокровеннейшую сущность вещей, лёгкий аромат, источаемый ими. Мы всегда были «machines à sensations». [3, т.III, с. 15] Цитаты в его тексте работают как смысловые фигуры, позволяющие читающему услышать голос художника, его поэтическое восприятие действительности.

Кроме того, каждый том сопровождается указателем литературы на языке той страны, которой она посвящена. Так, среди авторов, написавших свои научные труды о литераторах рубежа веков во Франции, перечислены Р. Гиль, С. Цвейг, Делае, Мартино, Тибодэ и другие, всего – более чем три десятка книг на французском и немецком языках. Та же картина наблюдается в отношении английской или немецкой или же любой другой европейской литературы. Шиллер выбирает литературу

ведческие работы на языке страны, о которой пишет. Причём датировки публикаций – аутентичные: от нулевых до 1920-х или 1930-х. Это говорит об огромном, действительно энциклопедическом труде над материалом учебника, ставшего основой изучения зарубежной литературы несколькими поколениями филологов.

Из его автобиографии следует, что Франц Петрович владел многими иностранными языками. Он писал: «Свободно владею и могу преподавать: английский, немецкий, латинский и французский. Свободно читаю и пользуюсь литературой на итальянском, испанском, голландском, фламандском, шведском, норвежском, датском и исландском» [2].

В Омской областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина бережно хранится первое издание учебника для высшей школы «История западно-европейской литературы Нового времени». С Омском связана так

же одна из трагических страниц жизни Ф. П. Шиллера, о которой проще рассказать его же словами: «После освобождения в 1946 г. я стал работать по вольному найму в Дальстрое [МВД], но скоро тяжело заболел [и полгода лежал в больнице] (частичное кровоизлияние в мозг и паралич правой стороны тела). После выздоровления переехал в Омскую область. Учитывая мою специальность, УМВД по Дальстрою дало мне направление в город Омск. По приезду я обратился в местный педагогический институт с [просьбой] запросом о возможности использовать меня для работы в институте. Ибо я все годы [своей] изоляции следил за периодическими и книжными новинками по своей специальности, а также за всеми постановлениями и указаниями директивных органов по идеологическим вопросам. Омский пединститут шёл мне охотно навстречу, но мне, как бывшему заключенному, УМВД [по Омской области] не дало прописки в Омске как в областном режимном городе. Я уехал с Красноярку Кагановичского района Омской области. Здесь я в течение 1947/48 учебного года преподавал немецкий язык (всего 8 час. в неделю) в 5–6 классах средней школы. Но несмотря на 100 % успеваемость по моему предмету, несмотря на хорошие результаты в воспитательно-идеологической работе с учащимися и несмотря на хорошие отзывы о [моем участии] моей общественной и методической работе в школе и Районо, Облоно снял меня с 1 сентября 1948 г. с работы» [2].

В это время заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы ОГПИ Ефим Исаакович Беленький – литературовед, литературный критик. Он окончил литературное отделение Смоленского пединститута, аспирантуру. Е. И. Беленький участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен. По окончании войны он получил назначение в Омский педагогический институт (1945–1973).

Беленький оставил обширное литературоведческое наследие, в которое вошли книги: «Горький и Сибирь» (Омск, 1956), «Заметки об афоризмах М. Горького» (Омск, 1961), «Писатели моей земли» (Новосибирск, 1967), «Повесть М. Горького “Лето”»

(Омск, 1970), «Павел Васильев» (Новосибирск, 1971), «Горьковская тетрадь» (Новосибирск, 1972), «Из Сибирской тетради: очерки и портреты» (1978), «На земле, жаждущей человека: очерки и статьи» (Омск, 1982). К моменту появления Ф. П. Шиллера на омской земле Беленький уже был знаком с его трудами. Он пытался вернуть Шиллера к преподаванию в институте, но безуспешно.

Франц Петрович не опустил руки, в Красноярске он начал заниматься подготовкой книги о Дж. Г. Н. Байроне, которая до сих пор не издана. Но этот труд осложнялся отсутствием необходимых источников. В своей биографии, написанной на имя министра просвещения СССР, профессора А. А. Вознесенского, Шиллер просит: «После моей изоляции остались [полуобработанные] ценнейшие, собранные мною десятилетиями на десятке [европейских] языков, архивные и редкие библиотечные материалы по вопросу о революционно-демократической поэзии 1830–40-х гг. в Европе. Я успел опубликовать только исследования по этому вопросу по Англии и Германии. Неопубликованными остались материалы по Франции, Чехо-Словакии, Венгрии, Румынии и Италии. Кроме того, полузаконченными остались монографии о Байроне, Теккерее и Гёте, а также большие подготовительные работы по истории литературы эпохи Возрождения. Но для того, чтобы сейчас продолжить научную работу над этими материалами, мне нужна [хоть] минимальная научно-исследовательская база хотя бы в виде [пединститутской] вузовской библиотеки со справочными, общеисторическими и политическими книгами. [Ведь] Каждый советский человек стремится [принести] служить своей Родине [больше пользы], вернее возвысить как можно больше её славу. Неужели мне нельзя дать возможности служить своей Родине наилучшим и плодотворнейшим образом там, где я в состоянии больше всего дать – в науке? Ведь мои рукописи будут во всех отношениях пересматриваться, обсуждаться, рецензироваться нашими научными учреждениями и компетентными лицами, – почему же мне не [доверять] разрешить [продолжить] работать над этими исследованиями? Если мне пока не разрешают прописки в об-

ластных режимных городах (и никто не хочет ходатайствовать о этом разрешении), то у Министерства Просвещения имеются учительские институты и в областных и нережимных сибирских городах (напр. учительские институты в Тобольске, Бийске и т.д.). В этих институтах я бы мог преподавать всеобщую литературу [или принести пользу своими богатými знаниями по иностранному языку] и иностр. языки» [2].

Это письмо А. А. Вознесенскому не было принято к сведению и не получило ответа, так как министр, к которому он обращался, вскоре также был репрессирован. Черновик письма был обнаружен В. Д. Шмунком, биографом Ф. П. Шиллера, в 1965 году в селе Красноярска Омской области, в доме Т. М. Вольгемут, где в 1947–1948 гг. жил Шиллер. Рукопись датиро-

вана по ее содержанию, хранится у вдовы Шмунка – Т. Б. Иоганзен в городе Томске.

Читая текст этого письма, мы понимаем, что учёный, его составивший, стремится продолжить работу над своими исследованиями вопреки положению, в котором он оказался. К тому времени, как Шиллер приехал в Красноярску, он уже тяжело болел, здоровье его было подорвано годами заключения в лагере. Но волновала его не болезнь, он не просил помощи в лечении, единственное его желание – работать на благо своей страны.

Значимость научного наследия и стремление к просветительской педагогической деятельности отличают путь Ф. П. Шиллера, эти качества отмечены в исследованиях, посвящённых его творчеству. Необходимо отметить, что Шиллера помнят в Поволжье, откуда он родом, как основателя немецкой литературы этого края. Он – уроженец села Мариенталь (Тонкошуровка), основанного в Заволжье под Саратовом в 1766 г. Жизнь и становление культуры и литературы поволжских немецких поселенцев интересовали его в самом начале творческого пути.

На омской земле он оказался уже на самых поздних его этапах и пребывание его было, к сожалению очень недолгим, но высокие нравственные качества Ф. П. Шиллера как человека и его научные заслуги призывают нас также хранить эту память.

В апреле 2023 года состоялась ежегодная научная конференция «XXXV Пуришевские чтения» на кафедре всемирной литературы Института филологии МПГУ. Конференция была посвящена 90-летию кафедры, приказ о создании которой был издан в 1932 году. Предлагая общую научную тематику конференции, организационный комитет предложил исследователям вспомнить имена учёных, стоявших у основания кафедры, среди которых первым было названо имя Ф. П. Шиллера.

Основные источники

1. Дизендорф В. Письма из Мёртвого дома / В. Дизендорф; сост., пер. с нем., примеч., послесл. Дизендорфа В. Ф.; Общест. акад. наук рос. немцев. – Москва, 2002. – 1009 с. – Текст: электронный. – URL: http://az.lib.ru/s/shiller_f_p/text_2002_zhizn_ranza_shillera.shtml (дата обращения: 03.03.2023).
2. Шиллер Ф. П. Автобиография. – Текст: электронный. – URL: http://az.lib.ru/s/shiller_f_p/text_1948_autobiografia.shtml (дата обращения: 03.03.2023)
3. Шиллер Ф. П. История западно-европейской литературы Нового времени / Ф. П. Шиллер. – 2-е из., Москва, 1937. – 1–3 т.

ЭПОХА «ТАЁЖНЫХ ЗОРЬ»

Александр Тихонов

Заре навстречу

Судьба города Тары неразрывно связана с литературой и писателями. В 2005 году журналист Георгий Бородянский написал для «Новой газеты» статью «Тара под андеграунд» [1]. В ней он отметил: «Поэтов в Таре и её окрестностях несколько сот. Плотность их проживания тут фантастическая!». Вслед за ним красивую историю о сотнях писателей подхватили гости города. До сих пор на литературных семинарах и творческих вечерах в различных регионах России гостившие в Таре писатели замечают, что в старинном сибирском городе число поэтов и прозаиков идёт на сотни. Кажется, писатели в таёжном городке присутствовали всегда. Начнём перечислять, но трудно остановиться...

По дороге в Илимскую ссылку и на обратном пути побывал в городе Александр Николаевич Радищев. В ссылке в Таре жил известный экономист, статистик, литератор, публицист, один из руководителей легального народничества Николай Фёдорович Анненский и его супруга, детская писательница Александра Никитична Анненская. Публицист, декабрист, товарищ Кондратия Рылеева Владимир Иванович Штейнгель прожил в городе восемь лет, прежде чем был переведён в Тобольск. Неоднократно бывал в городе один из ярких прозаиков русского зарубежья 1940-х гг, XX столетия, учёный-химик Борис Григорьевич Пантелеймонов. В годы установления советской власти на кооперативной работе здесь находился Пётр Васильевич Гинцель — омский писатель, член Союза писателей СССР, автор книги «Заре навстречу»...

Перечислять яркие имена людей, чья судьба тем или иным образом связана с Тарой, можно долго. Однако одной из ключевых вех в литературной жизни севера Омской области стоит считать появление в городе литературного объединения «Таёжные зори». В «Таёжных зорях» начинали творческий путь ныне известные по всей России поэты Михаил Иванович Сильванович и Леонид Николаевич Чашечников. При содействии участников литобъединения на страницах газеты «Ленинский путь» печатались произведения авторов «Таёжных зорь» и талантливых земляков, не являвшихся участниками литобъединения.

Александра Никитична Анненская
(фото из интернет-источников)

Владимир Штейнгель.
(фото из интернет-источников)

Очаг культуры

История газеты «Ленинский путь» (ныне «Тарское Прииртышье»), при которой возникло литературное объединение «Таёжные зори», берёт начало в 1917 году, когда в Таре увидел свет первый выпуск газеты «Известия Тарского Исполнительного общественного Комитета спокойствия и Совета рабочих и военных депутатов». В январе 1920 г., после освобождения Тары от колчаковцев, вышел в свет первый номер газеты с новым названием — «Известия». Позже газета неоднократно меняла название: «Наш путь», «Рабочий и крестьянин», «Красный Октябрь», «Советская деревня», «Ленинский путь» и, наконец, «Тарское Прииртышье». В редакции работали талантливые журналисты, некоторые из них писали стихи и художественную прозу. А потом в газету пришёл работать Дмитрий Беляев!

Об этом человеке нужно рассказать отдельно, ведь «Таёжных зорь» не было бы без его организационного таланта и умения отыскивать в людях творческий потенциал. Многим позже участники литобъединения вспоминали, что, приходя устраиваться в газету, слышали от Беляева вопрос: пишут ли они стихи или прозу.

Уроженцу села Надеждинка Большереченского (тогда Евгашинского) района выпала нелёгкая судьба. 21 июня 1941 года юноша получил диплом Тарского педагогического училища по направлению «учитель младших классов», а на следующий день началась война. В августе того же года Беляев отправился в Барнаул, поступать в миномётное военное училище, а затем его отправили на фронт. Дмитрий Денисович был награждён орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени и тремя (вдумайтесь, тремя!) орденами Отечественной войны I степени (один из которых — к юбилею Великой Отечественной войны). Позади — освобождение Европы, победа над Германией и Японией.

С молодой супругой Александрой Изосимовной в декабре 1945 года Беляев вернулся в Омскую область. Работал в тарском отделе кадров, отделе пропаганды и агитации. В 1951 году назначен исполняющим обязанности редактора газеты «Ленинский путь». Сам Дмитрий Денисович подсчитал, что журналистской работе он отдал 39 лет жизни, из которых 27 лет — в качестве редактора. В 1971 году Беляев был награждён орденом Трудового Красного Знамени, семь лет спустя получил звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», а в 1990 году ему было присвоено звание почётного гражданина города Тары.

После выхода на заслуженный отдых, он частенько навещался к коллегам, помогал советом. Ученик Беляева, журналист, краевед Вениамин Шахов пишет об этом периоде так: «Мы любили, когда Беляев появлялся в редакции при полных регалиях, увешанный орденами и медалями, при его статной гвардейской фигуре и выправке, ну что тебе маршал. Случалось это довольно часто, ибо не было в Таре и районе школы и учебного заведения, где бы он не встречался как ветеран войны с молодёжью. Его приглашали охотно, мощный, чётко поставленный голос заворачивал, мягкий тёплый лучистый взгляд привлекал» [2].

Дмитрий Денисович Беляев на рабочем месте. 1971 г.
Фото предоставлено краеведом А. Титовым

Одними из самых трогательных, живых воспоминаний поделился с земляками ещё один талант, взращённый Беляевым, — Михаил Сильванович. «Никогда не выключу из своей судьбы, — писал он, — этого человека, которого считаю главным наставником в профессии и жизни... До последних лет, пока Дмитрий Денисович жил в Таре, мы в мои короткие наезды обязательно встречались. Я мог приходиться к нему домой по праву давнего знакомства с его строгой и очаровательной Александрой Изосимовной. Такое право заслужить удавалось не каждому. Фронтовой командир, вернувшийся с войны с пятью орденами, Беляев был в семье робким солдатом. Бывал я у него, когда Александры Изосимовны уже не стало, и видел, как ему одному было невмоготу сносить одиночество» [3].

После кончины супруги Дмитрий Денисович переехал в Красноярск, к дочери Татьяне. Как отмечали коллеги, он стремился приехать в гости, навестить Тару, но не успел. Беляев скончался 25 января 2009 года в возрасте 87 лет.

Всё в нём совпало: недюжинная физическая мощь и сила, цепкий ум, совестливость и добросердечность, принципиальность и профессиональное чутьё. «Людей с такими редкостными человеческими качествами, — написал позже Вениамин Шахов, — какими он обладал, в жизни встречается очень мало. Человек исключительной честности и добропорядочности, удивительно человеческой натуры, огромной внутренней силы и энергии, весёлого оптимистичного характера и глубокой убеждённости, он не мог не внушать к себе уважения всем, кто с ним работал и общался. Это был заметный человек в культурной жизни района на протяжении 35-летней журналистской деятельности» [4].

В редакции «Ленинского пути» при Беляеве сформировалась профессиональная команда журналистов, многие из которых увлекались литературным творчеством. Журналист Сергей Алфёров замечает, что все годы работы Дмитрия Денисовича в газете редакция была своего рода очагом культуры во многом благодаря своему руководителю. Творческий коллектив не мог не развить свои отношения за пределами работы. Так появились «Таёжные зори» — литературное объединение, организованное при редакции сподвижником Беляева, Яковом Горчаковым.

О судьбе Якова Степановича, удивительного поэта, храброго солдата, талантливого журналиста я уже писал в отдельном очерке, опубликованном на страницах одного из номеров альманаха «Ex-Libris» [5]. Отмечу лишь, что судьба Горчакова столь же поразительна, как и судьба Беляева. У обоих за плечами война и долгожданное возвращение домой, оба — светлые, талантливые люди, созидатели, друзья. В команде Дмитрия Беляева Горчаков трудился в должности ответственного секретаря, заведующего сельхозотделом, а чуть позже стал заместителем редактора районки. На этот период выпало создание при редакции литературного объединения «Таёжные зори», ставшего отправной точкой на творческом пути многих ярких поэтов-журналистов, в том числе Михаила Сильвановича и Леонида Чашечникова.

Яков Степанович Горчаков

Читая воспоминания Вениамина Шахова, журналиста и краеведа, руководившего газетой в 1990–1999 гг., невольно ловлю себя на мысли, что многие из коллег, о которых он пишет, имели отношение к «Таёжным зорям», писали стихотворения или прозу, публицистику или краеведческие исследования. Равнодушных не было. Может, они не приживались, а, может, Беляев и Горчаков умудрялись зажечь интерес к творчеству в каждом или почти в каждом.

Михаил Сильванович в очерке «Дом с высоким крыльцом» вспоминает встречи сотоварищей: «Произведение обсуждалось на заседании литературного объединения, собиравшегося, кажется, по четвергам. Руководил объединением ответственный секретарь редакции Яков Горчаков. Это было заметное явление в культурной жизни Тары, объявление об очередном заседании давалось в газете, на заседание можно было прийти даже не будучи литератором, но завсегдатаями всё же были поэты, прозаики. Блистали Горчаков, Владимир Коршунов, известен читателям был Валентин Губин, обсуждались рассказы Юрия Галицкого, директор школы № 7 Александр Герзон каждый раз покорял публику чтением вслух нового рассказа, он слыл мастером бытового, житейского жанра» [6].

Дмитрий Беляев и Вениамин Шахов 1984 г. Фото предоставлено краеведом А. Титовым

Краевед Анатолий Юрьев замечает: «Участники литературного клуба устраивали дискуссии, читали свои стихи, проводили в библиотеках тематические вечера. Местные поэты — Яков Горчаков, Юрий Галицкий, Михаил Белозёров, Владимир Коршунов были душой среди молодёжи на этих встречах» [7].

Вот, например, номер газеты «Ленинский путь» от 28 марта 1958 года: «К ребятам в тарский Дом пионеров пришли работники районной газеты Яков Горчаков и Леонид Чашечников. Они рассказали детям о том, как впервые начали писать стихи, как научиться понимать и любить поэзию, как рождается замысел автора, посоветовали, как выбрать тему для стихотворения и как работать над стихом. В заключе-

ние встречи журналисты выступили со своими стихами. Встреча прошла живо и интересно» [8].

Ветеран педагогического труда, филолог Евгения Алексеевна Кабанова вспоминает о «Таёжных зорях» так: «Я не пишущий человек, но на «Таёжные зори» попала, когда были расширенные заседания, обсуждались стихи Л. Чашечникова, позднее – М. Сильвановича. Чашечников мне был знаком по встречам в институте студентов с молодыми поэтами, и Сильванович как личность тоже сразу привлёк внимание. Оба в общении оказались приятными людьми... Невозможно не упомянуть Гришу Шабалина, Володю Коршунова, Олега Серенкова. С Коршуновым некоторое время жили на одной улице, частенько обменивались мнениями о новинках литературы. Сдержанный, скромный, он был приятным собеседником» [9].

Публикация стихотворений
Леонида Чашечникова
в газете «Ленинский путь».
Из фондов Тарской центральной
районной библиотеки

Второе дыхание

Летом 2021 года мы с товарищем, поэтом Илмиром Колдашевым ненадолго заглянули в гости к поэтессе Татьяне Бурундуковой. Сидели на кухне, попивая чай, и расспрашивали Татьяну Викторовну о «Таёжных зорях», в особенности о тех участниках, кто стоял у истоков литературного объединения: о Горчакове, Чашечникове, Сильвановиче, с горечью писавшем позже: «у каждого всё вышло по судьбе». Татьяна Викторовна пришла работать в редакцию, когда первый состав «Таёжных зорь» по большей части разъехался. Она вспоминает: «Расцвет литобъединения «Таёжные зори» пришёлся на пятидесятые-шестидесятые годы. На заседания приходили: Леонид Чашечников, Александр Пешков, Владимир Коршунов, Михаил Белозёров, Иван Черняев, Алексей Гапеев, Михаил Сильванович. В основном ходили свои – сотрудники редакции, люди со стороны попадали редко. Руководил Яков Горчаков. Произведения авторов «Таёжных зорь» регулярно публиковались в газете, для них была выделена полоса «В субботний вечер». Со временем многие участники лито разъехались – они были поэтами-любителями, но профессионалами-журналистами, и журналистская стезя многих увела далеко от Тары» [10].

Так прозаично и просто – вышел срок удивительному сообществу неравнодушных к творчеству людей.

— Но потом ведь был второй состав?.. – спросил я, хотя и знал ответ. Это Татьяна Бурундукова, молодая журналистка, собрала вокруг себя оставшихся участников «Таёжных зорь» и молодых авторов, после чего литературное объединение при редакции газеты получило второй шанс.

— «Таёжные зори» второго созыва начали работать в 1988 году, – продолжила рассказывать Татьяна Викторовна. – Тогда ко мне пришла школьница Лена Витюгова, ныне Рунёва, мол, «знаю, что раньше при газете существовало литобъединение, не пора ли вспомнить прошлое». Творческих людей в Таре оказалось много, было кого собирать и с кем общаться. Назначили общий сбор в редакции. С тех пор в «Таёжные зори» приходила молодёжь. Иногда, очень редко, бывал Михаил Белозёров. Наш старейший поэт Яков Горчаков ходил регулярно. Его буквально боготворили. Это был удивительно талантливый поэт, хотя к тому времени в Таре его

считали «детским поэтом». Для широкой известности у него отсутствовал «пробивной талант» – все силы уходило на журналистский труд и стихи. Потом в «Таёжные зори» пришли Виталий Полецкий (военный пенсионер), Александр Дерюшев (врач скорой медицинской помощи), Сергей Мотренко (работал в редакции, в сельхозотделе), Александр Скопец (работал военруком в школе № 2). Поэт Валентин Третьяков из села Самсоново, который к тому времени жил в Москве, присылал стихи на малую родину. Общение с земляком вели по переписке. Состав был пёстрый, яркий. Нам отвели кабинет, назначили определённое время, когда можно было собираться. Мы обсуждали произведения, пили чай, спорили. Произведения участников печатались в газетах «Ленинский путь» и «Крестьянское слово». Организовывались творческие встречи. Всё время существования «Таёжных зорь» редакторы газеты поддерживали начинания. Дмитрий Денисович Беляев помогал первому составу, Александр Владимирович Поварницын и Вениамин Васильевич Шахов – второму. Место для стихов в газете было всегда (в основном ведь ходили поэты). Были и прозаики, например, Виталий Костылёв, который писал небольшие рассказы про животных. Жил в Риге, откуда и присылал рассказы [11].

Они оказались разными – две жизни одного литературного объединения. Если первые встречи собирали в основном сотрудников редакции, «Зори» восемьдесят девятого привлекали людей разных специальностей. Время того требовало, менялись город, страна и вслед за ними вынужденно менялись «Таёжные зори». Вопрос «А что же стало со вторым составом?» мы с Илмиром уже не задавали – участники второго состава «Таёжных зорь» живут рядом с нами. Татьяна Бурундукова – член Союза писателей России, как и поэты Александр Дерюшев, Сергей Мальгавко. А девочка Ира Бабикина из литобъединения «Зарянка» при детской библиотеке, куда часто заглядывали поэты, выросла в прекрасного лирика, поэта Ирину Шевелёву.

— Второй состав «Таёжных зорь» проработал четыре года, – продолжила Татьяна Викторовна, завершая свой рассказ, – позже в Таре появился клуб «Вечера на Александровской», который перенял эстафету [12].

Дмитрий Беляев и Яков Горчаков. Фото из фондов газеты «Тарское Прииртышье»

Заря над Александровской

Очередной всплеск литературной активности принёс четырёхсотлетний юбилей Тары. С размахом прошёл фестиваль талантов «Радуга над Иртышом», в рамках которого состоялись песенный и литературный конкурсы, вышел сборник «Что сердцу дорого». После завершения фестиваля библиотекарь Тарской детской школы искусств Татьяна Алексеевна Мальгавко предложила творческим землякам организовать в городе полноценный литературный клуб, продолжив дело, начатое участниками «Таёжных зорь».

Татьяна Мальгавко. Фото из фондов Тарской центральной районной библиотеки.

На базе городского Дома учителя в феврале 1995 года прошли первые собрания авторов клуба, получившего название «Вечера на Александровской» по наименованию улицы, на которой располагался «Дом учителя», ставший местом творческих встреч. Одними из первых в клуб пришли Константин Атюрьевский, Денис Блинов, Илмир Колдашев, Марина Лаврук, Юлия Петрушина, Александр Сафронов, Ольга Тупикина, Александр Фефелов и др. Творческий путь ныне известных в городе поэтов, членов Союза писателей России Натальи Кусковой, Александра Дерюшева и Ольги Старинской начался в поэтическом клубе «Вечера на Александровской».

С 1995 года в клубе проводятся занятия с поэтами и прозаиками, обсуждаются рукописи начинающих авторов, организуются творческие конкурсы, беседы и практические занятия по литературному мастерству. Издаются поэтические сборники, устраиваются литературные и музыкально-поэтические вечера, встречи с профессиональными литераторами из областного центра.

Авторы «Вечеров на Александровской» – продолжатели литературных традиций сибирского города, с которыми связана судьба десятков поэтов и прозаиков разных эпох, продолжателей дела литературного объединения «Таёжные зори».

С 2013 г. в Таре проходят литературные чтения имени Леонида Чашечникова, самого известного автора «Таёжных зорь», его именем названа Тарская централизованная библиотечная система. В 2020 г. Союз писателей России присвоил Таре статус «Литературный город России», отметив тем самым богатые литературные традиции и достижения писателей-современников.

ХУДОЖНИКИ ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ 1950–1970-е годы

Елена Каткова

Продолжая исследование по теме «Художники Омской Пушкинки», обратимся к 1950–1970-м годам. В этот период в оформительской работе появились трудности, связанные с тем, что в 1952 г. комиссия Совета министров СССР утвердила новое штатное расписание областных библиотек, согласно которому должность художника-оформителя упраздняялась [1]. Поэтому вплоть до 1 января 1970 г. дирекция библиотеки была вынуждена использовать разнообразные обходные пути: принимать художников либо на должность помощника библиотекаря, либо на выполнение временной работы по договору. К сожалению, по последней причине о некоторых оформителях не сохранилось никаких биографических сведений. Когда на работу художника не удавалось никого найти, оформление выставок ложилось на плечи библиотекарей, что привело к резкому снижению эстетического компонента всех мероприятий. Поэтому, реализуя проекты областного масштаба, такие, например, как книжно-иллюстративная выставка 1957 г. «Омские писатели за 40 лет», к их оформлению Пушкинка привлекала художников Омского издательства (Омгиза) [2].

Выставка политической литературы. 1950-е годы

Выставка технической литературы

В 1958 г. директор Е. Г. Хребтова, указав, что библиотекари плохо знают технику плакатного дела, решила за счёт средств, предназначенных для консультаций, привлечь опытного плакатиста. Он должен был за 30 учебных часов научить группу сотрудников Пушкинки овладеть простейшими приёмами техники письма плакатным пером, работе с трафаретом, композиции плакатов и заголовков [3].

Изучив внутренние документы библиотеки, удалось выявить имена 20 человек, работавших в 1950–1970-х гг. художниками-оформителями. Их можно разделить на две группы. Первую составили те, о которых известно только время их приёма (или увольнения) на временную работу: Скудин (с 13 марта 1968 г.), Александр Прокопьевич Достовалов (Достованов) (с 8 мая по декабрь? 1969 г.), Сергей Игоревич Сандуро (с 15 по 30? Марта 1970 г.), Алевтина Зиновьевна Смахтина (с 1 апреля по 1 мая 1970 г.), А. Н. Гонтаренко (с 1 августа по 28 декабря? 1970 г.), Павел Алексеевич Дориггоф (17 января – 20 марта 1974 г.), Галина Васильевна Кравченко (20 марта 1973 г. – 15 января 1974 г.).

Во второй группе те, о которых сохранилась более подробная информация:

Василий Григорьевич Чесноков (р. 7.11.1923), выпускник 1-го Омского пехотного училища им. Михаила Фрунзе, участник Великой Отечественной войны. До прихода в Пушкинку он учился на печатника на Омской картографической фабрике, работал актёром вспомогательного состава в театре, воспитателем в детской трудовой исправительной колонии, заведующим парком военного склада. Не задержался Василий Григорьевич и в библиотеке, где трудился с февраля 1955 г. по март 1956 г. помощником библиотекаря, а на самом деле художником. Его уволили «как несоответствующего квалификационным требованиям для работников областных библиотек» [4].

Анна Лаврентьевна Гудыма (р. 20.10.1940), окончила Омский библиотечный техникум в 1960 г. В 1961–1972 гг. была библиотекарем абонемента Омского речного училища. В Пушкинке она трудилась с 16 января до 15 марта 1970 г. [5].

Виктор Григорьевич Каримов (Карымов). В Пушкинке работал дважды: 5 марта – 29 апреля 1969 г., 4 мая – 30 июля? 1970 г. Виктор Григорьевич – единственный из профессиональных художников библиотеки этого периода, участвовал также и в оформлении библиографических указателей. Во второй половине 1970-х гг. его имя встречается в таких изданиях, как: «Омский русский народный хор: (указ. лит.)» (Омск, 1975) «Кормовая база животноводства»: список лит. (Омск, 1976) , «Писатели земли Омской» указ. лит. (Омск, 1977) [10] и других.

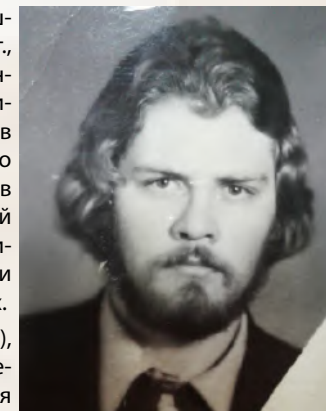
Владимир Антонович Мяскишев (р. 5.01.1948), студент художественно-графического факультета Омского педагогического института. Трудился в «Пушкинке» с 29 декабря 1970 г. по 3 мая 1971 г. В заявлении на увольнение указал причину: «я не справляюсь с дипломным проектом» [11].

Владимир Николаевич Балабанов (р. 21.04.1950). После армии в 1970–1971 гг. был художником-оформителем в Текстильшвейобувьторге и в Омском высшем общеобразовательном училище, а с 13 октября 1971 г. по 22 февраля 1972 г. совмещал работу в училище и библиотеке [12].

Альбина Николаевна Репина трудилась распаковщицей в Центральном аптечном складе. Работала в библиотеке с 1 марта по 1 июня 1972 г. [13].

Юрий Леонидович Полуянов (р. 4.12.1948) окончил курсы Омской фабрики фоторабот, после чего трудился выездным и павильонным фотографом. В 1968 г. был цеховым художником на заводе № 216 (ныне завод подъёмных машин). В 1971 г. поступил на художественно-графический факультет ОмГПИ, где проучился два курса. Затем работал по соглашению в колхозах и совхозах Омской области и Казахстана, оформляя наглядную агитацию. Вновь поступил в ОмГПИ и, будучи студентом, работал в Пушкинке с 13 марта по 26 декабря 1974 г. [15].

Сергей Владимирович Калашников (р. 12.03.1934) в 1971 г., являясь студентом худграфа ОмГПИ, в период с 10 марта 1975 г. по 24 февраля 1976 г., подрабатывал в библиотеке [16].

Сергей Калашников

Обложки книг, иллюстрированные В. Г. Карымовым

Александр Васильевич Калинин (р. 12.10.1946) окончил художественную школу. В 1967–1976 гг. трудился художником в конструкторском бюро [17], затем пришёл в Пушкинку, где проработал художником-оформителем с 26 августа 1976 г. по 12 августа 1980 г. В его характеристике, написанной для художественно-графического факультета ОмГПИ, где он учился, отмечено: «За время работы в библиотеке взысканий не имеет. Все задания выполняет на высоком профессиональном уровне, со вкусом. В областной библиотеке много сделал в оформлении интерьеров» [18].

В этой группе хотелось бы выделить две персоны их личность и талант. С конца 1950 по 25 февраля 1954 художником библиотеки был Юрий Антонович Станишевский (1930–2009). В его обязанности входило оформление выставок, витрин, доски текущих событий и даже агитационного пункта. Юрий регулярно получал взыскания за срыв сроков работы, неряшливость, нарушения графика выхода на работу. В основном эти нарушения трудовой дисциплины определялись его семейным положением. У Юрия рано умерла мать, и он уже в школе начал подрабатывать плакатистом в различных учреждениях, а в библиотеку пришёл, будучи студентом второго курса Омского медицинского института. Естественно, что юноше было сложно совмещать учёбу в вузе, особенно на старших курсах, и работу художником. В 1962 г. Станишевский окончил аспирантуру кафедры общей хирургии Второго Московского медицинского института им. Пирогова и как талантливый специалист был направлен в НИИ сердечнососудистой хирургии им. А. Н. Бакулева Академии

Александр Калинин

Последние обложки 1960-х

медицинских наук СССР, где он трудился более 40 лет. В 1965–1968 гг. Юрий Антонович работал в госпитале в Алжире, где, кроме операций, вёл приём населения на французском языке. В 1969–1978 гг. Ю. Станишевский был учёным секретарём НИИССХ им. А. Н. Бакулева, но продолжал заниматься наукой. В 1981 г., отмечая заслуги Юрия Антоновича в развитии хирургии сердца и сосудов и его огромный вклад в совершенствование института, учёный совет наградил его памятной медалью основателя учреждения – академика А. Н. Бакулева. И ещё один штрих к личности Ю. Станишевского – он подготовил докторскую диссертацию на тему «Хирургическое лечение аневризм грудной аорты», но не защитил её по причине своей бескомпромиссности [20].

Вторая персона – Геннадий Николаевич Александров (р. 6.09.1949), известный не только в Омске, но и в Сибири художник. С 1993 года живёт и работает в Чехии. После службы в армии, в 1970 г. поступил на художественно-графический факультет ОмГПИ и во время учёбы с 28 ноября 1972 г. по 6 марта 1973 г. подрабатывал в Пушкинке [21]. Как отмечают искусствоведы, именно в 1970-е гг. сформировался творческий метод художника: «диапазон графики Геннадия Александрова обусловлен в прямом смысле текстами культуры», «слово становится одним из важных смыслообразующих и формообразующих моментов» в его творчестве. Возможно, работа в библиотеке, среди книг сыграла в каком-то смысле определённую роль в становлении мастера, оставив след в его душе.

В завершение отметим, что исследования истории областной библиотеки открывают новые страницы её истории, неизвестные факты в биографиях замечательных личностей, а также прослеживают, подчас неожиданные, связи Омской Пушкинки с самыми различными учреждениями и персонами.

Читатели у библиографического бюллетеня Компас

Список источников

1. Приказ по библиотеке от 2 октября 1952 г. № 76. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
2. Приказ по библиотеке от 11 октября 1957 г. № 85. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
3. Приказ по библиотеке от 10 апреля 1958 г. № 43. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
4. Приказы по областной библиотеке имени А. С. Пушкина за 1956 г. – Л. 35. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
5. Приказы директора по личному составу за 1970 г. – Л. 2. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
6. Приказы личного состава областной библиотеки им. А. С. Пушкина за 1969 г. – Л. 38, 88. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
7. Приказы директора по личному составу за 1970 г. – Л. 54. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
8. Омский русский народный хор: (указ. лит.) / ОООНБ им. А. С. Пушкина, Муз.-нот. сектор; [сост. М. Хаит]. – Омск [б. и.], 1975. – 46 с.
9. Кормовая база животноводства: (список лит.). – Омск: [б. и.], 1976. – 102 с.
10. Писатели земли Омской: указ. лит. [за 1945–1976 гг.] / [сост.: Л. А. Пукшанская, В. И. Бородина]; Ом. обл. науч. б-ка им. А. С. Пушкина, Справ.-библиогр. отд. – Омск: [б. и.], 1977. – 183 с.
11. Личные дела уволенных сотрудников в 1971 г. – Л. 254. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
12. Личные дела уволенных сотрудников в 1972 г. – Т. 1. – Л. 41. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
13. Личные дела уволенных сотрудников в 1972 г. – Т. 3. – Л. 1, 3. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
14. Личные дела уволенных сотрудников в 1974. – Л. 55. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
15. Личные дела уволенных сотрудников в 1974. – Л. 56, 58. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.
16. Личные дела уволенных сотрудников библиотеки в 1976. – Т. 2. – Л. 214, 217. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.

17. Личные дела сотрудников библиотеки от Б до Я. – 1980. – Л. 83. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.

18. Личные дела сотрудников библиотеки от Б до Я. – 1980. – Л. 82. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.

19. Приказы по областной библиотеке имени А. С. Пушкина за 1947–1952 гг. – Л. 215. – Рукопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.

20. Косачёва Р. Хирург с особой энергетикой // Медицинская газета. – 2010. – 6 авг.

21. Личные дела уволенных сотрудников в 1973. – Т. 1. – Л. 11, 12, 16. – Машинопись. – Место хранения ОГОНБ им. А. С. Пушкина.

22. Мысливцева Г. Ю. Изображения и текст в графике Геннадия Александрова // Мысливцева Г. Ю. Территория мечты: сб. тр. Г. Ю. Мысливцевой / [сост.: Е. Дорохов и др.]. – Омск, 2014. – С. 158.

У выставки к юбилею Омска

ФИЛОКАРТИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ОМСКОЙ ПУШКИНКИ

Софья Давыденко

Открытка – это визитная карточка времени

Д. С. Лихачёв

В фонде Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина насчитывается более 3300 комплектов открыток, временной охват которых составляет с 1950-х годов по настоящее время. Сформировался фонд изоизданий в результате передачи в дар библиотеке нескольких личных коллекций. В настоящее время коллекция пополняется за счёт приобретения современных изданий, в том числе местной печати, а также даров.

Фонд открыток Омской Пушкинки

Фонд открыток всегда был востребован у читателей, однако до настоящего времени целенаправленная работа по его популяризации не велась. Для выставочной работы открытки в основном использовались лишь как небольшое включение в экспозицию в виде единичной иллюстрации. Например, портреты писателей и художников для персональных выставок или при подготовке тематических экспозиций.

В советское время открытки выходили огромными тиражами. Были очень популярны тематические комплекты, затрагивающие все сферы человеческой жизни и деятельности. Особенно популярны они были у студентов, обучавшихся на художественно-графических факультетах. Наборы с репродукциями картин открывали широкую панораму истории изобразительного искусства разных периодов, знакомили с жанрами живописи и тем самым существенно облегчали подготовку к занятиям. Стоит отметить, что творчество некоторых художников было отражено только в открытках, в фонде нашей библиотеки не было альбомов с репродукциями их работ.

Систематическая работа с фондом открыток началась с 2014 года. Именно с этого времени сотрудники сектора литературы по искусству стали

организовывать крупные комплексные выставки и целые годовые экспозиционные серии, раскрывающие фонд изоизданий, дополненный альбомами и книгами о жизни и творчестве художников. Именно художественные открытки составили ядро фонда изоизданий, что позволило организовывать широкий спектр экспозиций.

Год памяти и славы

В 2020 году в Год Памяти и Славы была подготовлена выставка «Великая Отечественная война 1941–1945 годов в художественной открытке», представившая репродукции плакатов, картин на героические сюжеты, песни-открытки и фотооткрытки. Всего было подобрано более 160 экземпляров из 70 различных комплектов. В СССР широко выпускались открытки с портретами героев Великой Отечественной войны, на выставке были представлены серии «Герои Великой Отечественной войны», «Женщины – герои Советского союза».

Выставка «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в художественной открытке»

Подвигам юных посвящены открытки из наборов «Героикомсомольцы Великой Отечественной войны» и «Пионеры-герои». В 2020 году был особо отмечен вклад Омска в Великую Победу, нашему городу был присвоен статус «Город трудовой доблести». Поэтому отдельного внимания заслуживают местные издания — комплекты открыток «Улицы Омска, носящие имена Героев Советского Союза», выпущенные ещё к 60-летию Победы в 2005 году. На лицевой стороне можно увидеть портреты героев и участников Великой Отечественной войны и фотографии омских улиц, носящих их имена, с оборотной стороны дана краткая биографическая справка. Заключительным разделом в экспозицию вошли открытки с фотографиями памятников и обелисков в честь героев войны. Эта выставка привлекла большое внимание читателей. Тема патриотического воспитания молодёжи всегда актуальна, по экспозиции было проведено множество

обзоров для студентов вузов и колледжей, школьников.

В последнее время отмечается интерес к истории детского и молодёжного движения. В 2018 году яркой, отражающей дух эпохи, стала выставка «Молодёжные движения в СССР: комсомольцы, пионеры, октябрята», приуроченная к 100-летию со дня образования ВЛКСМ. Было представлено более 110 открыток, благодаря которым посетители библиотеки могли прикоснуться к давно ушедшему, во многих отношениях трогательному времени.

Выставка «Молодежные движения в СССР комсомольцы, пионеры, октябрята»

Год экологии

В рамках Года экологии (2017) одним из самых увлекательных и неординарных стал цикл выставок «Природы лик многообразный». На протяжении всего года сотрудники отбирали и представляли более 500 открыток с изображениями флоры и фауны, видами уникальных российских природных заповедников, репродукциями пейзажей русских и зарубежных художников. В цикл вошли экспозиции: «Экскурсия в природу», «Заповедники России в художественной открытке». В рамках Года экологии (2017) одним из самых увлекательных и неординарных стал цикл выставок «Природы лик многообразный». На протяжении всего года сотрудники отбирали и представляли более 500 открыток с изображениями флоры и фауны, видами уникальных российских природных заповедников, репродукциями пейзажей русских и зарубежных художников. В цикл вошли экспозиции: «Экскурсия в природу», «Заповедники России в художественной открытке», «Природные богатства нашей Родины» и «Образ природы в живописи».

Выставка «Экскурсия в природу»

В рамках Года экологии (2017) одним из самых увлекательных и неординарных стал цикл выставок «Природы лик многообразный». На протяжении всего года сотрудники отбирали и представляли более 500 открыток с изображениями флоры и фауны, видами уникальных российских природных заповедников, репродукциями пейзажей русских и зарубежных художников. В цикл вошли экспозиции: «Экскурсия в природу», «Заповедники России в художественной открытке», «Природные богатства нашей Родины» и «Образ природы в живописи».

В советское время большой популярностью пользовалось коллекционирование фотографий любимых артистов. В Год кино (2016) мы организовали обширные выставки «Ленфильм» и «Мосфильм» в художественной открытке, а также «Актёры советского кино». Читатели библиотеки с огромным удовольствием и живым интересом рассматривали кадры из любимых кинофильмов и портреты популярных артистов.

Очень широко в фонде библиотеки представлена книжная иллюстрация. Это и комплекты, посвящённые известным художникам-графикам, и наборы с иллюстрациями к произведениям русской и зарубежной классики. На основе этой части коллекции ведётся продолжающийся цикл выставок «Запечатлённое слово». В Год литературы в России (2015) сотрудниками отдела был подготовлен ряд выставок, где экспонировались открытки с иллюстрациями к произведениям М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, А. И. Куприна, А. П. Чехова, П. Е. Ершова, М. А. Шолохова, А. Т. Твардовского, а также иллюстрации к «Слову о полку Игореве».

2021 год ознаменовался несколькими масштабными юбилеями в отечественной литературе. К 190-летию со дня рождения Николая Семёновича Лескова мы подготовили выставку «Кто подковал блоху?». К 200-летию со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова — выставку «Кому живётся весело, вольготно на Руси?..».

Экспозиция «Ф. М. Достоевский в художественной открытке»

Отдельно стоит отметить юбилейную экспозицию «Ф. М. Достоевский в художественной открытке» к 200-летию со дня рождения великого русского писателя. Омск — особый город в судьбе Фёдора Михайловича. Осуждённый за участие в кружке Петрашевского, он четыре года провёл в Омском каторжном остроге. Сибирь стала для писателя местом покаяния, прозрения и духовного возрождения. Выставка имела большой читательский спрос, поскольку Достоевский был и остаётся неотъемлемой частью культурного пространства нашего

региона. В газете «Аргументы и факты» была опубликована обширная статья, посвящённая данной выставке. В экспозицию вошли открытки с репродукциями портретов Ф. М. Достоевского, иллюстрациями к его произведениям, а также фотографиями мест, связанных с его жизнью и творчеством. Дополнительно по этой выставке сотрудники библиотеки сделали видеообзор, который размещен на нашем сайте.

Очень востребованная и актуальная часть коллекции открыток — это краеведческие издания. Множество наборов видовых открыток города разных лет позволяют проследить, как менялся его архитектурный облик. Омск называют театральной столицей Сибири, и в фонде есть комплекты открыток о театрах. Омский государственный академический театр драмы издал серию, посвящённую выдающимся актёрам театра. Все эти материалы были представлены на выставке «Омск театральный» (2018 год).

В 2016 году, к 300-летию со дня основания города, была подготовлена масштабная экспозиция «От крепости до мегаполиса: Омск в художественной открытке», представившая более 110 открыток с видами города, изданных с 1960-х гг. по настоящее время. Выставка дала представление о том, как выглядели омские улицы и здания в конце XIX – начале XX вв., как рос и развивался город на пути к своему юбилею. Открытки отразили повседневную жизнь горожан 1940–50-х гг., облик города-сада в 1960-е годы, Омск промышленный 1970–80-е гг. и современный вид города-миллионника с его достопримечательностями. Выставка оказалась интересна не только краеведам, но и всем гостям библиотеки.

В рамках празднования 200-летия Омской области в 2022 году была организована выставка «Омская область в художественной открытке», которая представила издания с видами городов и сельских поселений. В экспозицию вошли фотооткрытки с достопримечательностями старейшего в области города Тары и областного центра – Омска. Отдельный раздел выставки был посвящён пос. Большеречье, который знаменит единственным в стране сельским зоопарком. Знакомила выставка и с природой края – были представлены открытки с изображениями редких видов птиц из Красной Книги. Выставку дополнили книжные издания и карта Омской области.

Выставка «Омская область в художественной открытке»

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Главными героями рубрики являются юбиляры года — талантливые наши соотечественники, чье творчество оказывает большое влияние на развитие русской литературы и культуры: писатели **Михаил Пришвин** (1873—1954) и **Владимир Набоков** (1899—1977), композитор **Сергей Рахманинов** (1873—1943). В память о Сергее Васильевиче мы публикуем фрагмент рассказа писателя Юрия Нагибина "Сирень", главным героем которого является замечательный русский композитор С. В. Рахманинов.

В прошлых номерах альманаха мы рассказывали о творчестве омской поэтессы **Галины Кудрявской**. Публикация «Читая рассказы Галины Кудрявской» знакомит читателей с удивительно пронзительной и глубокой прозой автора.

"СИРЕНЬ" Юрий Нагибин

(фрагмент рассказа)

Посвящается 150-летию со дня рождения С. В. Рахманинова

Странное то было лето, всё в нём перепуталось. В исходе мая листва берёз осталась по-весеннему слабой и нежной, изжелта-зелёной, как цыплячий пух. Черёмуха расцвела лишь в первых числах июня, а сирень ещё позже... А тут сирени распустились разом, после сильной ночной грозы, переполошившей обитателей усадьбы прямыми, отвесными, опасными молниями. И даже куст никогда не цветшей махровой сирени возле павильона зажёг маленький багряный факел одной-единственной кисти. И когда Верочка Скалон выбежала утром в сад, обманув бдительный надзор гувернантки Миссочки, она ахнула и прижала руки к корсажу, поражённая дивным великолепием сиреневого буйства... Грубый шорох в кустах заставил Верочку испуганно замереть...

Верочка осторожно раздвинула ветви и в шаге от себя увидела Серёжу Рахманинова, племянника хозяев усадьбы. Он приподымал кисти сирени ладонями и погружал в них лицо. Когда же отымал голову, лоб, нос, щёки и подбородок были влажными, а к бровям и тонкой ниточке усов клеились лепестки и трубочки цветов. Но это и Верочка умела делать — купать лицо в росистой сирени, а вот другая придумка Серёжи, Сергея Васильевича — так церемонно полагалось ей называть семнадцатилетнего кузена, — была куда интереснее. Он выбирал некрупную кисть и осторожно брал в рот, будто собирался съесть, затем так же осторожно вытягивал её изо рта и что-то проглатывал. Верочка последовала ему примеру, и рот наполнился горьковатой холодной влагой. Она поморщилась, но всё-таки повторила опыт. Отведала белой, потом голубой, потом лиловой сирени — у каждой был свой привкус. Белая — это словно лизнуть пробку от маминых французских духов, даже кончик языка сходно немеет; лиловая отдаёт чернилами; самая вкусная — голубая сирень, сладковатая, припахивающая лимонной корочкой.

Сиреневое вино понравилось Верочке, и она стала лучшего мнения о длинноволосом кузене... В этом долговязом юноше всё было непомерно и нелепо: громадные, как лопаты, руки и под стать им ступни, длинные русые поповские волосы, большой, тяжёлый нос и огромный, хоть и красиво очерченный рот, мрачноватый, исподлобья, взгляд тёмных матовых глаз. Нелюбезный, настороженный, скованный, совсем неинтересный — таков был дружный Приговор сестёр. И робкая попытка кузины Наташи Сатиной уверить их, что Серёжа стесняется и дичится, ничего не изменила.

Правда, в Ивановке образ сумрачного и нелюбезного кузена пришлось срочно пересмотреть. Он оказался весьма любезным, услужливым, общительным и необыкновенно смешливым. Достаточно было самой малости, чтобы заставить его смеяться до слёз, до изнеможения. И надо сказать, Верочка пользовалась этой слабостью кузена и не раз ставила его в неловкое положение, но с обычным добродушием он нисколько не обижался...

Рахманинов стоял, задумчиво перебирая кисти сирени. Он хотел понять, почему его так тронула и странно взволновала эта встреча... Он, Рахманинов, – странствующий музыкант, его дело упражняться на рояле до одурения, который день корпеть над четырёхручным переложением «Спящей красавицы», несравненного Петра Ильича и урывать часишко-другой для собственного сочинительства. Да, он обуян дерзостным намерением в недалёком будущем вынести на суд публики свой первый фортепианный концерт. Пара робких ноктюрнов и разных мелких пьесок миновала, он способен сказать своё слово в музыке. О прочем нечего и думать. Но как всё-таки хорошо, что было это утро, тяжёлые благоухающие кисти, холод капель за пазухой и девичье лицо, наивное и патетическое...

Странно, но Серёжа Рахманинов, погружённый с головой в свои музыкальные занятия, умудрился каким-то образом ухватывать, чем живут окружающие. Возможно, острейший слух безотчётно улавливал обрывки разговоров, перешёптываний, взрывы смеха, окрики – всю музыку летней жизни.

Выбрав удобный момент, когда Александр Ильич [Зилоти] покурил после обеда в сиреневой аллее, Верочка спросила его, хороший ли музыкант Сережа Рахманинов.

— Гениальный! – выкатив ярко-зелёные, с золотым отливом глаза, гаркнул Зилоти.

— Нет, правда?.. – Верочка решила, что он, по обыкновению, шутит.

— Такого пианиста еще не было на Руси! – с восторженной яростью прорычал Зилоти. — Разве что Антон Рубинштейн, – добавил из добросовестности.

— Так что же, он лучше вас? – наивно спросила Верочка.

— Будет, – как бы закончил её фразу Зилоти. – И очень скоро. Вы посмотрите на его руки, когда он играет. Все пианисты бьют по клавишам, а он погружает в них пальцы, будто слоновою костью мягка и податлива. Он окунает руки в клавиатуру.

Но Верочка ещё не была убеждена.

— Александр Ильич, миленький, только не обижайтесь, ну вот вы... какой пианист, какой по счёту?

— Второй, – не раздумывая, ответил Зилоти.

— А первый кто?

— Ну, первых много. Лист, братья Рубинштейны... Рахманинов будет первым.

— А какую музыку он сочиняет?

— Пока это секрет. Знаю только, что фортепианный концерт. Но могу вам сказать: что бы Сережа Рахманинов ни делал в музыке, это будет высший класс. Поверьте старому человеку. Он великий музыкант... Судьба Рахманинова тоже складывалась непросто. Он узнал и громкий, ранний успех, и жестокое поражение, когда, бессознательно угождая петербургской неприязни к «школе Чайковского», тучный, флегматичный Глазунов, выступая в качестве дирижёра, рассеянно провалил

его Первую симфонию. Тяжелейший нервный и творческий кризис постиг Рахманинова, ему казалось, что он навсегда утратил способность сочинять музыку.

Из этой прострации он выбирался долго и трудно. Его жизнь была неустроена, он ютился в меблирашке, терял время на частные уроки, метался, порой причаливал к таким пристаням, где ему вовсе нечего было делать.

Но в самую трудную для него пору из глубокой тени выступила женская фигура, столь знакомая своими очертаниями и вместе будто не виданная никогда, и Рахманинов понял, что

спасён. Наташа Сатина, девочка с пухлыми губами, Верочкина наперсница, ставшая красивой, стройной женщиной, с волевым и терпеливым ртом, сильная плотью и духом и более всего беззаветной преданностью тому, кого выбрала ещё детским сердцем, перетерпев всех и вся, выстрадав своё счастье, навсегда заняла пост любви возле Рахманинова. Она была с ним и тем чёрным февральским днем 1943 года, когда, отыграв последний концерт, сбор от которого, как и сбор от остальных концертов, передавался в фонд Красной Армии, защитникам Сталинграда, Рахманинов с разъеденным метастазами позвоночником не смог сам уйти со сцены и его унесли на носилках, предварительно опустив занавес. И седая, но по-прежнему стройная и сильная Наталья Александровна услышала, как прошептал Рахманинов, чуть приподняв свои прекрасные громадные руки: «Милые мои руки, бедные мои руки. Прощайте!..».

Но это – уже по прожитии большой, долгой жизни. Верочке такого не было дано. Она думала, что сможет жить, как живут другие: давать счастье мужу, воспитывать детей, встречаться с интересными людьми.

Сергей Васильевич Рахманинов и Наталья Александровна Сатина.

Фото из интернет источников

Уделять внимание музыке, литературе, достойно и благообразно стареть. Ничего этого не могла и не умела Верочка. Она умела лишь одно – любить Рахманинова. И когда это оказалось невозможно, ей не для чего стало жить. При таком больном сердце уйти легко. Она словно разжала руки, только и всего. Ей было тридцать четыре года... В память Ивановки и того странного лета, когда запоздало и мощно забродило сиреневое вино, Рахманинов написал свой самый нежный и взволнованный романс «Сирень». Там есть удивительная, щемящая, как взрыд, нота. То промельк Верочкиной души, откупленный любовью у вечности.

По утру, на заре,
По росистой траве
Я пойду свежим утром дышать;
И в душистую тень,
Где теснится сирень,
Я пойду своё счастье искать...
В жизни счастье одно
Мне найти суждено,
И то счастье в сирени живёт;
На зелёных ветвях,
На душистых кистях
Моё бедное счастье цветёт.

Екатерина Бекетова
1878 г.

«ИДУ ВПЕРЕД СИЛОЙ ВЕРЫ СВОЕЙ В ЛУЧШЕЕ...»

Дневник М. М. Пришвина: черты философского
и исторического повествования

Елена Акелькина

Писатель Михаил Пришвин всю свою долгую жизнь вёл дневники. В первые послереволюционные годы Пришвин признавался: «Не с Гоголем была всю жизнь душа моя, а вот на кого мне хотелось быть похожим... на русского летописца Нестора. В своё время понял я такой идеал человека, читая с благоговением «Русскую историю» Ключевского. Сквозь туман далёкого прошлого, из тёмных лесов нашей родины светит мне его лампада, и мне хотелось бы тоже быть таким стариком: простым, скромным, как он, и, как молодой, устремлённым с верой в грядущие времена... Нам, писателям, надо опять возвращаться к народу, надо подслушивать, собирать его слёзы, кровь и стоны, взражённые страдания. Нужно понять всё прошлое в новом свете...»

*Дневник как жанр. В нём главное – вектор
внутреннего Слова... главное: разгребать
смуту и вихри внутри себя, во внутренней
жизни хаос... в микрокосм упорядочивать...
целое в себе сооружать.*

*Дневник – обращённость к Богу, с ним
единобеседавание... партия Абсолюта...*

(Т. Д. Тачев)

Усиление роли межличностного опыта актуализировалось в рубежные переходные эпохи, выдвигая на первый план философские качества ведения рассказа в жанре дневника. XX век сделал писательские дневники инструментом исторического сознания, постигающего смысл и законы бытия. А. Блок писал: «Весьма вероятно, что в наше время великое и что именно мы стоим в центре жизни, то есть, в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки». Поэт утверждал, что в послереволюционную эпоху всем его современникам необходимо «писать дневники».

Именно в писательских дневниках (А. А. Блока, К. И. Чуковского, Е. Л. Шварца и, конечно, М. М. Пришвина) личные впечатления предстают как укрупнение значимого мига, постижение смысла происходящего. Это внимание к движению истории, в природе перехода одной эпохи в другую унаследовано М. М. Пришвиным от традиции «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

М. М. Пришвин в течение пятидесяти лет вёл свой уникальный дневник для себя, это была его творческая лаборатория. В историю литературы и культуры «Дневник» М. М. Пришвина вошёл как своеобразная итоговая книга философской прозы, главное в ней – постижение смысла происходящего. В этой книге, состоящей из

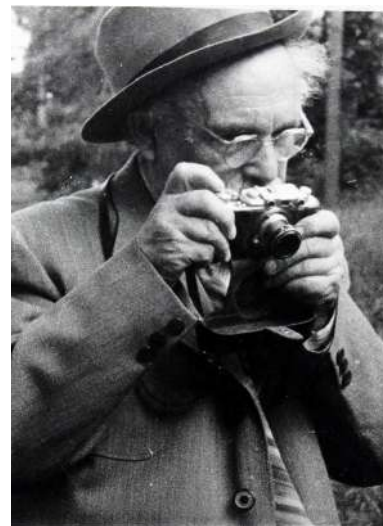
фрагментов-миниатюр, М. М. Пришвин вполне осознанно продолжал традицию «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского и своего гимназического учителя В. В. Розанова в «Опавших листьях» и «Уединённом». В революционные годы (1917–1920) сорокалетний писатель в Петрограде создал документальную хронику событий, переходя от фактов и заметок к философским обобщениям, к постижению смысла исторических перемен и судьбы России.

С началом Первой мировой войны Михаил Михайлович Пришвин поехал на фронт военным корреспондентом. Описывая войну, он нашёл глубокий символично-философский образ «слепой Голгофы», имея в виду, что люди шли на страдания и смерть, не понимая, за что умирают. Сущность этой метафоры настолько ёмкая, что автор применяет её ко всему двадцатому веку русской истории, видя в нём содержание времени [1, с. 143]. Именно война, по мысли писателя, может породить революцию. В «Дневнике» за август 1914 г. написано: «Россия вздулась пузырьём – вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет» [2, с. 141]. С начала войны, считал Пришвин, Россия двинулась к катастрофе. «Православная Россия споткнулась на фабричном пороге». «В этой ёмкой исторической формуле заключено едва ли не всё: и страшные перебои со снабжением воюющей армии, и казнокрадство, и тыловая измена, и беспомощность власти, и воровство, и гниль большевистской пропаганды, разъедающей и тело, и душу России» [1, с. 143].

В канун революции у Пришвина усаливаются апокалипсические настроения. После смерти матери на литературные гонорары он построил дом в родовом имении Хрущёво, который потом отберут и вырубят сад. Именно это строительство пробудило в писателе и вчерашнем агрономе чувство родины и желание благоустроить её. В 1916–1917 годы Пришвин работал секретарём в Министерстве торговли и промышленности в Петрограде. Весной 1917 года он поехал в Хрущёво в качестве делегата Временного Комитета Государственной думы. В это время нарастали конфликты с крестьянами. Осенью писатель возвратился в Петроград, где работал редактором литературного отдела газеты партии правых эсеров «Воля народа».

Отношение Пришвина к Февральской революции вначале было настороженное, но заинтересованное, позже в нём нарастает разочарование от бессилия власти в эпоху безвременья. Писателю «за державу обидно», его дневник очень точно показывает несостоятельность демократического эксперимента и в Петрограде, и в деревне в 1917 г. 26 февраля 1917 года он делает запись в дневнике: «Вся политика и государственность теперь выражаются одним словом «хлеб». Как в начале, вся жизнь государства была в слове «война», так теперь в слове «хлеб»! Наступили великие и страшные дни» [2, с. 94–95].

В это время родина предстаёт писателю как абсолютно «неизвестная земля» с «народом сфинксом». В мае 1917 года в дневниковых записях ощущается усталость от речей и ораторов: «Вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает, и вся Россия – сплошной митинг людей... Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет: жизнь интересная. Время такое головокружительно быстрое, кажется, всё куда-то летит... Новое страдание, новый крест для народа русского я смутно чувствовал ещё раньше, неминуемо должен прийти, чтобы искупить – что искупить?..» [2, с. 99]. Больше всего тревожит писателя разрушение личного творческого потенциала, ведь новая соборность, называемая большевиками коллективизмом, имеет смысл при наличии утончённо духовной целостной личности, но об этом пока нет и речи. А ведь строительство новой жизни с обезличенными, малообразованными людьми невозможно. В дневнике 1917 года появляется молитва: «Господи, помоги мне всё понять и ничего не забыть, и ничего не просить!» [2, с. 393].

Видя, что никакие новые формы жизни не могут появиться при митинговой активности и разрухе, М. М. Пришвин замечает: «Изменяются слова и форма, сущность остаётся совершенно одинаковой ... Россия движется к гибели, и явно нелепы все эти новые учреждения, земельные комитеты, продовольственная управа и всякие другие деревенские комитеты, но что за это время человек стал совершенно другой – это несомненно, нелепо он поступает, нелогично, но психологически он был гражданином» [2, с. 101].

К началу революции Михаилу Михайловичу сорок четыре года. Это возраст, делающий человека способным увидеть и глубоко оценить сущность происходящих событий. Его дневники, наряду с «Окаянными днями» И. А. Бунина, остались самыми достоверными художественными документальными свидетельствами русской смуты двадцатого века.

К октябрьскому перевороту Пришвин отнёсся уже без иллюзий: «День определения положения. Подавленная злоба сменяется открытым негодованием ... (28 октября); Позор, принятый в Думу через большевиков, должен быть искуплён, иначе у нас нет отечества (30 октября); Русский человек перешёл черту, и к прежнему возвратиться ему невозможно. Русский народ погубил цвет свой, бросил крест свой и присягнул князю тьмы Авaddonу» [2, с. 104–105].

В начале 1918 года эсеровская газета «Воля народа» была запрещена, а Пришвин с другими сотрудниками арестован, но вскоре выпущен на свободу. Весну и лето писатель провёл в Хрущёво, откуда осенью был изгнан крестьянами из своего дома. Душевное состояние Пришвина было тягостным, нарастал хаос и ужас перед насилием. Всё чаще он сравнивал происходящее в России с террором Великой Француз-

ской революции. По мнению писателя, революция «нарушила в России равновесие гражданского безразличия, и каждый почувствовал на себе бремя родного безвластия» [2, с. 35].

В том же 1918 году Пришвин полемизировал с блоковским отношением к революции в статье «Большевик из балаганчика», он считал, что, если на Большом суде это заблуждение [революция] простится «бессловесным» из народа, «но у тех, кто владеет Словом, спросят ответ огненный, и слово скучающего барина там не примется» [1, с. 166]. Сопrotивляясь отчаянию, Пришвин делает в дневнике горестные записи: «Преступление Ленина состоит в том, что он подкупил народ простой русский, соблазнил его. Русский народ создал, вероятно, единственную в истории коммуны воров и убийц, под верховным руководством филистеров социализма. Я не примкнул к ним оттого, что видел с самого первого начала насилие, убийство, злобу, и так всё моё сбылось. У них не было чувства жизни, сострадания, и у всех от мала до велика самолюбивый задор – их верховный водитель» [2, с. 137, 176].

Однако интервенция в ходе Гражданской войны и первые победы армии большевиков заставили писателя-государственника иначе оценить партию, взявшую власть: «Я, зритель трагедии русской, уже начинаю в душе сочувствовать бешеным нашим революционерам» [1, с. 180]. И Пришвин не был одинок в этих настроениях, больше половины офицеров царской армии перешли на сторону большевиков, чтобы сохранить целостность страны.

В 1919 году, возвратившись в свой родной город Елец, М. М. Пришвин работал сначала библиотекарем, а потом учителем географии и краеведения (шкрабом) в Алексино.

Сложно и постепенно Пришвин строит своё смысловое пространство, обретает свою нишу. Он пишет: «Пусть всё гибнет, что подлежит гибели и что хочет гибнуть, это гибнет частное, я отделяюсь от него и прославляю жизнь. Я не нуждаюсь в богатстве, славе, власти, я готов принять крайнюю форму нищенства, лишь бы остаться свободным, а свободу я понимаю как возможность быть в себе...» [2, с. 114]. Для Пришвина родина и власть навсегда разойдутся, перед своим первым уроком он заметит: «Так наша родина Россия, если мы узнаем её географию, станет для нас отечеством» [2, с. 119]. Он убеждён, что «искусства не бывает во время революции». Спустя какое-то время, споря с самим собой, напишет: «Я был, как вся огромная масса русского народа, врагом плохого царя, но, кажется, не царя вообще.

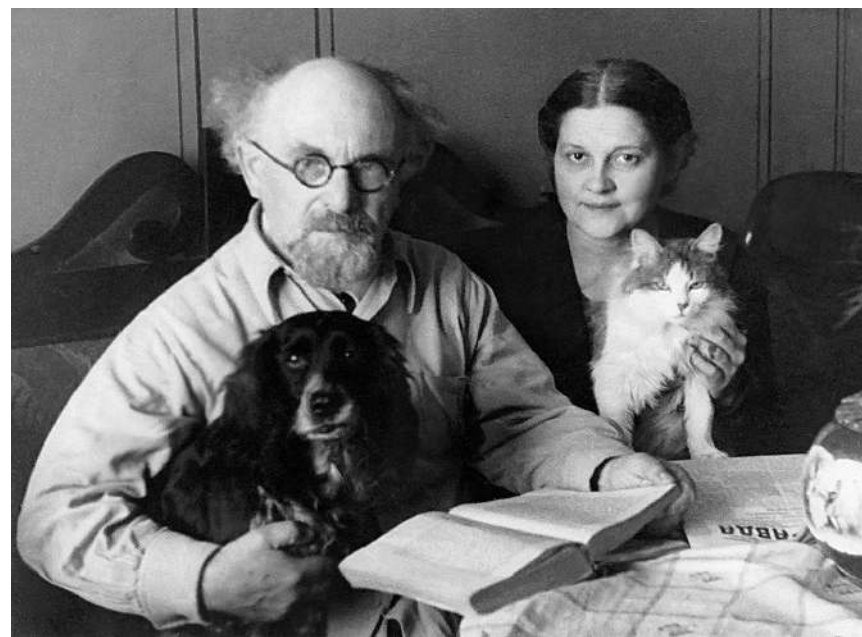

Часто приходит в голову, что почему я не приемлю эту власть, ведь я вполне допускаю, что она, такая и никакая другая, сдвинет Русь со своей мёртвой точки, я понимаю её как необходимость. Да, это всё так, но всё-таки я не приемлю...» [2, с. 211].

Несмотря на то, что путь развития России, выбранный в 1917 году, Михаил Михайлович Пришвин до конца жизни считал тупиковым (см. повесть «Мирская чаша», 1922 г.), писатель создал свою особую нишу, позволяющую ему сохранить внутреннюю творческую свободу. В самые тяжёлые 1920-е–1930-е годы он создал вершинные произведения своей философской прозы («Журавлиная родина», «Кашеева цепь»), а творческой лабораторией этого типа прозы оказался его дневник, в котором одинокий мыслитель творил жизненную легенду и рефлексировал над собственным творческим путём.

Основные источники

1. Варламов А. Н. Пришвин: жизнь замечательных людей – Москва / А. Н. Варламов: Молодая гвардия, 2003. – 848 с.
2. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. – Москва: Художественная литература 1986.
3. Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. – Москва, 1982–1986.
4. Пришвин М. М. Дневник Т. 4. – Москва, 1991–1999.
5. Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге» Из дневников 1931–1952 // Наше наследие. – 1990. – № 2.
6. Дворцова Н. П. М. Пришвин и русская религиозно-философская мысль XX в. / Н. П. Дворцова. – Тюмень, 1993.

«СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ...»

Арина Абросимова

*И звучно падает в пределы неземные
песнь каждая моя...
В. Набоков*

На Большой Морской улице Санкт-Петербурга, недалеко от помпезной площади Исаакиевского собора стоит, на первый взгляд, неприметный дом под номером 47, но внимательного прохожего обязательно остановит памятная доска с именем Владимира Владимировича Набокова. Писатель с мировым именем, один из ярчайших представителей русской литературы, изгнанник поневоле именно здесь родился и прожил первые 18 лет: «Был я трудный, своенравный, до прекрасной крайности избалованный ребёнок (балуйте детей побольше, господа, вы не знаете, что их ожидает!...)».

Всё, что впитал в себя в этих стенах Набоков, не только сформировало его личность и мировоззрение, но осталось с ним навсегда, так или иначе отразившись в творчестве. В книге воспоминаний «Другие берега» он признается: «Допускаю, что я не в меру привязан к самым ранним своим впечатлениям; но как же не быть мне благодарным им? Они проложили путь в сущий рай осязательных и зрительных

откровений... Загадочно-болезненное блаженство не изошло за полвека, если и ныне возвращаюсь к этим первичным чувствам. Они принадлежат гармонии моего совершеннейшего, счастливейшего детства, – и в силу этой гармонии они с волшебной лёгкостью, сами по себе, без поэтического участия, откладываются в памяти сразу перебелёнными черновиками. Привередничать и корячиться Мнемозина начинает только тогда, когда доходишь до глав юности...».

Год рождения Владимира Набокова – последний в XIX веке, своеобразное затишье перед бурей геополитических катаклизмов и войн. Аристократ, последний представитель Серебряного века, виртуоз русского слова, он стал свидетелем и летописцем трагедии, расчленившей и его семью, и всё бытие на «до» и «после». Дальнейшая жизнь скитальца прошла на чужбине – в Германии и Франции он снимал комнаты и скромные квартиры, в Америке арендовал дома у коллег по университету и терпел «гнусный гнёт очередного новоселья, невозможность жить на глазах у совершенно чужих вещей». Но «другой» дом себе принципиально не покупал, отшучиваясь: в доме должны быть старые слуги, а, если купить его сейчас, то слуги не успеют постареть...

С 1961 года, последние 16 лет он жил с женой Верой и сыном Дмитрием в фешенебельном отеле «Montreux Palace», напомиравшем ему питерскую «Асторию», что в двух шагах от Большой Морской. Сейчас его номер на шестом этаже носит имя Набокова. Писатель скончался 2 июля 1977 года, похоронен в швейцарской провинции, на кладбище в Кларане.

КОНЕЦ ЮНОСТИ

В шедеврах литературы – романах «Дар» (1938) и «Другие берега» (1954) – Набоков восхищает читателей безграничными возможностями своего родного языка как сохранённым культурным достоянием России и даёт аутентичный источник информации о масштабной катастрофе, навсегда изменившей привычный мир: «...у нас был на Морской (№ 47) трёхэтажный, розового гранита особняк с цветистой полоской мозаики над верхними окнами ... а существует ли он теперь – не знаю...». Он отнюдь не играет с пространством и временем, но, подобно фокуснику, достаёт из бездонного цилиндра несметные сокровища. Самое раннее литературное обращение Набокова к себе прежнему – в камерной и малоизвестной вещице, которая так и не была им опубликована, пережила автора, затерявшись в его бумагах на долгие... 90 лет!

Зимой 1923 года в Берлине вышли два его стихотворных сборника – «Гроздь» и «Горний путь», а в марте – «Аня в Стране чудес», набоковский перевод на

русский язык «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, но созданная тогда же поэма «Юность» увидела свет лишь в 2012 году благодаря счастливому случаю.

Преподаватель русской литературы из Нью-Йорка, исследовательница поэзии Набокова Марина Минская обнаружила в так называемой «Коллекции Берга», хранящейся в Публичной библиотеке Нью-Йорка, архив В. В. Набокова, который был передан в это собрание сыном писателя в 1992 году. Среди книг и бумаг оказался толстый альбом в чёрном клеёнчатом переплёте, внутри – несколько маленьких альбомов, сшитых вместе. Там содержатся написанные от руки пьесы, стихи, поэмы, черновики за подписью «В. Сирин» – псевдоним молодого Набокова, газетные и журнальные вырезки, переводы из Шекспира, Байрона, Верлена, Мюссе, фотографии, рисунки... Автобиографическая поэма «Юность», написанная «пушкинским» ямбом в 17 стихотворных строфах, сохранилась как в черновике (с авторскими пометками и зачёркиваниями), так и начисто переписанной любящей рукой матери Набокова, Елены Ивановны. Почему же автор не опубликовал её?

Поэтический рассказ о беззаботной петербургской жизни родился при тяжелейших обстоятельствах! Чтобы переждать столичные беспорядки 1917 г., Набоковы 15 ноября уехали в Крым, взяв с собой вещей лишь на несколько месяцев. Полтора года жили в Гаспре, на даче графини Паниной, а в апреле 1919 г. через Грецию отправились в Лондон, где работал один из братьев Владимира Дмитриевича – Константин. Но жизнь там оказалась слишком дорогой, и политэмигранты Набоковы, в числе почти 200 тысяч русских эмигрантов, обосновались в Берлине, оживлённом центре русской диаспоры. Только их старший сын Владимир, поступив в Тринити-колледж при Кембриджском университете, впервые разлучился с семьёй. Между занятиями он нашёл возможность основать Славянское общество, переросшее в Русское Общество Кембриджского университета.

Представители высшего света Российской империи теперь жили весьма скромно. Отец семейства брался за любую работу, редактировал русскую газету «Руль», переводил с английского языка переписку Николая II с женой, но не успел завершить... В марте 1922 года в здании Берлинской филармонии, на лекции Павла Милюкова «Америка и восстановление России» черносотенцы-монархисты совершили на лектора покушение, и заступившийся за соратника 52-летний Владимир Дмитриевич Набоков был убит тремя выстрелами в спину...

Закончивший учёбу Володя снова жил с семьёй, скромно зарабатывая уроками английского языка, публикациями рассказов и стихов в местных издательствах русских эмигрантов. Позже, в романе «Дар» он напишет: «Вот он, особенный, редкий, ещё не описанный и не названный вариант человека, занимается Бог знает чем, мчится с урока на урок, тратит юность на скучное и пустое дело, на скверное преподавание чужих языков, – когда у него свой, из которого он может сделать всё, что угодно – и мошку, и мамонта, и тысячу разных туч...».

Его помолвку со Светланой Зиверт в начале 1923 года отменили её родители, ведь у жениха не было стабильной работы. В том же году, 8 мая, на балу-маскараде Володя познакомился с петербурженкой, дочерью лесопромышленника Верой Слоним и сразу влюбился. Забегая вперёд, скажем, что поженились они в 1925, в 1937 уехали во Францию, спасаясь от фашистских проявлений, в 1940 г. по той же причине – в Америку, в конце 1950-х – снова в Европу... Но в те роковые 1920-е страшно представить, как вынес молодой человек атаку ошеломляющих событий!

СМЕЯЛСЯ БОГ ЛЮБОВНО

Романтическая «Юность» написана словно набегу, эскизно – автор выхватывает отдельные «кинокадры» и склеивает их, как сейчас говорят, «клиповым» коротким монтажом: «Дом был у нас душистый и счастливый: \ кварц искрился сквозь розовый гранит, \ Мозаика цвела над верхним рядом \ высоких окон. Просыпаюсь. Чадом \ седым дышит день медленный. Звенит \ в висках от вспышки лампы; заблестели \ китайских птах янтарные хвосты \ на деревянной ширме у постели. \ В окне встают из серой темноты, \ потягиваясь, призрачные трубы. \ Горячий сон ещё целует в губы, \ часы хрипят и бьют... Встаю, встаю... // Так просыпаться буду я в раю, \ где душу встретят просто и радиво, \ где всё найду, чем жил я на земле, \ той лампы свет, те трубы в серой мгле. \ Рай как стихи: ведь это ли не диво, \ что для стиха семь лет я сберегал \ тот свежий миг, когда, пофырвав в ванне, \ я по широкой лестнице сбегал?...».

Отворив тяжёлую дверь под изящным козырьком, соседствующую с арочным въездом во двор особняка, и переступив порог давно опустевшего и **по-музейному тихого дома № 47 по Большой Морской улице**, можно представить будни счастливых домохозяев. Конечно, вас не встретят в прохладном вестибюле учтивые лакеи в синих ливреях, вы не отразитесь в высоких зеркалах, не подарите очаровательной хозяйке дома её любимые ландыши, а отцу семейства – васильки, которые им приносили гости в дни именин и рождений, и одинокие звуки здесь гулко тонут, как в колодце... Но над входной дверью – разноцветные ромбы витража, как в романе «Смотри на арлекинов!», и солнце по-прежнему играет на лестничной белизне. Стены вестибюля облицованы искусственным мрамором: в основной цвет «слоновой кости» ритмично инкрустированы желтоватые вставки. Ажурная лента чугунных перил на лестнице, как и все металлические украшения дома, включая держатели флагов на фасаде и ограждение на крыше, отлита на заводе Карла Винклера – там же изготовлена уникальная ограда Михайловского сада!

В окнах второго этажа, выходящих с лестницы во двор, чудом сохранились, пережив революцию, блокаду, перестройку, арабески великолепного витража – упомянутая в «Юности» мозаика цветёт и поныне! Яркий орнамент выполнен на млечном матовом фоне в сложной паечной технике: свинцовой оправой спаиваются разноцветные кусочки стекла, предварительно расписанные огнеупорными красками и обожженные. Это изделие знаменитой фирмы Эрнста Тоде в Риге – в правом нижнем углу стоит знак подлинности марки. Вид парадной лестницы не изменился со времен Набоковых, но 1-ый «семейный» этаж, 2-ой «родительский», 3-ий «детский» соединяло когда-то чудо техники. «В нашем петербургском особняке был небольшой водяной лифт, который всплзал по бархатистому каналу на третий этаж вдоль медленно спускавшихся подтёков и трещин на какой-то внутренней желтоватой стене, странно разнящейся от гранита фронтона, но очень похожей на другой, тоже наш, дом со стороны двора, где были службы и сдавались, кажется, какие-то конторы, судя по зелёным стеклянным колпакам ламп, горящих среди ватной темноты в тех скучных потусторонних окнах». В «Других берегах» Набоков знакомит читателя со своим «единственным в мире домом», до мельчайших подробностей восстанавливая, перенося на бумагу для истории лица, голоса, характеры, судьбы...

О себе, ещё не родившемся, он рассуждает в третьем лице: «С томлением, прямо паническим, просматривая домашнего производства фильм, снятый за месяц до его рождения, он видел совершенно знакомый мир, ту же обстановку, тех же людей, но создавал, что его-то в этом мире нет вовсе, что никто его отсутствия не замечает и по нём не горюет. Особенно навязчив и страшен был вид только что купленной детской коляски, стоявшей на крыльце с самодовольной косностью гроба...». Это «home video» снималось в марте, а 10/23 апреля 1899 года в будуаре Елены Ивановны явился на свет первенец: «Я там родился – в последней (если считать по направлению к площади, против нумерного течения) комнате, на втором этаже». Матери было 24 года, отцу – 30 лет. Через год у них родился Сергей, потом – Ольга и Елена, а когда на свет появился Кирилл, 12-летний Володя стал его крёстным.

У всех детей были няни и гувернёры с гувернантками – «у нас мальчики и девочки воспитывались совершенно отдельно, как в старину», кроме того, няня и гувернантка их прекрасной во всех отношениях мамы, Елены Ивановны, продолжали жить

в её семье. В наследство ей досталось небольшое собрание живописи, а что-то она покупала сама – Лев Бакст, Александр Бенуа, Мстислав Добужинский были вхожи в этот гостеприимный дом. Набоков пишет: «... с десяти лет и до пятнадцати мне давали уроки ... сперва известный Яремич, который заставлял меня посмелее и порасплывчатее, «широкими мазками», воспроизводить в красках какие-то кое-как им слепленные из пластилина фигурки; а затем – знаменитый Добужинский, который учил меня находить соотношения между тонкими ветвями голого дерева, извлекая из этих соотношений важный, драгоценный узор, и который не только вспоминался мне в зрелые годы с благодарностью, когда приходилось детально рисовать, окунувшись в микроскоп, какую-нибудь ещё никем не виданную структуру в органах бабочки, но внушил мне кое-какие правила равновесия и взаимной гармонии, быть может пригодившиеся мне и в литературном моём сочинительстве».

В автобиографии Набоков назвал 1 этаж своего дома «*piano nobile*» – бельэтаж – там сейчас и расположена музейная экспозиция, два верхних этажа занимает музыкальная школа, где сделан современный ремонт. В поэме «Юность» Володя радостно сбегает с лестницы, мчась через гостиную и столовую туда, где его отец занимается с известным тренером Лустало боксом. «И был урок звенящий фехтованья, \ в библиотечной, в палевом луче, \ где спали книги в кожаной парче, \ а в каждой книге – сладостная муза. \ “Battez, battez”, – гремит басок француза. \ Я помню плечи моего отца, \ скрещённых шпиг мерцательную пляску. \ Как он сиял, решетчатую маску \ сняв с потного весёлого лица... \ Но мне пора. С Морской на Моховую \ лечу, перегоняя рыскаков. Я помню всё: Петрову длань живую, \ смертельный свист под бронзою подков... \ Летят мосты, летят лепные стены, \ и мчит меня рыдание сирены, \ шипенье шин по царственным торцам...».

В престижное Тенишевское училище на Моховой улице, д. 33–35, Володю ежедневно доставлял семейный автомобиль. Во внутреннем дворе особняка и сейчас есть массивные гаражные ворота, за которыми стояли когда-то три модных и баснословно дорогих автомобиля – Мерседес, Опель и Роллс-Ройс. Но как истинный аристократ, Володя не хвастлив, а где-то и самоироничен: «Я помню всё: особый запах школьный, \ чуть пыльный – да – и двор прямоугольный... Был каменный бассейн в оранжерее, \ соединявший аркою сквозной \ два корпуса училища. Жирея \ в густой воде под тиною сплошной, \ блаженно жили рыбки золотые. \ Раз, на пари, вскочил я на крутые \ края бассейна и – в чём был – бултых. \ \ Перепугал я рыбок зо-

лотых! \ Как водяной, я вылез. Воспитатель \ стоял в дверях. На миг застыли мы: \ я в тине весь, а он – темнее тьмы. \ И вдруг я улыбнулся – так некстати. \ Дверь хлопнула, но знал я с торжеством, \ что понял он скользнувшую улыбку... \ Вот вымок я! В кармане боковом \ нашёл я рот разинувшую рыбку. \ Ведь так: просты поэты и не злы, \ им мелочи нелепые милы. \ И, мир творя, смеялся Бог любовно».

Обаятельный озорник и футболист спешит на любимый урок русской речи, который ведёт его классный наставник, а «по совместительству» – первый русский декадент, поэт-символист, литературовед Владимир Васильевич Гиппиус, один из псевдонимов которого – Вл. Бестужев: «...ты в громовые ямбы улетал, за пламенем выплевывая пламя, ты буйственно нам Пушкина читал \ Благодарю, благодарю, Бестужев! \ В моих стихах, в моей певучей стуже \ волнуется сутулый твой огонь». Десятью годами ранее, в 1907 из училища выпускались также испытавшие влияние Гиппиуса будущий лингвист, ахматовед, академик АН СССР Виктор Жирмунский и поэт Осип Мандельштам, который в воспоминаниях «Шум времени» изобразил своего учителя, а в «Египетской марке» написал: «...В Тенишевском были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что дети на портретах Серова». Сейчас там располагается Учебный театр «На Моховой» Российского государственного института сценических искусств.

И какая же юность без любви! В лирических строках поэмы – «Ах, наше счастье зябкое сидело \ на всех скамьях в Таврическом саду. \ Сиял мороз. Когда ты целовала, \ мне жаркой мутью душу обдавала, \ а после – снег сиял ещё синей» – он скрыл имя «дамы сердца», которой была Валентина Шульгина, погибшая в годы Гражданской войны. И в первом своем романе «Машенька» (1926) он также отдал дань той любви. Хранят эти строки запахи, картинки, звуки, вкусы – все чувства юного автора! В «Других берегах» возмужавший автор утверждает: «Всё так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрёт...».

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДОМ

В конце 1730-х, после опустошительного пожара в Морской слободе проложили новые улицы – Большую и Малую Морские, все новые дома строили быстро и однотипно. Первым владельцем одноэтажного, с высоким подвалом дома в семь окон был член соляной комиссии Маслов, его сын продал дом братьям Рознотовским, занимавшимся издательским делом, они – Каролине Походяшиной, сестре будущего директора Царскосельского лицея фон Энгельгардта. Из рук в руки переходил этот дом, но имена владельцев – как на подбор: «русский Монте-Кристо» граф Валицкий, жена князя Юсупова, семья Хитрово, граф Лобанов-Ростовский, князь Суворов – внук великого полководца, которому достались многие титулы деда, но и сам он занимал важные государственные посты, в том числе, – военного губернатора Петербурга. В 1887 году знаменитый банкир и барон Штиглиц, построивший художественное училище, подарил этот дом своей приёмной дочери Надежде

Михайловне Июневой – её считали внебрачной дочерью великого князя Михаила Павловича. Она вышла замуж за сенатора Половцова, председателя Русского исторического общества, владельца дома напротив, через улицу, под номером 52 – там сейчас находится Союз архитекторов.

В 1902 году, после ремонта, у дома появился 3 этаж, но для сохранения отделки первых двух работали необычным способом: старую кровлю демонтировали только после возведения новых стен и крыши. Облицовку выполнили из светло-серого песчаника, но 1 этаж и наличники 2 покрасили в красный цвет. По верху фасада выбили монограмму «ЕН» – Елена Набокова, цветную мозаику выполнили в мастерской лучшего петербургского мозаичиста Фролова, который делал храм Спаса-на-Крови и здания Общества Поощрения Художеств по Большой Морской улице, 38.

Когда здесь забила ключом новая жизнь многодетной семьи, маленький Володя воспринимал свой великолепный дом каким-то особенным образом. Да, здесь всё было красиво, удобно и продумано, но в детском понимании каждый предмет жил своей жизнью, и это нужно было почувствовать, заметить, чтобы, спустя много лет, потеряв всё это в реальности, продолжать любить и помнить. Лучше всего постигать многогранное пространство мальчик мог в одиночестве, когда вечерами «приходил камердинер, звучно включал электричество, неслышно опускал пышно-синие шторы, с перестуком колец затягивал цветные гардины и уходил. Крупное тиканье степенных стенных часов с медным маятником в нашей классной ... Покинув верхний, «детский», этаж, я лениво обнимал лаковую балюстраду и в мутном трансе, полуразинув рот, соскальзывал вдоль по накалявшимся перилам лестницы на второй этаж, где находились апартаменты родителей ... Обычно они в это время отсутствовали – мать много выезжала, отец был в редакции, – и в сумеречном оцепенении его кабинета ... собравшиеся в полутьме знакомые предметы сознательно и дальновидно стремились создать тот определённый образ, который у меня теперь запечатлён в мозгу; эту тихую работу вещей надо мной я часто чувствовал в минуты пустых, неопределённых досугов. Часы на столе смотрели на меня всеми своими фосфорическими глазками...

Дом Набокова на Большой Морской, 47

ЕСТЬ СОЛНЦЕ – БУДУТ И БАБОЧКИ

После отъезда Набоковых из Санкт-Петербурга, в 1918 дом занял военный комиссариат Адмиралтейского района, в 1922–1935 гг. – Большое северное телеграфное агентство и общежитие для его датских сотрудников, в 1948–1959 гг. размещённый здесь Ленинградский филиал Академии архитектуры значительно изменил интерьеры и планировку. Потом 1 этаж занял Цензурный комитет – Управление по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, а верхние этажи – Управление бытового обслуживания. В 1990 году 1 этаж отдала Комитету по организации книжных ярмарок, верхние этажи через год заняла редакция газеты «Невское время», и возникла мысль о музее писателя, который появился по частной инициативе лишь в апреле 1998 года, к 100-летию Набокова, и первое 10-летие считался «негосударственным учреждением культуры». В 2008 на его основе при Факультете филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета был образован «Музей Владимира Владимировича Набокова». Кроме него, в здании располагаются Набоковский фонд, а на двух верхних этажах – Санкт-Петербургская детская школа искусств имени Д. С. Бортнянского.

В отсутствии господ роскошный дом стали потихоньку разворовывать, ведь слуги и раньше умудрялись плутовать – их у Набоковых было более полусотни! Теперь же одни сотрудничали с новой властью – на 2 этаже «был тайничок с материнскими драгоценностями: швейцар Устин лично повёл к нему восставший народ через все комнаты в ноябре 1917 года». А другие берегли хозяйские вещи «до лучших времен» – ведь и сами Набоковы предполагали вернуться: камердинер Владимира Дмитриевича Осип спрятал у себя их велосипеды.

Больше года, без жалования, за домом присматривал его управляющий Иосиф Павлович Дорзеник, но при национализации ему с семьёй пришлось уйти. Спустя годы его дочь, часто игравшая в детстве вместе с младшими Набоковыми, передала в музей вещи, подаренные господами её отцу. Эксклюзивные экспонаты лично передал в музей Дмитрий Владимирович Набоков. В собрании есть пиджак, ботинки, семейный альбом, индексные карточки с рабочими заметками, сточенные карандаши с резиновыми наконечниками, в футляре – пенсне с чёрным шнурком вместо цепочки, волшебный фонарь «фантаскоп», с помощью которого устраивались в доме Набоковых сеансы с тематическим чтением вслух, шахматная доска, интеллектуальная игра в слова Scrabble, уникальная коллекция первых изданий с автографами писателя, нарисованные Набоковым для жены бабочки... И главный предмет для охоты на бабочек – сачок: «...с кисейным сачком в руке я исходил и стройным ребёнком в соломенной шляпе, и молодым человеком на верёвочных подошвах, и пятидесятилетним толстяком в трусиках», при этом «исключив родителей, вспоминая по отношению к моим бабочкам только непонимание, раздражение и глум».

В доме даже была печь, изразцы которой собственноручно сделал юный энтомолог с рисунками бабочек! Он вспоминал: «...есть солнце – будут и бабочки. Началось всё это, когда мне шёл седьмой год, и началось с довольно банального случая. На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона – до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное, бледно-жёлтое животное в чёрных и синих ступенчатых пятнах, с попугаячьим глазком над каждой из парных чёрно-палевых шпор».

Трогательный момент: когда его отец сидел 3 месяца в тюрьме за политическую деятельность, 8-летний Володя привёз на свидание с ним живую бабочку. Именно отец первым привлёк внимание старшего сына к крылатым насекомым, и это увлечение длилось всю его жизнь: несколько научных экспедиций, целый ряд статей, кураторство над лабораторией в Гарварде, открытие 20 новых видов бабочек! В Швейцарии Набоков много лет работал, но не успел закончить две книги – «Бабочки Европы» и «Бабочки в искусстве».

Энтомологическая коллекция, составленная из даров Зоологического института РАН и музея Сравнительной зоологии Гарвардского университета, – бабочки, собранные в 1940–1950-е самим Набоковым. Она экспонируется в помещении бывшей библиотеки, откуда в 1918 году наиболее ценные предметы искусства и книги Набоковых забрали в Государственный музейный фонд. Потом художественная часть ушла в музей, а книги – в РНБ, столичные и региональные библиотеки, где они могут находиться до сих пор. Большую часть собрания продали зарубежным коллекционерам. Набоков часто находил экземпляры с эклибрисом своей семьи у букинистов, в библиотеках, а в Нью-Йоркской Публичной библиотеке обнаружил «экземпляр каталога отцовских книг, который был отпечатан ещё тогда, когда они стояли, плотные и полнокровные, на дубовых полках, и застенчивая старуха-библиотекарша в пенсне работала над картотекой в неприметном углу».

Тот каталог составил опытный библиотекарь Лев Гринберг, и это более 10 000 томов: книги на русском, английском, французском и немецком языках – по право-

ведению, истории, естественным наукам, художественная литература, в основном XIX века. В 1910-е начинающий поэт Володя Набоков пополнял семейное собрание сборниками современной поэзии. Он писал: «... приятно совмещались науки и спорт: кожа переплётов и кожа боксовых перчаток. Глубокие клубные кресла с толстыми сиденьями стояли там и сям вдоль книгами выложенных стен. В одном конце поблескивали штанги выпященного из Англии пунчинг-бола – эти четыре штанги подпирали крышеобразную лакированную доску, с которой висел большой, грушевидный, туго надутый кожаный мешок для боксовых упражнений...».

На чужбине у семьи скитальцев было крайне мало взятых из этой жизни вещей. Набоков особо отмечает высокий чемодан «из свиной кожи, с замысловато перевитыми инициалами “Е. Н.”, купленного в 1897 году для свадебного путешествия моей матери во Флоренцию». В 1917 году Набоков перевёз из Санкт-Петербурга в Крым, а оттуда в Лондон в нём горсть драгоценностей, чемодан был с писателем до конца жизни во всех поездках – от Праги до Парижа, от Сен-Назера до Нью-Йорка. «То, что от нашего русского наследства уцелел лишь чемодан, и логично и символично». Второй предмет – складная резиновая ванна. У каждого члена семьи была такая, но из дома её взял с собой только Володя, и она стала для него незаменимой в грязных пансионах Франции и Германии...

МАЯТНИК И ШАТЁР

За фигурой великого писателя, упускается из виду, что этот дом связан с зарождением русской революции, которая, собственно, на примере семьи и соратников В. Д. Набокова в дальнейшем «пожирала своих детей». Сам Владимир Дмитриевич – один из идеологов, основателей и руководителей Конституционно-демократической партии (другое название «Партия народной свободы»), соредатор ежедневной партийной газеты «Речь», позже – депутат 1 Государственной думы, убеждённый противник сословной дискриминации. Февральская революция 1917 года – плод усилий, в том числе, и Набокова. Он стал секретарём Временного правительства при Александре Керенском и так много сделал за несколько месяцев для страны,

что его называли «министром без портфеля». Однако летом он добровольно покинул свой пост... А начиналось всё именно в этой гостиной, где 8 ноября 1904 года состоялось заседание знаменитого земского съезда с подписанием резолюций, содержащих конституционные требования – после чего её стали называть «комитетской».

Старший сын аристократа-демократа в «Других берегах» рассказывает: «Заседания часто происходили у нас в доме, и о том, что такое заседание должно было состояться, всегда говорило доносившееся из швейцарской жужженье особого снаряда, несколько похожего на зингеровскую машину, с колесом, которое за ручку вращал швейцар Устин, занимаясь бесконечной очинкой „комитетских“ карандашей... Но, по-видимому, постоянная нудная работа над этими красивыми карандашами незаметным образом повлияла на его нрав, до того его внутренне озлобив, что он, как впоследствии выяснилось, поступил на службу в тайную полицию и состоял в прибыльном контакте с безобидными, но надоедливими шпиками, всегда вертевшимися в соседстве нашего дома...».

Около восьми вечера в распоряжение Устина поступали многочисленные галоши и шубы. Похожий несколько на Теодора Рузвельта, но в более розовых тонах, появлялся Милюков в своем целлулоидовом воротничке, И. В. Гессен, потирая руки и слегка наклонив набок умную лысую голову, вглядывался сквозь очки в присутствующих. А. И. Каминка, с иссиня-чёрными зачёсанными волосами и выражением предупредительного испуга в подвижных, круглых, карих глазах, уже что-то жарко доказывал однопартийцу. Постепенно переходили в комитетскую рядом с библиотекой. Там, на тёмно-красном сукне длинного стола были разложены стройные карандаши, блестящие стаканы, толпились на полках переплетённые журналы, и стучали маятником высокие часы с вестминстерскими курантами...».

Любознательный мальчик тогда не смог бы и догадаться о том, что за дверьми этой важной комнаты представительными гостями решается и его судьба, и будущее его страны, и «маятник» запущен. Конечно, можно говорить, что всё у него в жизни замечательно сложилось – редкий талант, счастье в любви, успех и признание, материальное благополучие. Но грусть в глазах этого красивого и неприкаянного человека – бездонна...

В статье «К десятой годовщине октябрьского переворота 1917 года» Набоков пишет: «...я не жалею, в буржуазном отчаянии, потери имени, дома... Мы верны России не только так, как бываешь верен воспоминанию, не только любим се, как любишь убежавшее детство, улетающую юность, – нет, мы верны той России, которой могли гордиться, России, создавшейся медленно и мерно и бывшей огромной державой среди других огромных держав... Мы верны её прошлому, мы счастливы им, и чудесным чувством охвачены мы, когда в дальней стране слышим, как восхищённая молва повторяет нам сыздетства любимые имена. Мы – волна России, вышедшей из берегов, мы разлились по всему миру, – но наши скитания не всегда бывают унылы, и мужественная тоска по родине не всегда мешает нам насладиться чужой страной... И хотя нам сейчас ясно, сколь разны мы, и хотя нам кажется иногда, что блуждают по миру не одна, а тысяча тысяч Россией, подчас убогих и злобных, подчас враждующих между собой, – есть, однако, что-то связующее нас, какое-то общее стремление, общий дух, который поймет и оценит будущий историк... В той особенной России, которая невидимо нас окружает, живёт и держит нас, пропитывает душу, окрашивает сны, – нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести... Наше рассеянное государство, наша кочующая держава этой свободой сильна, и когда-нибудь мы благодарны будем слепой Клио за то, что она дала нам возможность вкусить этой свободы и в изгнании пронзительно понять и прочувствовать родную нашу страну... мы празднуем десять лет презрения, верности и свободы. Не станем же пенять на изгнание. Повторим в эти дни слова того древнего воина, о котором пишет Плутарх: “Ночью, в пустынных полях, далече от Рима, я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом”...»

Музей Владимира Набокова
Фото к статье из интнет источников

ЧИТАЯ РАССКАЗЫ ГАЛИНЫ КУДРЯВСКОЙ

Вадим Физиков

Моё знакомство с творчеством Г. Б. Кудрявской началось с её лирики. Стихотворные пробы пера («Чистый свет», 1987, «Терпение», 1991, «Предстояние», 1996) я успел оценить в устных выступлениях на первых презентациях книг, а когда вышли ёмкие и цельные по интонации «Печаль моя заступница» (2004) и следом – «Свет осени» (2005), я старался откликнуться рецензиями на каждый новый поэтический сборник. Проза Галины Кудрявской, начавшись школьными сочинениями-эссе, создавалась параллельно со стихами, но книги повестей и рассказов публиковались позднее лирических («Аз есмь» (2000), «Варварин дом» (2004), «Сиянье дня» (2007), «Поймать ветер: стихи, поэмы, повести, рассказы» (2010)). Г. Б. Кудрявская признавалась не только мне: её прозаическое слово всегда имеет живую жизненную основу, опираясь на непосредственные впечатления. Она любила собирать в памяти про запас реальные истории людей, свойства их характеров, неожиданные повороты жизненных и психологических ситуаций, запоминала лица прохожих, соседей, своеобразные словечки их речи...

О пронзительных сюжетах автобиографических повестей Галины Кудрявской я написал сразу после появления их в печати. А рассказы она печатала меньше и чаще – в дополнение к стихам. А самую крупную публикацию её рассказов в книге «Где длится жизнь...» [1] я пропустил. Автор меня не одарила, а книжные магазины произведениями омских авторов давно уже не торгуют. Так что книга попала мне в руки из библиотечного абонемента спустя почти десять лет после публикации. Она ценна ещё и тем, что содержит две сопровождающие статьи о творчестве автора: всту-

пительную статью И. Б. Гладковой и блестяще написанную обзорную статью профессора М. С. Штерн. Мне оставалось найти свой подход к лучшим рассказам Кудрявской, которые представляются мне наиболее значимыми в её жанровом богатстве. А оно по-настоящему впечатляет: философский очерк, рассказ-эссе, зарисовка, психологический этюд, новелла, притча...

Рассказ – «эпически спокойное повествование с естественно развивающимся сюжетом» [2]. У Галины Кудрявской разговорная манера изложения, где в качестве повествователя выступает всезнающий автор, который по большей части строит рассказ на основе реальных жизненных событий, ставших ему известными в персональном опыте или пережитых лично. Отсюда в прозе писательницы такая приближенность к иллюзии устной речи в самом точном смысле слова. Однако рассказы Кудрявской не являются простым зеркальным отражением только произошедшего в жизни. Автор может с него начать, но её художественный вымысел проявляется на поле сюжета, разгадывания характеров, поступков, чувств и мыслей персонажей, отбора выразительности необходимых для ситуации деталей...

В качестве примера того, как это происходит, приведу превосходный психологический рассказ «Самая красивая женщина» [1, с. 269–276]. Его героиня, тридцатилетняя девушка Нина, лаборантка из поликлиники, очень озбочена явными недостатками своей внешности. Она встречает в городском автобусе слепого инвалида, который торгует новыми газетами и журналами. Завязка события, безусловно, взята из буден городской жизни – многие из нас видели и видят в омском транспорте этого большого красивого человека с набитой свежей прессой сумкой, грузно сваливающейся с его широкого плеча. И фраза, которую услышала Нина от него в ответ на свою похвалу: «Спасибо, самая красивая женщина», – прозвучала не дежурным комплиментом, а стала зачином мучительной и долгой психологической ситуации, давшей содержание ёмкому, глубокому рассказу. Нина и Алексей полюбили друг друга искренним нерастраченным чувством, тайно страдая от того, что жизнь сделала им незаслуженный подарок. Он помнил об инвалидности, а она переживала свою некрасивость. И их душевные боли жили отдельно, пока герои не почувствовали наконец эгоистичности собственного страдания.

Галина Кудрявская умеет показать тонкое понимание развития самой «материи любви» Нины и Алексея. Они открыли красоту друг друга и преодолели замкнутость на своём «я». Они поняли, что есть мир другого и он прекраснее тебя. «Любовь венчает личную жизнь в её индивидуальном значении», – писал А. И. Герцен [3, с. 350]. Они открыли красоту друг друга и преодолели замкнутость на своём «я». Любящее сердце, открывшее для себя более прекрасный, чем ты сам, мир другого человека, преодолевает естественный эгоизм и открывает душе мир всеобщего.

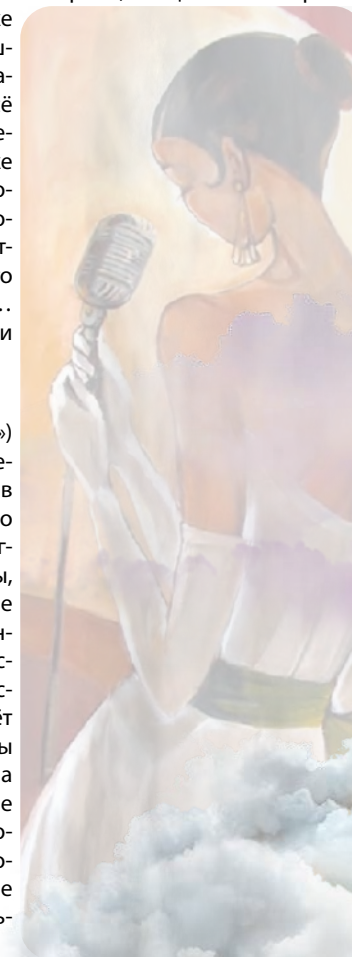

Эпос обычных людей

Большая часть рассказов Галины Кудрявской посвящена людям внешне непримечательным, погружённым в рутину повседневной жизни, работы, семьи... Это рядовые люди, каких среди народа – большинство. Автор умеет увидеть в их жизни и судьбе события, необходимые для сюжета рассказа.

Галину Кудрявскую спасают от соблазнов любовь к живой человеческой душе и вера в то, что в самой тяжкой жизни возможен путь к свету. Вот Мария, героиня рассказа «Побывка», успевшая в шестнадцать лет уже в колонии отсидеть – пшеницы домой в кармане унесла. А теперь мать двух взрослых дочерей и жена непутёвого мужика ненадолго отпущена из туберкулёзной больницы управиться с домашними делами, которых без неё накопилась целая прорва. Вот и вертится она, как нахлёстанная. Надо воды принести, свиней накормить, мужу с сотоварищем-шофёром (и значит, нужным для будущего человеком) стол накрыть, а ещё сесть попрясть, дочерям и их мужьям баню справить, на рынке успеть кое-что продать. Обед сварить, вчерашнее постирать... всю жизнь в работе, утром начинает, к вечеру не закончит... Но всё успеет, всё переделает — довольная, что «жизнь её не пережит». [1, с. 138]. В эпилоге рассказа Мария, уже похоронив мужа, одолевши свои страшные болезни, мыкает горе в семье пьяницы-зятя, вспоминает своё прежнее житьё-бытьё: «И кажется ей, что жизнь была счастливая» [1, с. 138]. Что это – иллюзия в утешение? Как знать, как знать... Но лучик надежды, подаренный девице Марии автором, остался и с нами навсегда.

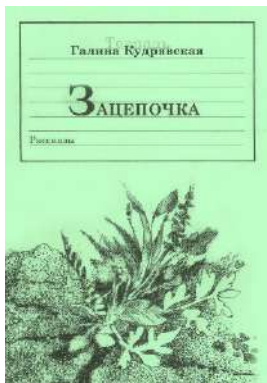
Валька, Валентина Ивановна («Певица, блин...») до пенсии работала санитаркой в больнице, теперь гонит самогонку для «братьев по жизни» в дачной хибаре, слепленной коё-как из досок. Но если рукам на пяти сотках работа найдётся всегда, а вот душа без веры, без счастья, без родины, которая сгинула, – тоскует и плачет, и утешение ей только в песне. Она и напомним об утраченном, и пожалеет – заполнит пустоту и безысходность семейного быта, где бедность и теснота сделали родных чужими. А теперь и поёт во весь голос. Да и забудешься на часок, что ты из крепкой, полнотелой красавицы давно стала «жердя жердей», а «зубы разъехались в разные стороны», и остались от неё только глаза да голос – от Бога. А ещё когда выпьешь помалу, снова, как в молодости, чувствуешь красоту в мире волшебного добром. А тогда... можно жить дальше... «Певица, блин...».

Старуха Александра («Домой») не хочет оставаться в городской благоустроенной квартире дочери: деревенский дом, который они с покойным мужем, её Васечкой, построили своими руками перед самой войной, куда роднее. Да и из города так далеко до кладбища, где ей надо будет лечь рядом с мужем... Автору, как и старой Александре, дорога каждая мелочь её воссоединения с родимым домом. Так не просто исполняется её заветное желание. Она наконец-то обретает желанный последний кров. Автор внимателен ко всем нюансам и деталям возвращения «блудной дочери» домой. И городьбу штакетника Александра погладит рукой, и пыль смахнёт со скамейки, и словно впервые сощурится от яркого солнца, и удивится юной траве, и с молодым воробьём вступит в большой диалог. «Уж так она рада, что радеет не бывает...» [1, с. 292]. Ещё бы: она – дома!

Психологический этюд-новелла со скрыто ироническим заглавием «Жених» – тоже о пожилых людях, оставшихся бобылями после смерти своих «половинок», о тоске надвигающегося одиночества, о неудавшейся попытке его преодоления. Тоня и Михаил когда-то в молодости были дружны, но жизнь их развела, а вот теперь, через сорок лет разлуки, они встретились. Михаил Григорьевич с женой так и не стали родными друг другу. Она смолodu погуливала, форсила, детей они не жили. Да и его при всей смиренности нрава больше тянуло к друзьям, а дома – скандалы и драки. Так в стыде и тянули в разные стороны семейные узы. Да и «редко кто сейчас по-другому живёт» [4, с. 84] – с горечью обобщает автор и находит неотразимые психологические аргументы основательности своего утверждения.

В последней книге рассказов «Зацепочка» (Омск, 2021) есть рассказ «Толпа» о том, как унижительно и постыдно можно потерять человеческое достоинство, поддавшись стадному чувству толпы; промолчать, когда в ней коллективно утверждается несправедливость. Молодые сильные пары, оттиснув на посадке старых и слабых, вальяжно захватывают целые скамейки для свободы шалостей и флирта. Эти молодые люди на привокзальной площадке прогоняют стоящего в очереди на такси армянина, глумясь над ним. Стоящие рядом поддерживают их. Лишь героиня рассказа осмелилась вступить за невиновного. В конце рассказа эта женщина скажет своей дочери: «... Страшно быть не против них, страшно быть заодно с ними» [4, с. 60].

«Инакие» люди

Как же нравственно бедна и неблагополучна современная жизнь в рассказах Галины Кудрявской! Несчастья, распад семей, одиночество взрослых и детей, нищета, мерзостное поведение человека. Это в прозе социалистического реализма было принято писать о конфликте замечательного с хорошим... В 1990-е годы почти с радостью отечественная беллетристика бросилась в другую крайность, стремясь показать всю чёрную изнанку современной жизни. Сострадание в духовном мире Галины Кудрявской всегда вместе с любовью. Как когда-то русский писатель Николай Лесков во «взбаламученной» России середины XIX века, современный литератор находит своих праведников на новом историческом переломе двух тысячелетий,

«инаких» людей, блаженных, как сказали бы в прежние времена. Сюжеты о них мелодраматичны, события, с ними связанные, зачастую особенные, необычные, но это не мешает правде и убедительности их «сентиментального реализма». Очерк-зарисовку типа характера такой «инакой» героини, сохранившей детскую мироучувствования, врождённое, естественное умение радоваться всякому явлению в себе и мире, мы находим в рассказе Кудрявской «Всякое дыхание...». Оленьке всего два года. После купанья она с неподдельным интересом рассматривает себя в зеркале и удивляется: «Всё у меня есть! – Любые проявления жизни вызывали в ней восхищённое удивление» [1, с. 208]. Став взрослой, Ольга Васильевна сохранила это в себе навсегда, хотя и замуж не вышла, и о детях заботилась только чужих, и к смерти относилась без страха, как к проявлению Великой жизни...

Автор любит своих героев и сострадает им. Поэтому находит своих праведников в обыденной жизни. Сюжеты о них мелодраматичны, события, с ними связанные, зачастую особенные, необычные, но это не мешает правде и убедительности их «сентиментального реализма». Героиня рассказа «Лебединая доля» Нинка из Лебедянки могла бы жить обыденной деревенской жизни, но почувствовала себя «из породы лебедей», что она из тех, кто «высоко живёт и так потрясающе умирает» [1, с. 258]. Так рождается её пламенная задушевная страсть, до времени тайная, но поразившая самых близких ей людей. Нинка танцует, прячась от людей, и на старости лет решается поехать на телеконкурс «Минута славы». Её танец потрясает весь зал, даже родной сын не узнаёт её в костюме лебедя. А она в конце своего танца неожиданно для всех умирает. Ничто не способно убить в ней мечту – «научиться жить по-лебединому». [1, с. 258] Трудная жизнь, похоже, только утвердила Нинку «в необходимости лебединой власти над душой» [1, с. 260]. Героиня рассказа прожила всю свою счастливо-печальную жизнь и с неистовой силой сумела вырвать драму прожитых без любви лет и трагедию мгновенья большой жизни без полёта. «Зал молча встал, все присутствующие почувствовали, что прикоснулись к великому...».

«Инакими» в пережитые нами российские 1990-е годы становились многочисленные бомжи. Внешние, чаще бытовые, обстоятельства выбрасывали их на обочину жизни. От потерявших свой дом, семью, работу, алкоголиков и нищих, забывающих былой человеческий облик, мы чаще брезгливо отстранялись, оберегали от общения с ними детей... Г. Б. Кудрявская входит в их мир, сострадая сердечно, пишет о каждом с сочувствием и удивительным вниманием, на что способна скорее мягко-сердечная женская душа («Митроха», «Я не оставлю тебя»).

Об алкаше Митрохе написан один из ранних рассказов Кудрявской, и событийный ряд здесь потребовал особой повествовательной оптики. Широкий мазок очерка тут не годился, автору пришлось выработать вкус к деталям, подробно-

стям внешним и психологическим. Русская проза имела счастливую возможность продолжить эту эпическую традицию, новаторски открытую повестями Гоголя и романами Достоевского. Вот и «Митроха» Галины Кудрявской выходит из гоголевских «Старосветских помещиков» и «Шинели»... На все самые микроскопические подробности судьбы опущенного на дно жизни героя хватило искреннего интереса, пристального внимания автора. И на комментарий к редкому, на особицу, имени Митрохи, Митрофана, былой иронией русской классики припечатанному. Событийным центром рассказа стало то, как и почему вынужден он был бросить пить, как потерял он вкус к еде и божам-сотоварищам, как расстрогала Митроху встреча на экране с Надькой, бывшей женой, как много значила для него забота о малыше Кольке из соседнего подъезда... И, наконец, – сколько усилий понадобилось Митрохе, чтобы исхитриться попасть в профилакторий для бродяг и получить тарелку супа и горячий душ и наслаждаться чистыми простынями.

Героиня рассказа «Дурочка» жила очень просто, непринужденно. Святая доброта жила в Насте наивно и доверчиво, бескорыстно и чисто – как в ребёнке. Она и была большим дитём, «умом маленькая, а телом-то взрослая, могла уже своих детей иметь» [4, с. 16]. И обиды не знающая, и всем прощающая. Невеста Христовая. Всегда помнила: люди ведь слабые, не ведают, что творят. Вполне закономерно, что этот простодушный рассказ о святом человеке в финале восходит к событию высокому и трагическому, житийному – подвигу гибели героини за други своя. На фоне паники и оцепенения растерявшихся соседей Настя спасает ребёнка из пылающей избы. Сопереживая и сочувствуя своей героине, Г. Кудрявская умеет быть и трезво сдержанной, объективной в мелодраматической коллизии рассказа. Сначала это проявляется только в жёсткой стилистике фразы, спокойно живущей в авторском комментарии: «Дури в ней особой не наблюдалось» [4, с. 16], а итог повествованию подводит диалог трёх оценочных точек зрения на происшедшее, который автор оставляет без собственного комментария.

"...Иногда вдруг приходит к тебе из некоей тайной глубины дитя что-то удивительное и неоспоримо важное. Только что не было, и вот – сошлось, проявилось. И ты внезапно и понимаешь, как это было необходимо твоей, и не только твоей, душе."

Отвергнутый Настей Филька заключает: «...сплюнул и сапогом растёр: – Дура – она дура и есть... Старухи на поминках перешёптывались: – Прибрал Бог душу ангельскую. Знать в рай попадёт. Никому зла не сделала...». А спасённый Настей из огня Серёжка подёргал мать за юбку и «жалобным голоском протянул, будто пропел: "На-астя..."» [4, с. 19]. И надо ли здесь что-то ещё пояснять?! Галина Кудрявская хорошо понимает эстетическую значимость финала художественного произведения. Последняя сцена, даже завершающая текст фраза – у неё всегда значимое место в сюжете, это сильный, восклицательный элемент всей композиции, нередко подводящий итог развитию событий, иногда переворачивающий неожиданно их смысл. Например, в новелле. Но в трагической коллизии «Дурочки» читателю всё становится ясно и без дополнительных акцентов со стороны автора – так безошибочно проявляется чувство её художественной меры.

Рассказ «Сиянье дня» занимает особое место в творчестве Галины Кудрявской. Этим текстом как своеобразным художественным замком она любила завершать композицию нескольких книг своей прозы, а одно из них получила от него и название [5]. По жанру это рассказ-эссе, развитие мысли в нём рождается из нежданного соотнесения двух хрестоматийно известных строк Пушкина и Лермонтова: «Сижу за решёткой в темнице сырой...» и «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня...». И в их резком контрасте мы вслед за автором начинаем понимать потаённое единство обобщения, объединяющее нас с думой автора. Темница, которая и над каждым из нас тяготеет, неспособна убить твоё требовательное стремление к сияющему свету. Эта мечта и устремлённость Галины Кудрявской и в прозе, и в стихах всегда была опорой миропонимания автора. «Я поворачиваю душу в сторону любви», – пишет она, завершая эссе [1, с. 306]. Таков главный вектор её нравственности, основа веры – как бы ни трудна и терниста была жизнь, как бы ни был слаб и грешен человек в своей земной доли, для каждого из нас возможна лестница к свету. Это явлено в рассказе как духовное открытие. «...При всех узах земной жизни оно есть: это Сиянье» [1, с. 296]. Таким убеждённым озарением мысли начинается этот рассказ, а после автор простыми и ясными примерами лично ею пережитого убеждает читателя в истинности открытого нравственного закона жизни.

Так, распахнутыми руками встречали её в детстве руки родителей и бабушек. Так, подрастая, отогревалась её душа у девяностолетней подружки бабы Фроси: та и в горе находила свет... Так, провожая в последний путь свою маму (она

Галина Кудрявская

Сиянье
дня

умирала тяжело, но мужественно), – Галина Кудрявская услышала от десятилетней девочки: «Если бы бабушка видела, какое тут торжество!» Парадокс ребёнка, не ведающего, что творит? Да нет: «И мы вместе с ней понимаем: да это Торжество Жизни – миг, когда временное сеется в вечность» [1, с. 299]. А разве только она, автор этого удивительного светлого размышления, возвращаясь с кладбища от дорогих ей могил, чувствует себя духовно обновлённой и очищенной?! «Моя любовь к ним приходит ко мне их любовью» [1, с. 306].

Нравственный закон жизни – в любви, надежде и вере в торжество светлого, в преодоление земных уз Сиянием света – передан автором как эстафета любви от тех, кто был на земле до нас. «Из-за всех бугров, колдобин и горок встаёт неумолимое Сиянье ... моё Сиянье дня» [1, с. 306].

Такова нравственная основа целостного мира, представленного в рассказах Галины Кудрявской столь полно и подробно, с такой любовью и верой в жизнь, помогающей автору художественно органично соединять в творчестве субъективность искреннего проникновенного лиризма с пронзительной мудростью эпической прозы поэта.

Продолжение следует

Г. Б. Кудрявская

Из цикла «Счастье»

Жизнь научает со многим смириться...
 Что ж, улетай, перелётная птица.
 Взмах, поднимаю прощающе руку,
 Горькую я принимаю науку.
 Падают звёзды и падают листья.
 Снятся, как прежде, любимые лица.
 Но испаряются зимы и лета.
 Счастье моё перелётное, где ты?
 Чем обернулось в ином измеренье?
 О, как непросто даётся смирение...

Основные источники

1. Кудрявская Г. Б. Где длится жизнь...: рассказы / Г. Б. Кудрявская; сопроводит. ст. И. Б. Гладковой и М. С. Штерн. – Омск: Изд. дом «Наука», 2013. – 324 с.
2. Кожин В. Рассказ // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1974. – С. 310.
3. Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. Т. 2. – Москва: ГИХЛ, 1955. – 516 с.
4. Кудрявская Г. Б. Зацепочка: рассказы / Г. Б. Кудрявская. – Омск: Изд. дом «Наука», 2021. – 108 с.
5. Кудрявская Галина. Сиянье дня / Г. Б. Кудрявская. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2007. – 99 с.

КНИГИ СПЕЦИАЛЬНОГО ФОРМАТА ЗВУЧАТ ГОЛОСАМИ ВОЛОНТЁРОВ

Юлия Федотова

В 2012 году в специализированной библиотеке для незрячих и слабовидящих на 6 квадратных метрах была создана своя студия звукозаписи. Основной целью создания студии стало желание раскрыть для незрячих читателей нашего региона богатейший мир книг краеведческого характера как художественного, так и познавательного содержания.

С появлением студии появилась проблема поиска чтецов. Тогда вспомнился наш давний разговор с омским поэтом, переводчиком, членом Союза Российских писателей Евгением Давыдовичем Фельдманом, который очень хотел бы, чтобы его переводы произведений представителей английской литературы стали доступны и для незрячих людей. Он с охотой откликнулся на наш призыв и сам начал читать стихи Бернса, Киплинга, Китса и таким образом Евгений Фельдман стал первым чтецом-волонтером в студии нашей библиотеки. С его легкой руки в СМИ была запущена акция по привлечению волонтеров для записи «говорящих» книг. С нами начали сотрудничать журналисты, педагоги, молодые актёры Омского Лицевого драматического театра и, конечно, наши талантливые читатели разных возрастов. Так стала развиваться история издания омских книг в специальном формате.

Так как среди волонтеров-чтецов были творческие люди, вскоре, уже в начале 2013 года, родилась идея создания проекта под названием «Аудиотеатр волонтеров». Идея воплотилась в жизнь, театр начал работать и просуществовал 5 лет. Это было творческое объединение, в котором на безвозмездной основе и на равных условиях работали как инвалиды по зрению, так и люди без ограничений здоровья; как самодельные актёры, так и профессионалы. Основной целью создания аудиотеатра была интеграция инвалидов по зрению в общество здоровых людей. За всё время существования творческого объединения было записано 9 разноплановых работ. Это аудиоспектакль «История гибели одного музыканта» по мотивам повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова», музыкальная сказка «Два клёна» Евгения Шварца, мо-

Я сегодня снова
была в библиотеке
для незрячих,
записывала
аудиокнигу для их
фонда

Для юных посетителей Библионочи было представлено много интересного: интерактивные занятия от Школы скорочтения и развития интеллекта «Schoolford», мастер-классы от Лаборатории «Пифагорус», цифровая эко-лаборатория от детского технопарка «Кванториум», интеллектуально-развлекательные игры, подготовленные сотрудниками библиотеки. Первый раз участниками нашего праздника стали животные из Экоцентра и Министерства Природных ресурсов и вызвали небывалый ажиотаж среди посетителей.

Любителям интеллектуального досуга была предложена программа лекций и тематических обзоров от книжных древностей до мистических историй Омска.

На одной из интерактивных зон можно было узнать о деятельности Росгвардии, направленной на защиту интересов нашей Родины, на сохранение исторической памяти и героического наследия предков. Гости собирали различные виды оружия, примеряли защитную амуницию и попробовали выйти на связь по рации. В интеллектуально-патриотической игре «Наша Победа» участникам были предложены задания по ключевым моментам, героям, технике и вооружению Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Доброй традицией нашей акции стали полюбившиеся посетителям экскурсии в «книжное закулисье» — книгохранилище библиотеки, а также квест, позволивший в рамках выполнения всех заданий познакомиться с обширными фондами Пушкинки, применить все свои знания и проявить смекалку, чтобы стать победителем.

Обширную игровую программу представили настольные игры от Мосигры, «Музейные ассоциации» с музеем имени М. А. Врубеля, деревянные пазлы «Davici», литературные квизы и познавательные викторины. Творческие люди смогли проявить себя на многочисленных мастер-классах, нарисовать картину, изготовить блокнот или закладку для книги, научиться письму пером и чернилами на «Рукописной мастерской».

Вся библиотека являлась огромной фотозоной для посетителей мероприятия. Каждая фотозона создавала своё тематическое пространство.

Не обошлась ночная акция и без традиционного урока тротуарной астрономии: все желающие смогли полюбоваться луной и сделать научные открытия вместе с астрономами-профессионалами.

Для наших новых читателей, как и во время многих других мероприятий, был разработан уникальный дизайн электронного читательского билета.

Ярким и запоминающимся завершением ночи стало световое шоу от танцевального коллектива «Аксель».

Спасибо всем, кто был с нами в этот грандиозный праздник чтения!

АВТОРЫ АЛЬМАНАХА

Абросимова Арина Геннадьевна – журналист, искусствовед (Москва)

Акелькина Елена Алексеевна – руководитель Центра по изучению творчества Ф. М. Достоевского, профессор, доктор филологических наук

Веретенникова Светлана Андреевна – шеф-редактор редакции художественно-документальных проектов, журналист телевизионной кампании «12 канал»

Гладкова Ирина Борисовна – заведующая отделом по связям с общественностью и редакционно-издательской деятельности ОГОНБ им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук

Глушкова Ирина Ивановна – заведующая отделом «Омский региональный центр доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки и НЭБ» ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Давыденко Софья Николаевна – заведующая отделом искусств и культурно-просветительских проектов

Каткова Елена Ивановна – заведующая сектором краеведческой библиографии информационно-библиографического отдела ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Киричук Елена Владеленовна – профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук

Лапина Людмила Васильевна – учёный секретарь ОГОНБ им. А. С. Пушкина

АВТОРЫ АЛЬМАНАХА

Лосунов Александр Матвеевич – историк-краевед

Панасенков Владимир Николаевич – краевед, журналист

Пономарёва Лариса Григорьевна – заведующая Центром книжных памятников ОГОНБ им. А. С. Пушкина, кандидат филологических наук

Преловшек Анита – доктор музыковедения (Любляна Словения)

Сорокин Алексей Петрович – заместитель директора ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Тихонов Александр Александрович – заведующий экскурсионным отделом Исторического парка «Россия – моя история», писатель, поэт, публицист

Федотова Юлия Евгеньевна – заведующая филиалом «Специализированная библиотека для незрячих и слабовидящих» ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Физиков Вадим Михайлович – литературовед, литературный критик, кандидат филологических наук

Шевченко Ольга Владимировна – главный библиограф информационно-библиографического отдела ОГОНБ им. А. С. Пушкина

Ямчукова Ирина Ивановна – заведующая справочно-библиографическим сектором информационно-библиографического отдела ОГОНБ им. А. С. Пушкина

МЫ В СОЦСЕТЯХ

